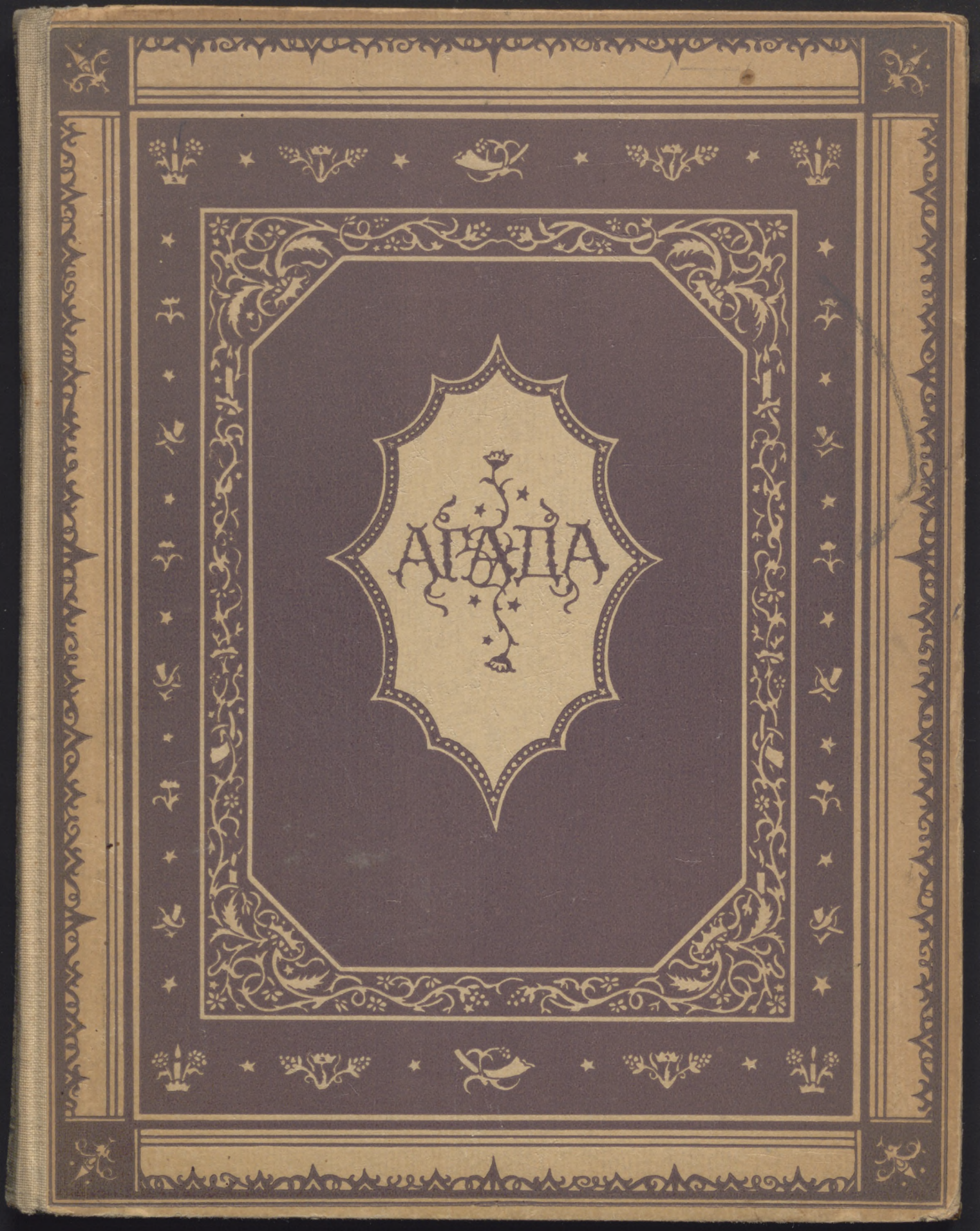


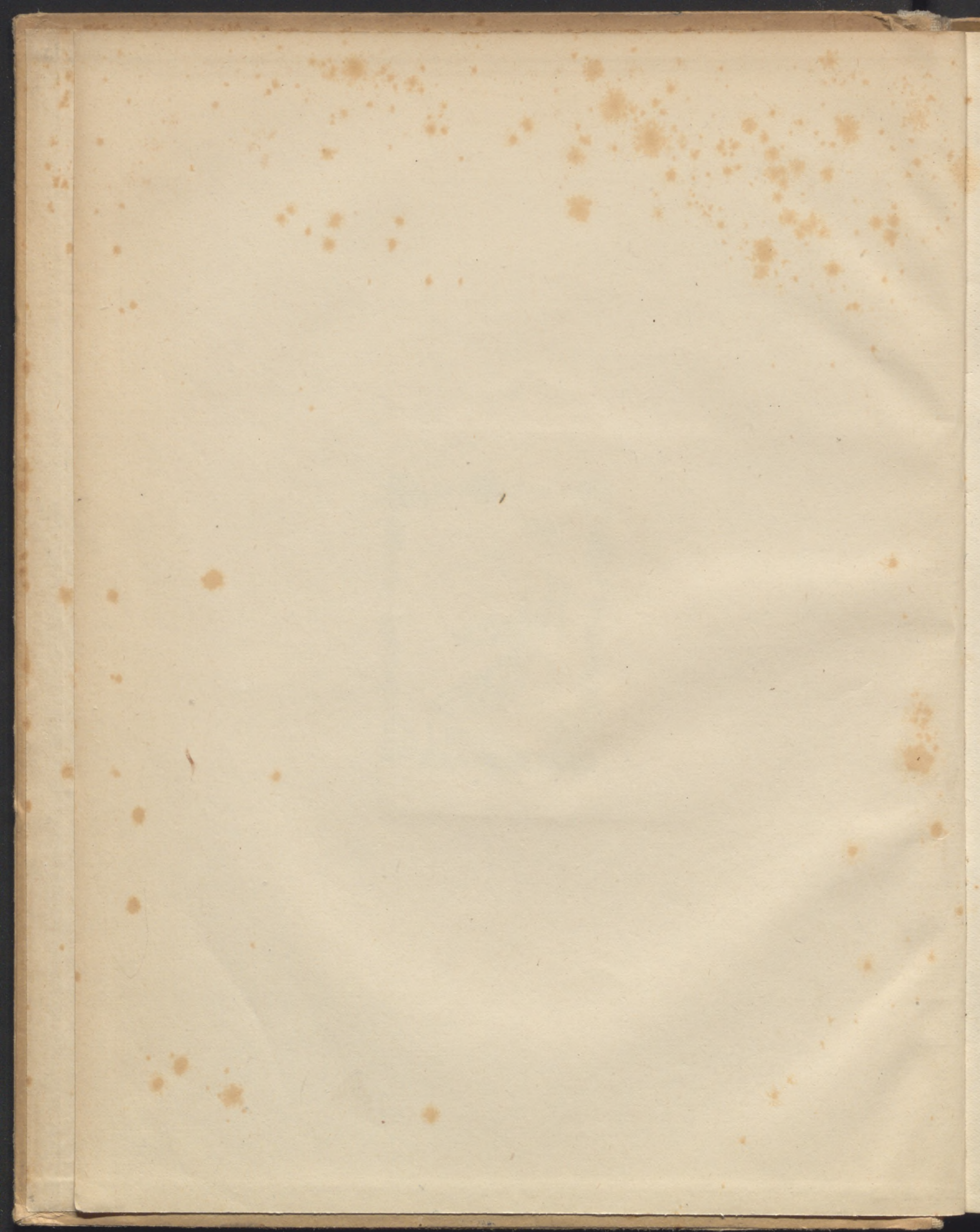


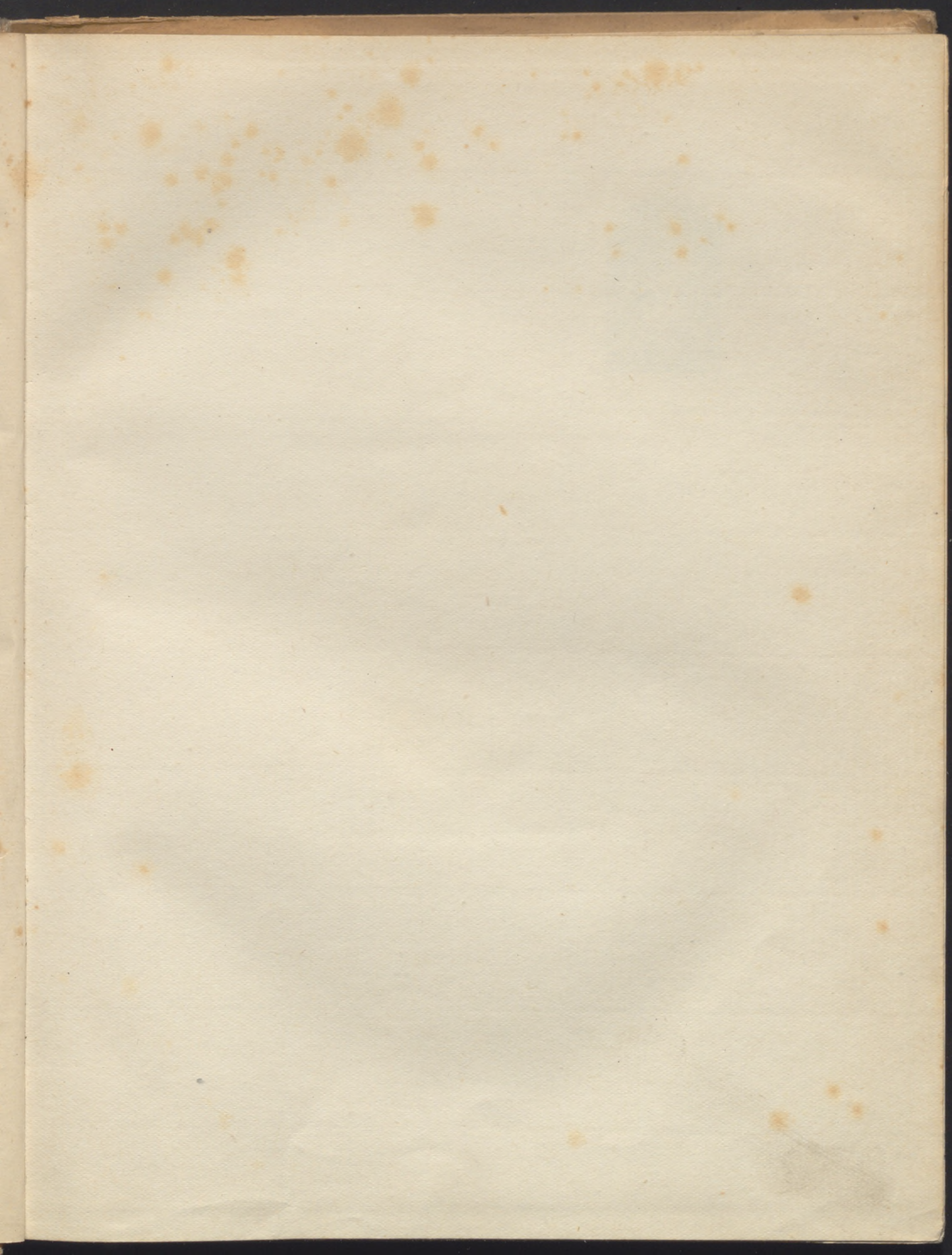
ΑΥΓΙΑ



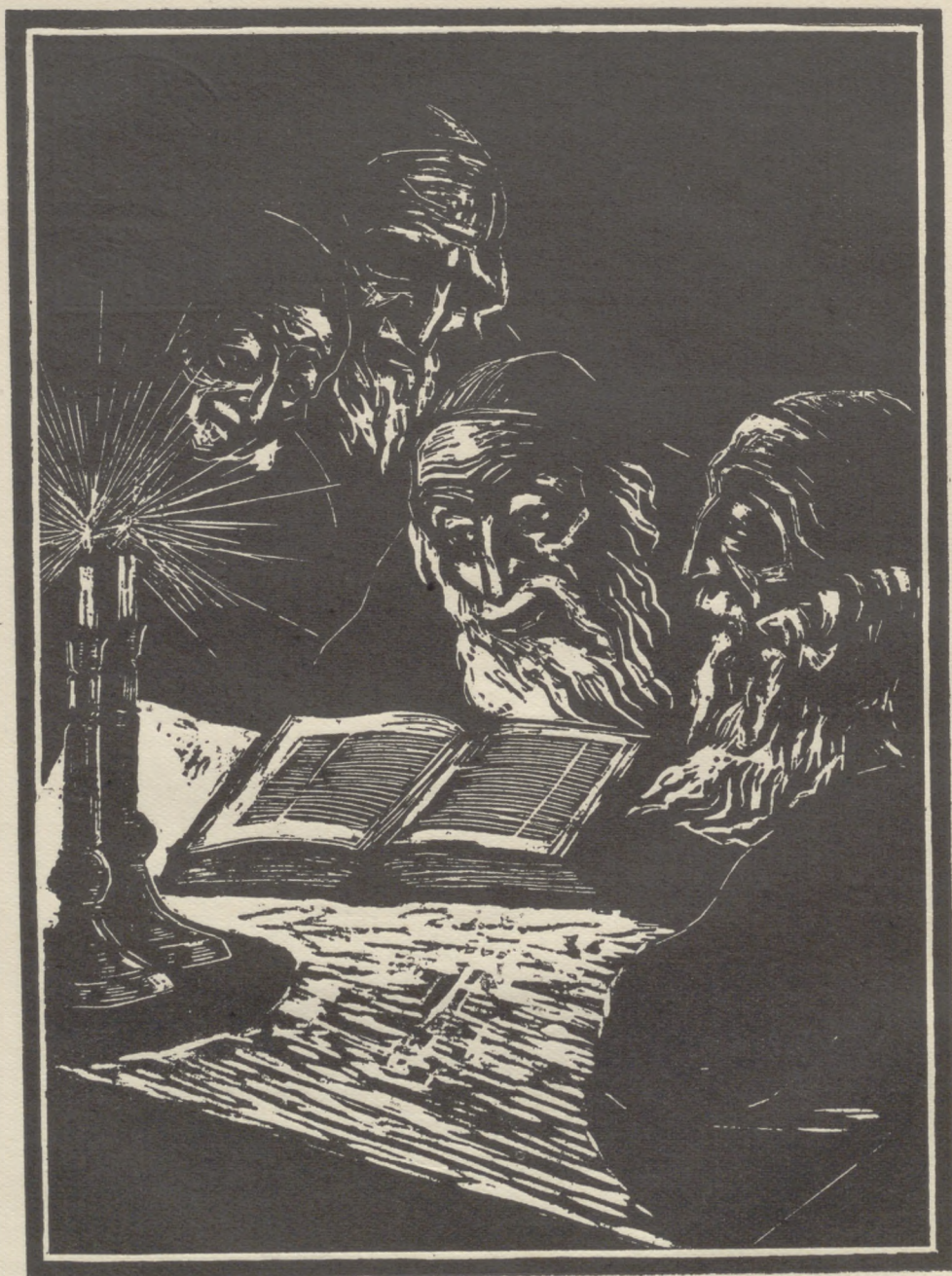


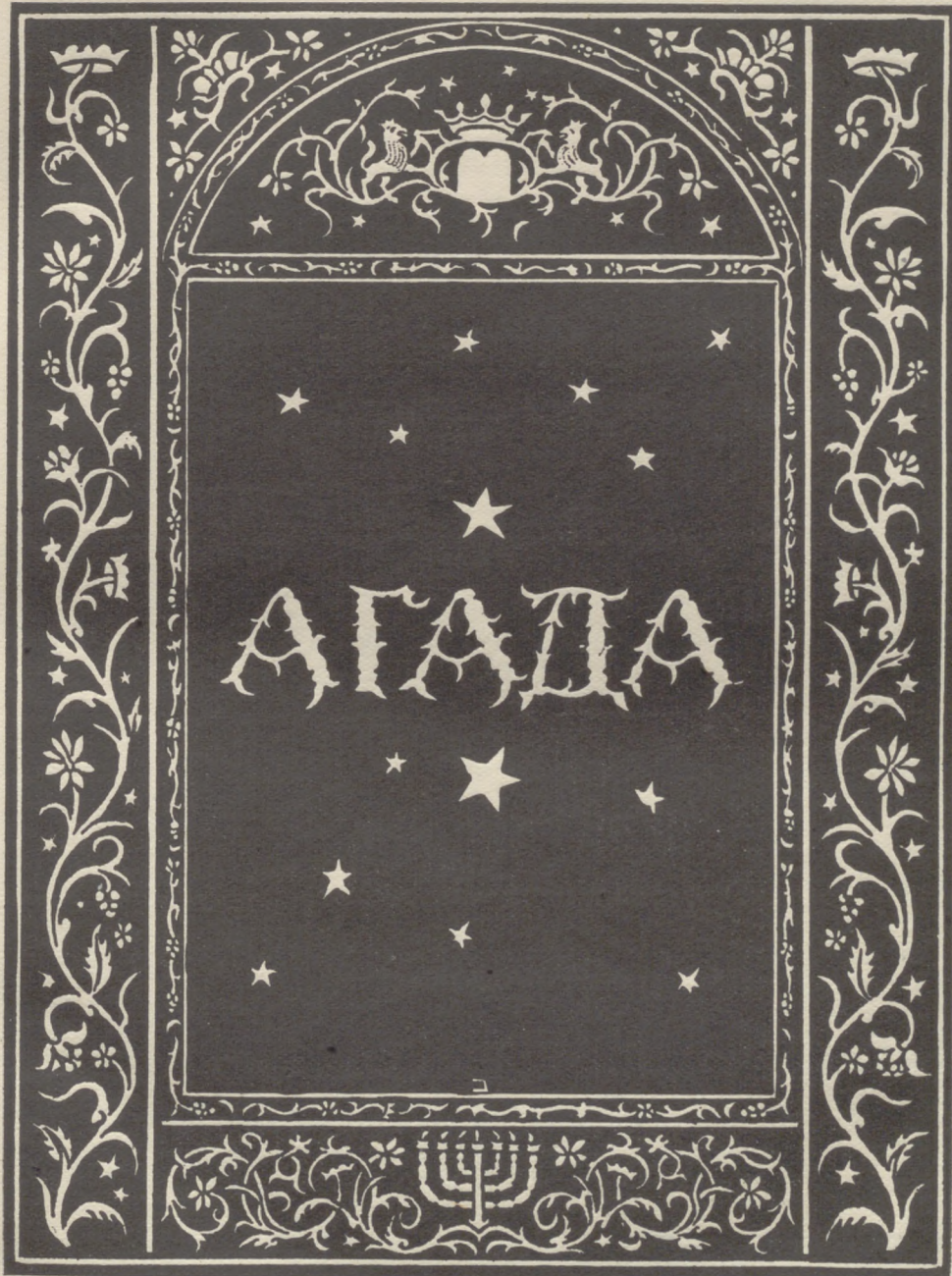
EX LIBRIS:
HENRYKA BIELECKIEGO.

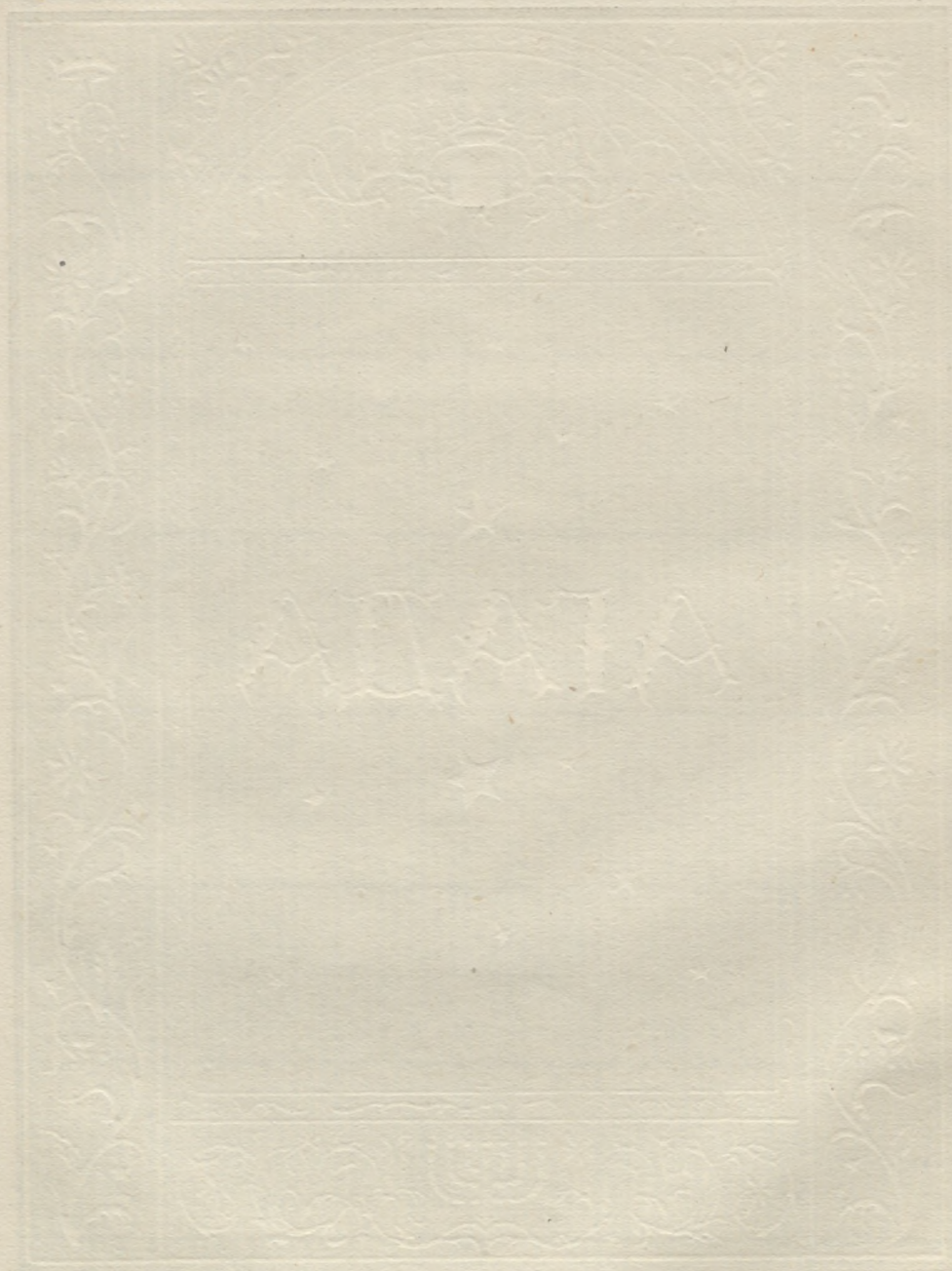












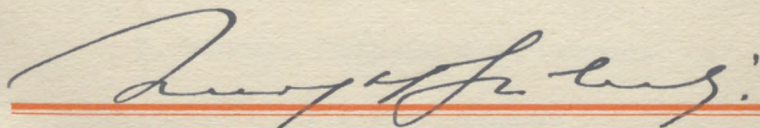
АГАДА

СКАЗАНИЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНИЯ
ТАЛМУДА И МИДРАШЕЙ
ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ



СОСТАВЛЕННАЯ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ
І. Х. РАВНИЦКИМЪ и Х. Н. БЯЛИКОМЪ
АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ

С. Г. ФРУГА



ИЗДАТЕЛЬСТВО С. Д. ЗАЛЬЦМАНЪ
БЕРЛИНЪ

Рисунки художника Іосифа Будко



Copyright
by the S. D. Saltzmann Verlag
Berlin 1922



Печать Библиографического Института въ Лейпцигѣ

495269

D 10/25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эпоха Второго храма

★
Разрушеніе Второго храма

★
Раби Симеонъ бенъ Шетахъ

★
Хони Гамеагелъ и его потомки

★
Гиллель старшій

★
Школа Шаммая и школа Гиллеля

★
Ионатанъ бенъ Узіэль

★
Р. Акавія бенъ Магалалэль

★
Рабанъ Іохананъ бенъ Заккай

★
Р. Ханина бенъ Доса

★
Рабанъ Гамліель II Ямнійскій

★
Р. Эліэзеръ (великій) бенъ Гирканъ

★
Р. Іошуа бенъ Хананія

★
Нахумъ Ишъ-Гамзо

Р. Тарфонъ

★
Р. Акиба

★
Десять великомученниковъ

★
Р. Меиръ (Негорай). Элиша бенъ Абуя (Ахеръ).
Берурія

★
Р. Симеонъ бенъ Йохай и сынъ его Элазаръ

★
Р. Пинхасъ бенъ Яиръ

★
Р. Иуда-Наси (Раби, Рабену Га-Кадошъ)

★
Р. Хія

★
Р. Иохананъ и р. Симеонъ бенъ Лакишъ (Решъ-
Лакишъ)

★
Равъ (равъ Аба)

★
Самуиль (Ярхинаи)

★
Равъ Гуна

★
Равъ Шешетъ

★
Раба баръ Нахмани

★
Р. Иосе изъ Юкрата

★
Сапданы

ЭПОХА ВТОРОГО ХРАМА

ХРАМЪ

Кто не видѣлъ Иерусалима въ полномъ величїи его, тотъ не видаль въ жизни истинно великолѣпнаго города, и кто не видѣлъ храма въ полномъ его сооруженїи, тотъ не видаль никогда замѣчательнаго по красотѣ зданїя. *Сот., 51.*

*

Св. Земля была центромъ міра; центромъ Св. Земли былъ градъ Иерусалимъ, центромъ Иерусалима — храмъ, центромъ храма — Святилище, центромъ Святилища — ковчегъ, а передъ Святилищемъ находился «эвенъ-шетїа» — камень, заложенный какъ фундаментъ для всего мірозданїя. *Танх. Гак.*

*

Въ храмѣ находились, сохранившїеся со временъ Моисея, слѣдующїе предметы:

Лоза. У входа въ Святилище стояла, подвязанная на тычинки золотая лоза виноградная, и каждый, кто жертвовалъ въ храмъ золотыя издѣлія въ видѣ листка, ягоды или цѣлой кисти, вѣшалъ свой даръ на эту лозу.

По преданїю отъ раби Елазара бераби Садокъ — тяжесть этой лозы дошла до того, что когда встрѣтилась надобность сдвинуть ее съ мѣста, для этого потребовались усилїя трехсотъ священниковъ.

Флейта изъ тонкаго, отполированнаго тростника. Флейту эту царь приказалъ покрыть золотой отдѣлкой, послѣ чего она потеряла

чистоту звука; сняли золото — и флейта стала звучать мелодично по прежнему.

Колокольчикъ, мѣдный, прекраснаго звука. Слегка попорченный, онъ отданъ былъ въ починку лучшимъ Александрійскимъ мастерамъ, но послѣ этого потерялъ чистоту звука; уничтожили сдѣланныя исправленія — и звукъ сталъ чистъ по прежнему.

Ступка, мѣдная, употреблявшаяся при образованіи состава священныхъ оиміамовъ. Послѣ починки ея тѣми-же мастерами, составъ оиміамовъ сталъ получаться хуже прежняго; уничтожили исправленія — и ступка стала дѣйствовать по прежнему.

Было еще въ храмѣ музыкальное орудіе *магрефа*, родъ органа съ наборомъ изъ десяти трубъ, каждая изъ коихъ звучала на десять различныхъ тембровъ, такъ что въ общемъ органъ звучалъ на сто тембровъ.

Еруб., 10, 11; Тос.

СИМЕОНЪ ПРАВЕДНЫЙ

Пришли самаритяне къ Александру Македонскому съ просьбою разрѣшить имъ разрушить храмъ іерусалимскій. Александръ разрѣшилъ. Дали знать объ этомъ Симеону Праведному. Облачившись въ первосвященническія одежды, пошелъ Симеонъ, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ израильтянъ, къ Александру. Всю ночь шли они, освѣщая путь свой факелами. При свѣтѣ утренней зари замѣтилъ ихъ Александръ и спросилъ самаритянъ:

— Кто эти люди?

— Это и есть, — отвѣтили тѣ, — измѣнники-израильтяне.

Встрѣча израильтянъ съ Александромъ произошла въ часъ восхода, у Антипароса. Едва взглянувъ на Симеона, царь сошелъ съ колесницы и поклонился ему. Видя это, приближенные Александра воскликнули:

— Тебѣ-ли, великому царю, кланяться іудею этому?!

— Лицо этого человѣка, — отвѣчалъ царь, — живое подобіе лика ангела побѣды, въ битвахъ предшествующаго мнѣ.

И, обратившись къ израильтянамъ, Александръ спросилъ:

— По какой надобности пришли вы ко мнѣ?

— Мы пришли къ тебѣ, Государь, изъ опасенія, чтобы язычники не уговорили тебя разрушить ту Обитель, въ которой мы возносимъ молитвы о благополучіи твоёмъ и царства твоего.

— Кто-же язычники эти? — спросилъ Александръ.

— Самаритяне эти, которые стоятъ передъ тобою.

— Они въ вашей власти, — сказалъ Александръ.

Въ тотъ-же день израильтянами разрушенъ былъ самаритянскій храмъ на горѣ Геризимъ.

Юма, 69.

*

Случай, рассказанный Симеономъ Праведнымъ:

— Единственный разъ въ жизни я отвѣдалъ мяса отъ жертвы осквернившагося назорея*. Однажды, пришелъ ко мнѣ назорей, житель южной страны. Человѣкъ этотъ былъ чрезвычайно красивъ, строенъ и имѣлъ пышные, волнистые волосы.

— Сынъ мой! — сказала я, — чего ради ты рѣшилъ остричь прекрасные волосы свои?

Въ отвѣтъ онъ рассказалъ слѣдующее:

— «Я состоялъ пастухомъ при стадѣ отца моего. Однажды, подойдя къ источнику, я увидѣлъ въ водѣ отраженіе свое, и началъ искушитель обольщать меня. — «Проклятый! — воскликнулъ я, — ты обольстить хочешь плоть мою, которая и не подвластна тебѣ, и въ прахъ и тлѣніе обратиться должна? Клянусь, не бывать этому: остригусь ради Господа моего!»

— Услыша слова эти — продолжалъ Симеонъ Праведный, — я облобызалъ голову его и сказала: «Сынъ мой, дай Богъ, чтобы много было подобныхъ тебѣ назореевъ въ народѣ нашемъ!»

Нед., 40.

*

Время кончины своей Симеонъ Праведный предсказалъ самъ. «Я умру, — сказала онъ однажды своимъ близкимъ, — въ этомъ-же году». На вопросъ — какъ онъ узналъ объ этомъ, отвѣтилъ:

— Ежегодно въ Юмъ-Кипуръ нѣкій старецъ въ бѣлыхъ одеждахъ сопровождаетъ меня при входѣ моемъ въ Святилище и при выходѣ оттуда. На этотъ-же разъ мнѣ явился старецъ, одѣтый въ черное, вошелъ вмѣстѣ со мною въ Святилище, но оттуда не выходилъ.

Сейчасъ послѣ праздниковъ Симеонъ заболѣлъ и черезъ семь дней умеръ.

Мен., 109.

* *Назорей* (назиръ) — давій обѣтъ воздержанія на опредѣленный срокъ или на всю жизнь. Осквернившій, т. е. нарушившій, обреченіе свое, назорей приносилъ установленную жертву (*См. Числа, VI*).

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ

Пришли къ Александру Македонскому жители Африки на судъ съ народомъ израильскимъ.

— Земля Ханаанская принадлежитъ намъ, — заявили они, — ибо сказано: «Земля Ханаанская по границамъ ея». Ханаанъ-же былъ предкомъ нашимъ.

Обратился къ мудрецамъ Гебіа бенъ Песиса и сказалъ:

— Разрѣшите мнѣ выйти на судъ съ ними передъ Александромъ: побѣдятъ они меня, вы скажете: «простолюдина изъ среды нашей побѣдили вы». А удастся мнѣ взять верхъ надъ ними, вы скажете имъ: «Ученіе Моисеево побѣдило васъ».

Получивъ разрѣшеніе, предсталъ на судъ Гебіа бенъ Песиса и сказалъ:

— Вы откуда приводите доказательство?

— Изъ Торы, — отвѣтили тѣ.

— И я, — сказалъ онъ, — не стану приводить доказательствъ, кромѣ словъ Торы. Въ Торѣ-же сказано: «Проклятъ Ханаанъ! Рабъ рабовъ да будетъ онъ у братьевъ своихъ». Рабъ, пріобрѣвшій имѣніе, — чьей собственностью остается и онъ, и пріобрѣтенное имъ? Кромѣ того, сколько лѣтъ уже, какъ вы не служите намъ?

— Отвѣчайте ему, — сказалъ имъ Александръ.

— Государь, — попросили они, — дай намъ три дня сроку.

Царь согласился. Не найдя отвѣта, они бѣжали, бросивъ посѣвы на поляхъ и посадки на виноградникахъ.

Годъ тотъ былъ «годомъ Субботнимъ»*.

*

Другой разъ судиться съ израильтянами пришли къ Александру египтяне.

— Въ Торѣ, — заявили они, — сказано: «Господь далъ милость народу въ глазахъ египтянъ, и они дали ему вещей серебряныхъ, и вещей золотыхъ, и одежду». Требуемъ, чтобы возвращены были намъ серебро и золото, взятое у насъ израильтянами.

* Седьмымъ годомъ, когда, по закону Моисееву, не производилось никакихъ посѣвовъ и посадокъ.

Выступилъ тотъ-же Гебіа бенъ Песиса.

— Приведу, — сказалъ онъ, — и я доказательство изъ Торы. Въ Торѣ-же сказано: «Время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ — четыреста тридцать лѣтъ». Заплатите-же намъ за работу шестисотъ тысячъ человѣкъ, которыхъ поработали вы въ продолженіи четырехсотъ тридцати лѣтъ.

— Отвѣчайте ему, — сказалъ Александръ.

— Государь, — попросили египтяне, — дай намъ сроку три дня.

Но прошло три дня, и, не находя, что отвѣтить, египтяне со стыдомъ бѣжали, бросивъ посѣвы на поляхъ и посадки на виноградникахъ.

Годъ тотъ былъ «годомъ Субботнимъ».

*

Пришли на судъ съ Израилемъ и потомки Измаила съ потомками Хеттуры.

— Въ Торѣ, — говорили они, — Измаиль именуется «сыномъ Авраама» точно также, какъ и Исаакъ, а потому земля Ханаанская должна быть поделена между нами и израильтянами поровну.

— Въ Торѣ-же, — отвѣчала Гебіа бенъ Песиса, — сказано: «И отдалъ Авраамъ все, что у него, Исааку. А сынамъ наложницъ (Агари и Хеттуры), что у Авраама, далъ онъ подарки». Раздѣлъ совершенъ былъ отцомъ при жизни. Могутъ-ли дѣти послѣ этого имѣть притязанія другъ къ другу?

*

Однажды Александръ заявилъ совѣтникамъ своимъ:

— Желая идти въ землю Африканскую.

— Проникнуть туда невозможно, — отвѣтили совѣтники, — Горы Мрака* препятствуютъ.

— Идти туда, — сказалъ Александръ, — мнѣ необходимо, и васъ я прошу только придумать способъ, какъ сдѣлать это.

— Возьми, — сказали совѣтники, — ливійскихъ ословъ, привыкшихъ къ темнотѣ, и, запасшись клубками веревокъ, концы по-

* Повидимому — трудно проходимыя горы, изобилующія темными ущельями.

слѣднихъ укрѣпи при входѣ въ ущелья, по этимъ-же веревкамъ ты и прослѣдуешь обратно.

Александръ такъ и сдѣлалъ. Дойдя до Кароагена, мѣстности, населенной однѣми женщинами*, онъ объявилъ имъ войну. На это женщины тѣ отвѣтили:

— Побѣдишь ты насъ, скажутъ: «Женщинъ побѣдилъ онъ». А одолѣемъ мы, про тебя будутъ говорить: «Царь, котораго женщины побѣдили».

— Принесите намъ хлѣба, — попросилъ Александръ.

Принесли онѣ на золотомъ столѣ хлѣбы изъ золота и яблоки, и гранатовые яблоки, изъ золота-же.

Развѣ въ странѣ вашей, — спросилъ Александръ, — ѣдятъ золото?

На это женщины тѣ отвѣтили:

— Но если тебѣ хлѣбъ нуженъ, то развѣ въ твоемъ царствѣ хлѣба нѣтъ, что ты къ намъ пришелъ его искать?

Уходя, Александръ начерталъ на городскихъ воротахъ:

«Я, Александръ Македонскій, былъ царемъ-глупцомъ, пока не пришелъ въ землю Африканскую и не поучился мудрости отъ женщинъ».

*

Пошелъ оттуда Александръ къ царю страны Кассіи**. Сталъ царь этотъ показывать Александру несмѣтные запасы серебра и золота. Но Александръ сказалъ:

— Не серебро и золото ваше видѣть пришелъ я, но обычаи и законы ваши.

Въ то время, когда они сидѣли и вели бесѣду, пришли двое судиться передъ царемъ.

— Государь! — сказалъ одинъ изъ нихъ, — я купилъ у этого человѣка пустошь, сталъ тамъ рыть землю и нашелъ кладъ. Возьми себѣ, — говорю я ему, — кладъ этотъ: я купилъ у тебя пустошь, но не кладъ.

Другой-же отвѣчалъ:

* Легендой, очевидно, смѣшаны древній Кароагенъ, по преданію, основанный женщиной, Дидоной, съ Каппадокіей, гдѣ, по преданію-же, жилъ народъ воинственныхъ женщинъ, амазонокъ.

** Страна мифическая.

— Я также, какъ и ты, боюсь грѣха присвоенія чужого. Я продалъ тебѣ пустошь вмѣстѣ со всею, что находится на ней, отъ нѣдръ земныхъ до высотъ поднебесныхъ.

Обратился царь къ одному изъ нихъ и спросилъ:

— Имѣешь ты сына?

— Имѣю, — былъ отвѣтъ.

— А у тебя дочь есть? — спросилъ царь другого.

— Есть.

— Пожените ихъ другъ на другѣ и найденный кладъ отдайте въ приданное имъ.

Видя удивленіе Александра, царь спросилъ:

— Развѣ нехорошо я разсудилъ ихъ? А въ вашей странѣ какъ рѣшили-бы подобный споръ?

— Я, — отвѣтилъ Александръ, — отрубилъ-бы обоимъ головы, а кладъ поступилъ-бы въ царскую казну.

— Свѣтитъ-ли солнце въ вашей странѣ? — спросилъ царь.

— Свѣтитъ.

— И дожди идутъ?

— Идутъ.

— А есть-ли мелкій скотъ у васъ?

— Есть.

— Проклятія достойны люди у васъ, и только ради животныхъ солнце свѣтитъ вамъ и дождь идетъ у васъ.

*

На обратномъ пути остановился Александръ для обѣда близъ одного ручья. Поданную ему соленую макрель царь началъ обмивать въ воду ручья — и рыба получала удивительно пріятный запахъ.

— Это доказываетъ, — сказалъ Александръ, — что ручей этотъ течетъ изъ рая.

Помывъ лицо свое въ водѣ ручья, Александръ направился по истокамъ его и дошелъ до вратъ рая.

— Отворите! — воскликнулъ Александръ.

— Врата эти — Господни, праведники входятъ черезъ нихъ, — услышалъ онъ въ отвѣтъ.

— Но я царь, и я знаменитъ, — сказалъ Александръ, — дайте же мнѣ какую нибудь вещь на память.

Дали ему черепную кость. Придя въ свое царство, Александръ положилъ на одну чашу вѣсовъ эту кость, а на другую все серебро и золото, бывшее при немъ. Перевѣшивала кость.

— Что значить это? — спросилъ Александръ у мудрецовъ.

— Эта кость, — отвѣтили мудрецы, — орбита человѣческаго глаза, ненасытнаго въ жадности своей.

— Чѣмъ вы это докажете?

— Возьми горсть земли* и посыпь кость.

Царь сдѣлалъ такъ, — и золото тотчасъ перевѣсило кость.

Санг., 91; Бер.-Р., 61; Там., 31—32; Танх.

МАТЬ СЕМЕРЫХЪ

«За Тебя умерщвляютъ насъ каждый день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе».

— О женщинѣ съ семью ея сыновьями, — говорилъ равъ Іегуда, — гласить этотъ стихъ. Дѣло было съ Мириамъ бать** Нахтомъ, которую схватили вмѣстѣ съ ея семью сыновьями. Заключивъ ихъ въ отдаленнѣйшей камерѣ въ темницѣ, начали выводить ихъ поочередно передъ императоромъ. Вывели старшаго изъ братьевъ.

— Поклонись идолу, — сказали ему.

— Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Я, Господь — Богъ твой».

Казнили его.

Привели второго и сказали:

— Поклонись идолу.

Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Да не будетъ у тебя иныхъ боговъ кромѣ Меня».

Казнили и его.

Привели третьяго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Богу иному не поклоняйся».

* Символь могилы.

** Дочь.

И его казнили.

Привели четвертаго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Жертвующій богамъ, кромѣ одного Господа, подвергнется истребленію».

И его казнили.

Привели пятаго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Слушай, Израиль, — Господь, Богъ нашъ — Господь единый».

И его казнили.

Привели шестого и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ, — отвѣтилъ онъ, — сказано: «Познай-же нынѣ и тверди сердцу твоему, что Господь есть Богъ на небѣхъ вверху и на землѣхъ внизу. Нѣтъ другого».

И его казнили:

Привели седьмого, самаго младшаго. И самъ императоръ обратился къ нему и сказалъ:

— Дитя мое! Поклонись идолу.

— Упаси меня Господь! — отвѣтилъ отрокъ.

— Но почему? — спросилъ императоръ.

— Потому, — былъ отвѣтъ, — что въ нашей Торѣ такъ сказано: «Господа превознесъ ты нынѣ, чтобы Онъ былъ Богомъ твоимъ — — — и Господь превознесъ тебя нынѣ — — — чтобы былъ ты Ему народомъ дорогимъ». Давно поклялись мы Всесвятому-Благословенному, что не замѣнимъ Его другимъ богомъ, и также Господь поклялся намъ, что другимъ племенемъ не замѣнитъ насъ.

Сказалъ императоръ:

— Братья твои успѣли пожить на свѣтѣ, познать жизнь и счастье; ты-же еще малъ, ни жизни, ни счастья не извѣдалъ еще. Послушайся меня — поклонись идолу.

— Въ Торѣ нашей, — отвѣтилъ отрокъ, — сказано: «Господь будетъ царствовать во вѣки вѣковъ». И еще сказано: «Господь — царь во вѣки вѣковъ, и исчезнутъ язычники изъ земли Его». Вы будете уничтожены, и царство ваше будетъ уничтожено, а Всесвятой-Благословенный живъ и будетъ жить вѣчно.

— Взгляни, — сказалъ императоръ, — братья твои убитыми ле-

жать предъ тобою. Вотъ я обороню перстень мой предъ идоломъ, наклонись и подними перстень, дабы присутствующіе подумали: «онъ все-же послушался велѣнія императора».

На это отрокъ отвѣтилъ:

— Горе тебѣ, императоръ! Горе тебѣ, императоръ! *Своей честью ты такъ дорожишь, — какъ-же должно дорожить честью Господа?*

Повели и его къ плахѣ.

— Дайте мнѣ, — взмолилась мать, — въ послѣдній разъ облобызать его.

Ей это разрѣшили.

— Головой твоей заклинаю тебя, — сказала она, обращаясь къ императору, — казни раньше меня, а его потомъ.

Не внявъ императоръ мольбѣ ея.

— Казнить отрока! — повелѣлъ онъ.

Заклчила Миріамъ сына въ объятія и, цѣлуя и лаская его, говорила:

— Дитя мое! Иди къ Аврааму, предку твоему, и скажи: Такъ велѣла мать моя сказать тебѣ: «Ты воздвигъ одинъ жертвенникъ, я семь жертвенниковъ воздвигла; ты однимъ испытаніемъ ограничился, а мое несчастіе до конца совершилось».

Не успѣла она освободить сына изъ объятій своихъ, какъ его тутъ-же умертвили. Поднялась она на кровлю и, бросившись внизъ, убила на смерть.

Въ эту минуту прозвучалъ Небесный Голосъ: «Радуйся, мать, о дѣтяхъ своихъ!»

Гит., 57; Еха-Р.

ЧУДО СЪ ЕЛЕЕМЪ

Ворвавшіеся въ Святилище войска Антиоха Епифана осквернили весь имѣвшійся въ храмѣ запасъ елея. Послѣ побѣды Асмонеевъ тамъ найденъ былъ единственный кувшинъ съ елеемъ, съ печатью первосвященника на немъ. Елея этого едва доставало бы на одинъ день. Произошло чудо: разлитый по лампадамъ, елей продолжалъ горѣть въ продолженіи восьми дней. Съ тѣхъ поръ установлено было празднованіе «Восьми дней обновленія» — Хануки.

Шаб., 21.

ГИРКАНЪ И АРИСТОВУЛЬ

Во время осады Гирканомъ Иерусалима, гдѣ царствовалъ братъ его Аристовуль*, священники ежедневно спускали съ городской стѣны сосудъ съ динаріями, взаменъ чего получали отъ осаждавшихъ животное для жертвы тамидъ. Состоявшій при Гирканѣ нѣкій старецъ, приверженецъ эллинской мудрости, сказалъ осаждавшимъ такъ:

— Покуда въ храмѣ продолжаютъ совершать жертвоприношенія, Иерусалимъ не будетъ преданъ въ руки ваши.

На слѣдующій день, когда отъ священниковъ былъ полученъ сосудъ съ динаріями, осаждашіе привязали къ спущенной веревкѣ свинью. Когда свинья была поднята до середины стѣны, она вцѣпилась копытцами въ стѣну — и въ эту минуту задрожала Св. Земля вдоль и поперекъ на протяженіи четырехъ сотъ парса. И тогда-же было постановлено: «проклять тотъ, кто разводитъ свиней, и проклять тотъ, кто обучаетъ сына мудрости эллинской!» *Сот., 49.*

ИРОДЪ

Иродъ былъ слугою царствующаго дома Асмонеевъ, и полюбилась ему юная царевна. Однажды услышалъ онъ вѣщій голосъ: «Рабу, который *нынѣ* измѣнитъ, будетъ удача». Всталъ Иродъ и убилъ всѣхъ членовъ Асмонеева рода, оставивъ въ живыхъ одну упомянутую царевну. Понявъ намѣреніе Ирода, царевна взшла на кровлю дома и громкимъ голосомъ провозгласила:

— Кто придетъ и скажетъ, что онъ изъ рода Асмонеевъ, тотъ — рабъ лживый, ибо изъ рода этого оставлена была въ живыхъ единственная отроковица, и та бросилась съ кровли на землю.

И съ этими словами царевна бросилась съ кровли и убилась на смерть.

*

«Изъ среды братій твоихъ поставь надъ собою царя».

— Это кѣмъ установлено? — сказалъ Иродъ, — законоучителями? Казнить ихъ всѣхъ!

* Изъ дома Асмонеевъ.

Оставленъ былъ въ живыхъ, по велѣнію Ирода, одинъ Бава бенъ Бута, чтобы пользоваться мудрыми совѣтами его. Предварительно, однако, у него выкололи глаза и пьянками окружили въ видѣ вѣнца голову его.

Пришелъ Иродъ, сѣлъ противъ него и сказалъ:

— Видѣлъ ты, что этотъ жестокій рабъ сдѣлалъ?

— Что-же я въ силахъ сдѣлать въ отношеніи его? — спросилъ слѣпой Бава?

— Прокляни его!

— Въ Писаніи сказано: «Даже въ помыслахъ не кляни царя».

— Сказано: «Начальника *въ народѣ твоёмъ* не проклинай», т. е. *преданнаго народу*. Этотъ-же — врагъ народу. — — И ты не бойся проклясть его: вѣдь кромѣ меня и тебя здѣсь нѣтъ никого.

— «Птица небесная можетъ слово перенести и крылатая — рѣчь пересказать».

— Знай-же, это я, Иродъ, говорю съ тобою. И признаюсь: знай я, что іудейскіе ученые — люди столь строгой нравственности, я не казнилъ-бы ихъ. Нынѣ-же чѣмъ могу я искупить преступленіе свое?

На это Бава отвѣтилъ такъ:

— «Заповѣдь — свѣтильникъ и законъ — свѣтъ». Погасившій свѣтъ міра (казнью мудрыхъ), пусть зажжетъ свѣтъ міра (возстановленіемъ храма).

*

Когда строился храмъ во времена Ирода, по ночамъ шли дожди, а къ утру вѣтеръ разгонялъ облака, и свѣтило ясное солнце. И это укрѣпляло въ народѣ убѣжденіе, что работа эта угодна Господу.

Преданіе гласитъ: кому не довелось видѣть храма, возстановленнаго Иродомъ, тотъ не видалъ ничего истинно-великолѣпнаго. Зданіе построено было изъ мрамора и лазореваго камня; кладка стѣнъ дѣлалась съ выступами и углубленіями. Иродъ намѣревался покрыть стѣны золотой обшивкой, но ему посовѣтовали не дѣлать этого: въ натуральномъ видѣ стѣны отливали тонами морскихъ волнъ.

Б. Б., 3—4; Таан., 23.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Поученіе р. Іегуды баръ Симона:

— Десять животныхъ чистыхъ указаны въ Писаніи, изъ нихъ трое — домашнихъ, находящихся подъ рукой у человѣка: волъ, овца и коза, и семеро — живущихъ на дикой волѣ: изюбрь, олень, серна, козерогъ, сайга, зубрь и лось. И Всемилосердный не заставлялъ человѣка взбираться на горы и утомляться, рыская по лѣсамъ, чтобы приносить въ жертву изъ животныхъ, находящихся на волѣ, но приелеть Господь приношенія изъ животныхъ домашнихъ, вскормленныхъ у яслей.

Волъ преслѣдуемъ львомъ, овца — волкомъ, коза — пантерой. И Господь повелѣлъ: «Не изъ преслѣдующихъ, но изъ преслѣдуемыхъ приносите въ жертвы мнѣ». *Танх.; Ваик.-Р., 27.*

*

Поученіе раби Исаака:

— Почему въ законѣ о дароприношеніяхъ, въ отличіе отъ жертвоприношеній, сказано «душа»? Потому что: «Кѣмъ, — сказалъ Господь, — обыкновенно совершается дароприношеніе**? Бѣднякомъ. И это для Меня также цѣнно, какъ если-бы онъ душу свою принесъ въ жертву Мнѣ».

*

Былъ такой случай: бѣдная женщина принесла въ даръ горсть муки, и началъ священникъ издѣваться надъ нею, говоря: «Взгляните, что люди эти приносятъ? Ни священнику поѣсть, ни Богу пожертвовать!» И былъ тому священнику во снѣ вѣщій голосъ: «Не издѣвайся надъ женщиной этой: равно, что душу свою она въ жертву принесла». *Ваик.-Р., 3.*

НЕ ВЪ МЪРУ УСЕРДНЫЕ

«Человѣкъ съ Храмовой Горы»*** при свѣтѣ факеловъ обходилъ, для провѣрки, сторожевые посты священниковъ. При появленіи его съ каждаго сторожевого пункта раздавалось: «Чело-

* «Nefesch» — душа, вмѣсто обычнаго «Isch» — человѣкъ.

** Состоящее изъ небольшого количества муки, елея и ладана.

*** Надзиратель при храмѣ.

вѣкъ съ Храмовой Горы, миръ тебѣ!» Тѣхъ-же изъ стражи, которыхъ онъ заставлялъ спящими, онъ билъ палкой и имѣлъ право поджечь одежды на нихъ.

Было въ обычаѣ, что пепель съ жертвенника могъ сгребать каждый желающій изъ числа священниковъ. Когда желающихъ оказывалось много, они взбирались по ступенямъ въ перегонку, и право сгрести пепель доставалось тому, кто опережалъ остальныхъ на четыре локтя. Однажды былъ такой случай: двое кинулись по алтарнымъ ступенямъ, отставшій такъ сильно толкнулъ опередившаго его товарища, что тотъ упалъ и сломалъ ногу. Послѣ этого случая очистка жертвенника отъ пепла стала производиться по жребію.

Сохранилось преданіе о другомъ случаѣ: двое священниковъ кинулись одновременно по ступенямъ жертвенника; оставшійся позади схватилъ ножъ и воткнулъ опередившему его въ грудь. Прибѣжавшій въ храмъ отецъ убитаго засталъ сына еще съ послѣдними признаками жизни и торжественно заявилъ присутствующимъ:

— Сынъ мой не убитъ наповаль, онъ еще въ агоніи, и жертвенный ножъ, слѣдовательно, остался неоскверненнымъ!

На этомъ случаѣ можно видѣть, что въ то время нарушеніе ритуальной чистоты считалось важнѣе даже кровопролитія.

Иома., 23.

ПРИНОШЕНІЕ ПЕРВИНОКЪ

Какъ приносились первинки?

Изъ всѣхъ поселеній даннаго прихода* собирались въ центральномъ городѣ его и располагались на ночлегъ на улицахъ, подъ открытымъ небомъ. Въ обычное время пробужденія отъ сна глашатай выкликалъ:

— «Вставайте, пойдемъ на гору Сіонъ, къ Господу, Богу нашему!»

Изъ ближайшихъ мѣстностей приносились свѣжія смоквы и виноградъ, изъ болѣе отдаленныхъ — сушенныя смоквы и изюмъ. Во главѣ шествія водили жертвеннаго вола съ вѣнкомъ маслич-

* Св. Земля дѣлилась на двадцать четыре прихода, и въ каждомъ приходѣ совершалось богослуженіе въ тотъ часъ, когда въ храмѣ, въ Іерусалимѣ, совершалось жертвоприношеніе тамидъ.

нымъ на золоченныхъ рогахъ. Сопровождаемые звуками свирѣли, направлялись къ Іерусалиму. На близкомъ разстояніи отъ св. града, посылали оповѣстить о своемъ приближеніи и приступали къ украшенію корзины съ первинками. На встрѣчу паломникамъ выходили начальники города, намѣстники и казнохранители для пріема ихъ, согласно степени достоинства прибывшихъ, а горожане-ремесленники всѣхъ цеховъ, выстраиваясь рядами, привѣтствовали ихъ словами:

— «Братья наши изъ такой-то и такой-то мѣстности, благословенъ приходъ вашъ!»

При звукахъ свирѣли шествіе направлялось къ Храмовой Горѣ. При приближеніи къ послѣдней всѣ, не исключая и царя Агриппы, брали корзины съ первинками на плечи и несли ихъ къ храму, гдѣ шествіе встрѣчалось хоромъ левитовъ, пѣвшихъ псаломъ:

«Хвала тебѣ, Господь, что поднялъ Ты меня
И торжества врагамъ Ты не далъ надо мною».

Люди богатые приносили первинки въ серебрянныхъ и золотыхъ корзинкахъ, кто побѣднѣе — въ плетенкахъ изъ ивовыхъ, очищенныхъ отъ коры, вѣтвей.

Бик., 3.

ТОРЖЕСТВО ВОЗЛІЯНІЯ*

Кому не довелось видѣть «торжества возліянія», тотъ не видалъ въ жизни своей зрѣлища истинно-радостнаго.

Большія приготовленія къ этому торжеству начинались въ исходѣ первыхъ дней праздника Кущей.

Въ Женскомъ Отдѣленіи храма находились золотые свѣтильники съ четырьмя золотыми елейниками и четырьмя ступеньчатыми подъемами при каждомъ. Четыре отрока изъ рода коганидовъ наполняли елейники изъ кувшиновъ, содержимостью каждый въ сто двадцать лугъ.

Фитили готовились изъ приходившихъ въ ветхость священническихъ облаченій. И не было угла въ городѣ, куда не достигалъ бы свѣтъ, зажигаемый при торжествѣ возліянія.

* Ежедневно при жертвоприношеніи тамида совершалось возліяніе вина на жертвенникъ, а въ дни праздника Кущей совершалось также возліяніе воды.

Благочестивѣйшіе изъ гражданъ, съ факелами въ рукахъ, устраивали хороводы передъ народомъ, сопровождая пляски свои пѣніемъ гимновъ и славословій. На пятнадцати ступеняхъ (по числу «Пѣсень Восхожденія» въ Псалтири), нисходящихъ отъ Мужского Отдѣленія къ Женскому Отдѣленію, толпились левиты съ цитрами, арфами, кимвалами, трубами и безчисленнымъ множествомъ другихъ музыкальныхъ орудій. Двое священниковъ съ трубами въ рукахъ стояли въ верхнихъ вратахъ, ведущихъ отъ Мужского къ Женскому Отдѣленію. При первомъ крикѣ пѣтуха они троекратно трубили въ трубы, сходили до десятой ступени, вновь трубили троекратно и, продолжая трубить, шли къ вратамъ, выходящимъ на Востокъ. Дойдя до этихъ воротъ, поворачивались лицомъ на Западъ и возвѣщали:

— Предки наши на этомъ мѣстѣ становятся-бывало «спиною къ храму Господню, а лицомъ къ востоку и кланяются на востокъ солнцу»*, а мы, — къ Господу, къ Господу очи наши.

И былъ прощальный привѣтъ ихъ другъ другу:

«Благословить тебя Господь съ Сіона.

Иерусалима благоденствіе

Всю жизнь свою ты будешь созерцать.

Увидишь сыновей у сыновей своихъ.

Миръ Израилю!»

★

Преданіе о Гиллелѣ Старшемъ:

Празднуя торжество возліанія, Гиллель говаривалъ: «Здѣсь я — всѣ здѣсь. Нѣтъ меня — кто-же здѣсь? Въ то мѣсто, которое мнѣ дорого, стопы мои ведутъ меня». Также и Господь говоритъ: «Придешь ты въ Мой домъ, Я въ твой домъ приду, а если ты въ Мой домъ не будешь приходить, Я въ твой домъ приходить не буду». Ибо сказано: «На всякомъ мѣстѣ, на которомъ назначу памятовать имя Мое, явлюсь Я къ тебѣ и благословлю тебя». *Сук., 5; Тос.*

АГРИППЪ ПОЛЬСТИЛИ!...

Въ исходѣ перваго дня праздника Кущей, послѣ субботняго года, въ храмовой палатѣ устанавливался деревянный амвонъ, на

* Езекииль, VIII, 16.

которомъ въ этотъ день возсѣдалъ царь. Св. Свитокъ вынимался храмовымъ надзирателемъ и передавался главѣ Собранія, главой Собранія — священнонамѣстнику, священнонамѣстникомъ — первосвященнику, первосвященникомъ — царю. Царь вставалъ, принималъ Свитокъ и прочитывалъ положенную на этотъ день главу.

Царь Агриппа, дочитавъ до словъ: «Не можешь поставить надъ собою чужеземца, который не братъ тебѣ», заплакалъ. Видя это, окружающіе стали утѣшать его, говоря:

— Успокойся, Агриппа, — ты братъ намъ, ты братъ намъ.

Въ тотъ часъ, — гласить сказаніе отъ имени раби Натана, — израильтяне гибели достойны были: Агриппѣ польстили они!...

Сот., 41.

ЖЕРТВА ЗА ВРАГОВЪ

«За любовь мою они враждуютъ противъ меня, а я молжусь».

Псал.

Въ дни праздника Кущей приносилась жертва изъ семидесяти воловъ за благоденствіе всѣхъ семидесяти народовъ земли. Народы должны были-бы съ братской любовью относиться къ намъ, но мало того, что любви не питаютъ къ намъ, они еще ненавидятъ насъ.

Танх.-Гак.

ПАЛОМНИКИ

«И не посягнетъ никто на землю твою, когда пойдешь являться предъ лицо Господа Бога твоего три раза въ году». — Телица твоя будетъ ходить по пастбищу, и звѣрь не нападетъ на нее, курица твоя будетъ копаться въ навозѣ, и хорекъ не тронетъ ее.

Былъ случай съ однимъ паломникомъ, который, уходя, забылъ запереть на замокъ двери своего дома. Возвратившись, онъ нашель на дверяхъ змѣю, обвившуюся вокругъ пробоевъ.

Другой случай: одинъ паломникъ забылъ загнать куръ и оставилъ ихъ на свободѣ. По возвращеніи своемъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бродили его куры, нашель нѣсколько растерзанныхъ хорьковъ.

И еще былъ случай съ двумя братьями-богачами изъ Аскалона. Сосѣди ихъ, язычники и люди весьма порочные, говорили: «Поскорѣе-бы ушли они на богомолье въ Иерусалимъ, — заберемя мы къ

нимъ въ домъ и присвоимъ себѣ все имущество ихъ». Когда братья отправились въ путь, явились два ангела, принявшіе образъ ихъ, и стали заниматься хозяйствомъ такъ, какъ это дѣлали ушедшіе братья. Возвратившись съ богомолья, братья поднесли сосѣдямъ подарки изъ всего принесеннаго ими изъ Іерусалима. Удивленные сосѣди стали спрашивать:

— Уходили вы развѣ куда-нибудь изъ дому?

— Какъ-же, — отвѣчали братья, — въ Іерусалимъ.

— Когда-же вы отправились туда?

— Въ такой-то день.

— А возвратились когда?

— Тогда-то.

— А кого вы оставили вмѣсто себя дома?

— Никого.

Услыша это, язычники сказали:

— Благословенъ Богъ евреевъ. Онъ не оставилъ ихъ и не оставить во вѣки!

Пес., 8; Іеруш., Песа; Ш.-Гаши.-Р.

ИСКОРКИ НАРОДНАГО ОСТРОУМІЯ

Одинъ іерусалимлянинъ отправился по дѣламъ въ провинцію и въ одномъ городѣ заболѣлъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ хозяина дома и, вручивъ бывшія при немъ деньги, сказалъ: когда явится мой сынъ изъ Іерусалима и совершитъ три остроумныя вещи, отдай ему эти деньги.

Вскорѣ іерусалимлянинъ умеръ. Жители-же того города сговорились между собой* не указывать пріѣзжему мѣстожительству кого-либо изъ гражданъ.

Наслѣдникъ, узнавъ о смерти отца и догадываясь, у кого оставлено наслѣдство, отправился въ тотъ городъ. У городскихъ воротъ ему попался дровосѣкъ съ вязанкой дровъ.

— Продаешь дрова? — спросилъ онъ.

— Продаю, — отвѣтилъ тотъ.

— Получи слѣдующее и отнеси дрова къ такому-то. (И онъ назвалъ хозяина, въ домѣ котораго умеръ его отецъ).

* Повидимому, по наущенію наслѣдохранителя, задумавшаго присвоить себѣ довѣренныя ему деньги.

Дровосѣкъ направился съ дровами къ названному домохозяину. Онъ идетъ, а наслѣдникъ — за нимъ. Придя на мѣсто, дровосѣкъ постучалъ въ ворота и сталъ звать хозяина:

— Послушай, такой-то, выходи принимать дрова.

— Но развѣ я заказывалъ тебѣ дрова принести?

— Правда, ты не заказывалъ, но заказалъ вотъ этотъ человѣкъ, который пришелъ слѣдомъ за мною.

Пришлось хозяину волей-неволей открыть двери и принять гостя съ подобающими привѣтствіями.

— Кто ты? — спросилъ хозяинъ.

— Я сынъ того человѣка, который скончался у тебя въ домѣ.

Пригласилъ его хозяинъ къ обѣду. За столомъ, кромѣ хозяина и жены его, сидѣли двое сыновей и двѣ дочери ихъ. Кушанья подано было пять порцій.

— Прошу тебя, — обратился хозяинъ къ гостю, — подѣли кушанье между всѣми нами.

Гость подѣлилъ кушанье такъ: одну порцію подаль хозяину и хозяйкѣ, одну — обоимъ сыновьямъ, одну — обѣимъ дочерямъ, а остальные двѣ оставилъ себѣ.

На ужинъ подали фаршированную курицу. Снова хозяинъ предложилъ гостю распределить кушанье. Разрѣзалъ гость курицу и роздалъ такъ: голову хозяину, печенку, сердце и пупокъ хозяйкѣ, каждому изъ сыновей по бедрышку съ ножкой, каждой дочери по крылышку, а все остальное взялъ себѣ.

— Послушай, — сказалъ хозяинъ, — это у васъ, въ Іерусалимѣ, принято такъ дѣлить кушанье?

— А развѣ я подѣлилъ неправильно? На первый разъ подано было пять порцій; я положилъ тебѣ и женѣ одну порцію, получилась — тройня, двумъ сыновьямъ вашимъ одну порцію, получилась тройня, двѣ дочери и одна порція — тройня, остался я съ двумя порціями, что также составляетъ тройню, — не правда-ли, ничуть не больше чѣмъ у васъ. На второй разъ подали курицу. Хозяину, главѣ дома, я далъ головку; женѣ, родительницѣ дѣтей твоихъ — внутренніе органы; сыновьямъ, опорѣ дома — бедрышки съ ножками; дочерямъ, которымъ предстоитъ улетѣть отъ тебя къ будущимъ мужьямъ — крылышки, а себѣ взялъ корпусъ, похожій на корабликъ: я на кораблѣ прибылъ сюда и на кораблѣ уѣду отсюда. А теперь, отдай, любезный другъ, деньги, оставленные у тебя моимъ отцомъ.

Нѣкій аѳинянинъ, находясь въ Іерусалимѣ, далъ ребенку нѣсколько мелкихъ монетъ и сказалъ:

— Иди, купи и принеси мнѣ такого кушанья, чтобы я поѣлъ, насытился и, что останется, могъ взять въ дорогу.

Ребенокъ, пошелъ и принесъ ему соли.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — то, что ты велѣлъ купить: клянусь, ты и поѣшь, и насытишься и чтобы въ дорогу взять останется.

*

Аѳинянинъ зашелъ въ школу и, не заставъ тамъ учителя, сталъ задавать ученикамъ разные вопросы:

— Послушай, — предложили дѣти, — условимся такъ: у того кто не сумѣетъ отвѣтить на заданный вопросъ, вопрошающій имѣетъ право забрать всѣ находящіяся при немъ вещи.

Аѳинянинъ согласился. Тогда дѣти предложили такой вопросъ:

— Скажи, что это значитъ: девять уходятъ, восемь приходятъ, двое наливаютъ, одинъ пьетъ, двадцать четыре прислуживаютъ.

Аѳинянинъ разгадать не могъ и, отдавъ всѣ бывшія при немъ вещи, отправился съ жалобой къ учителю тѣхъ дѣтей, раби Іоханану.

— А какой вопросъ они задали тебѣ? — освѣдомился р. Іохананъ.

Аѳинянинъ сказалъ.

— Сынъ мой, — объяснилъ р. Іохананъ, — девять уходятъ, это девять мѣсяцевъ беременности; восемь приходятъ, это восемь дней отъ рожденія до обрѣзанія; двое наливаютъ — материнскіе сосцы; одинъ пьетъ — младенецъ; двадцать четыре прислуживаютъ — число мѣсяцевъ для кормленія грудью.

Аѳинянинъ возвратился въ школу съ этой разгадкой и получилъ обратно свои вещи. Дѣти, догадавшись у кого онъ узналъ разгадку, сказали словами поговорки:

— «Кабы ты не нашей телицей пахаль, ты-бы загадки нашей не разгадалъ».

*

— Зашей, — сказалъ аѳинянинъ портному-іудею, подавая расколотую ступку.

— Скрути нитку, — отвѣтилъ портной, высыпая передъ нимъ горсть песку.

*

Раби Йегошуа, приближаясь къ одному городу, увидѣлъ молоденькую дѣвушку, черпающую воду изъ ручья.

— Дай мнѣ напиться, — попросилъ онъ.

— Пей и ты, и осель твой, — отвѣтила дѣвушка.

Напившись, раби Йегошуа сказалъ:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревеккѣ.

— Да, — отвѣтила дѣвушка съ лукавой улыбкой, — я-то поступила съ тобою подобно Ревеккѣ, да ты-то, вотъ, не поступилъ со мною подобно Елеазару...*

Еха-Р.

* См. Бытіе, XXIV, 22.



РАЗРУШЕНІЕ ВТОРОГО ХРАМА

РОКОВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

За сорокъ лѣтъ до разрушенія Второго храма свѣтильникъ, прежде неугасимый, сталъ потухать, и врата Святилища начали открываться сами-собою.

*

Преданіе отъ р. Леви:

— Впродолженіи шести лѣтъ (передъ разрушеніемъ храма) тлѣлъ уголь въ рукѣ архангела Гавріила, который все ждалъ въ надеждѣ, что народъ раскается. Не видя раскаянія, онъ готовъ былъ въ гнѣвъ бросить запылавшій уголь въ царство Израильское, но остановилъ архангела голосъ Господень:

— Гавріиль! Гавріиль! Умѣрь гнѣвъ свой: есть и среди этого грѣшнаго народа сердца милосердныя. *Иома, 39; Еха-Р.*

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО?

Преданіе отъ раби Іоханана:

— «Блаженъ человекъ, который всегда остороженъ; ожесточенный сердцемъ впадаетъ въ несчастіе». — Изъ-за Камцы и Баръ-Камцы разрушенъ былъ Іерусалимъ. Изъ-за пѣтуха и курицы — Туръ-Малка. Изъ-за телѣжной оси — Бетаръ:

а) Камца и Баръ-Камца.

Нѣкій человѣкъ имѣлъ друга по имени Камца и врага по имени Баръ-Камца. Однажды, устроивъ пиръ, человѣкъ этотъ сказалъ своему слугѣ:

— Иди и скажи Камцѣ, что я приглашаю его на пиръ.

Слуга, по ошибкѣ, пригласилъ Баръ-Камцу.

Войдя въ пиршественную залу и увидя Баръ-Камцу среди гостей, хозяинъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вѣдь ты врагъ мнѣ. Мѣсто-ли тебѣ здѣсь? Встань и уйди.

— Прошу тебя, — сказалъ Баръ-Камца, — такъ какъ я уже нахожусь здѣсь, позволь мнѣ остаться; я готовъ заплатить стоимость всего, что съѣмъ и выпью на твоёмъ пиру.

— Я на это не согласенъ, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Я уплачу половину стоимости всего пира.

— Не желаю.

— Уплачу все, сколько пиръ стоитъ.

— Нѣтъ! — рѣшительно сказалъ хозяинъ и, схвативъ гостя за руку, заставилъ его встать и удалиться.

«При нанесенной мнѣ обидѣ, — сказалъ себѣ Баръ-Камца, — присутствовали просвѣщеннѣйшіе люди города и не заступились за меня, — они, слѣдовательно, рады моему униженію. Хорошо-же, пойду съ доносомъ на нихъ къ кесарю».

Явившись къ кесарю, Баръ-Камца сказалъ:

— Государь! Евреи измѣнили тебѣ.

— Чѣмъ ты докажешь это? — спросилъ кесарь.

— Пошли имъ, — отвѣтилъ Баръ-Камца, — жертвоприношеніе, и увидишь принесутъ-ли они жертву твою.

Послалъ кесарь черезъ него-же трехлѣтняго тельца. Въ дорогѣ Баръ-Камца сдѣлалъ тельцу поврежденіе на верхней губѣ (по другому преданію — въ роговой оболочкѣ), что дѣлало животное неприемлемымъ для жертвоприношенія. Держали ученые совѣтъ и рѣшено было: ради царя, принять тельца для жертвоприношенія. Возсталъ противъ этого р. Захарія бенъ Евколосъ:

— Это, — сказалъ онъ, — можетъ создать въ народѣ мнѣніе, что вообще животныя съ тѣлеснымъ изъяномъ могутъ быть приносимы въ жертву.

Пришли къ рѣшенію — казнить Баръ-Камцу, дабы онъ не сталъ доносить о дѣлѣ этомъ кесарю. И тутъ противникомъ общаго мнѣнія выступилъ р. Захарія:

— Утвердится мнѣніе, — сказали онъ, — что казни подлежатъ всякій, кто причинитъ жертвенному животному поврежденіе.

По поводу этого раби Іохананъ говорилъ:

— Смиреномудріе р. Захаріи бенъ Евколоса привело къ разрушенію нашего храма, сожженію Святилища и изгнанію народа изъ родной земли.

*

Три года продолжалась осада Іерусалима Веспасіаномъ. Въ Іерусалимѣ въ то время жили три богатыхъ человѣка: Накдимонъ бенъ Горіонъ, Бенъ Калба-Шабуа и Бенъ Цицитъ-Гакесать. Эти трое заявили, что принимаютъ на себя продовольствіе всѣхъ жителей Іерусалима: первый пшеницей и ячменемъ, второй виномъ, солью и елеемъ, третій топливомъ. Въ ихъ складахъ оказалось предметовъ продовольствія для всего города на двадцать одинъ годъ.

Партія zelotov настаивала на томъ, чтобы сдѣлать вылазку и попытаться отгнать римлянъ. Люди благоразумные, напротивъ того, совѣтовали вступить въ мирные переговоры съ Веспасіаномъ. Тогда zeloty сожгли всѣ продовольственные склады, и въ городѣ наступилъ жестокой голодъ.

Богатѣйшая женщина во всемъ Іерусалимѣ, Марта, дочь Байтоса, послала слугу на базаръ за хлѣбомъ изъ тонко-просѣянной муки. Вернувшись, слуга заявилъ, что на базарѣ остался въ продажѣ только обыкновенный пшеничный хлѣбъ.

— Хорошо, — сказала Марта, — сходи и принеси пшеничнаго хлѣба.

Придя вторично на базаръ, слуга нашелъ уже только пшеничный хлѣбъ низшаго качества и поспѣшилъ сообщить объ этомъ Мартѣ.

— Купи, — сказала она, — хотя этого хлѣба.

— Госпожа, — доложилъ слуга, побывавъ снова на базарѣ, — хлѣба больше нѣтъ никакого, а есть одинъ только ячменный хлѣбъ.

Но когда онъ пришелъ въ послѣдній разъ на базаръ, не было уже никакого хлѣба.

— Пойду сама, — сказала Марта, — можетъ быть, найду хотя чего нибудь съѣстнаго.

Снявъ сандалии, она пошла на базарь и, ступая съ послѣдними усиліями по засоренной навозомъ мостовой, упала и умерла. Узнавъ о смерти ея, воскликнулъ раби Іохананъ бенъ Заккай:

— «О, жившая въ нѣгѣ и роскоши, никогда ноги своей не ставившая на землю отъ роскоши и изнѣженности!»...

Выйдя на улицу, увидѣлъ р. Іохананъ бенъ Заккай, какъ народъ варить въ водѣ солому и воду эту пьеть. И воскликнулъ онъ:

— Люди, которымъ осталось одно это питаніе, — имъ-ли устоять передъ силами Веспасіана? Остается единственное средство: мнѣ необходимо выбраться изъ стѣнъ города.

Во главѣ іерусалимскихъ zelотовъ стоялъ Аба-Сикара бенъ Батіахъ, племянникъ р. Іоханана бенъ Заккай. Послалъ къ нему р. Іохананъ и велѣлъ сказать: «Приди ко мнѣ для тайнаго совѣщанія». Аба-Сикара пришелъ.

— Скажи мнѣ, — обратился къ нему р. Іохананъ, — доколѣ вы будете поступать такъ, обрекая народъ на голодную смерть?

— Что-же я въ силахъ сдѣлать? — отвѣчалъ Аба-Сикара, — ты знаешь, что за малѣйшее возраженіе они (zelоты) убьютъ меня.

— Вотъ-что, — сказалъ р. Іохананъ, — найди способъ, какъ выбраться мнѣ изъ города; можетъ быть, удастся хотя сколько-нибудь облегчить нашу участь.

— Нами установлено, чтобы никого живымъ не выпускать изъ городскихъ стѣнъ.

— Вынесите меня какъ-бы умершаго.

— Хорошо, сдѣлаемъ такъ: ложись въ постель и притворись больнымъ, а въ постель положи что-нибудь съ гнилостнымъ запахомъ. Придутъ провѣдать тебя — и разнесется слухъ, что ты умеръ. Соберутся ученики твои и вынесутъ тебя въ гробу за городъ для погребенія.

Р. Іохананъ такъ и сдѣлалъ. Понесли ученики гробъ съ р. Іохананомъ, — въ головахъ шелъ р. Елеазаръ, въ ногахъ — р. Іегошуа. До городской стѣны дошли только на закатѣ.

— Кого несете? — окликнула ихъ стража.

— Покойника. Вы развѣ не знаете, что покойниковъ не оставляютъ на ночь въ Іерусалимѣ?

Zелоты вознамѣрились проколоть тѣло копьемъ, но Аба-Сикара остановилъ ихъ, сказавъ:

— Не дѣлайте этого: будутъ говорить: «Учителя своего закололи!»

Зелоты отворили ворота и пропустили ихъ съ гробомъ.

Дойдя до лагеря Веспасіана, открыли гробъ. Всталъ р. Іохананъ и привѣтствовалъ Веспасіана словами:

— Миръ тебѣ, императоръ! Миръ тебѣ, императоръ!

— Ты вдвойнѣ заслуживаешь смерти, — отвѣчалъ Веспасіанъ: за то, что ты величаешь меня императоромъ, а я не императоръ; затѣмъ, если императоромъ меня считаешь, почему ты до сихъ поръ не являлся ко мнѣ?

— Государь! — отвѣтилъ р. Іохананъ, — если-бы ты не былъ императоромъ въ эту минуту, Іерусалимъ не былъ-бы отданъ въ руки твои, ибо сказано: «Ливанъ отъ *могучаго* падетъ». Не являлся-же я раньше къ тебѣ потому, что зелоты не давали мнѣ сдѣлать это.

На это Веспасіанъ сказалъ:

— Ехидна обвилась вокругъ бочки съ медомъ. Что остается сдѣлать, если не уничтожить бочку вмѣстѣ съ ехидной?

Не нашелся р. Іохананъ что отвѣтить. По этому поводу равъ Іосифъ (а по словамъ другихъ — раби Акиба) сказалъ:

— Воистину: «низвергаетъ умъ мудрецовъ и превращаетъ знаніе ихъ въ глупость». Р. Іохананъ долженъ былъ-бы отвѣтить: «щипцами удаляютъ змѣю и бочку сохраняютъ въ цѣлости».

Въ это время прибылъ изъ Рима гонецъ съ извѣстіемъ, что Неронъ умеръ и императоромъ провозглашенъ Веспасіанъ.

— Я ухожу отсюда, — сказалъ Веспасіанъ р. Іоханану, — и пришлю вмѣсто себя другого. Проси чего хочешь, просьба твоя будетъ исполнена.

Зная, что просить о пощадѣ Іерусалима бесполезно, р. Іохананъ сказалъ:

— Государь! Прошу тебя: пощади городъ Ябне* съ его учениками и пощади княжескій родъ рабанъ Гамліеля.

*

Ушелъ Веспасіанъ и вмѣсто себя прислалъ Тита. Пришелъ Титъ, всталъ и воскликнулъ: «Гдѣ Богъ ихъ, твердыня, на которую они надѣялись?» — И вотъ что сдѣлалъ онъ:

Войдя въ Св. Святыхъ, разостлалъ свитокъ Торы и осквернилъ его. Взявъ мечъ, онъ проткнулъ завѣсу на ковчегѣ, — и соверши-

* Ямнія.

лось чудо: изъ образовавшихся въ завѣсѣ отверстій стала капать кровь; нечестивецъ-же возмнилъ, что онъ Самого Предвѣчнаго поразилъ. Сорвалъ онъ потомъ завѣсу и, завязавъ въ нее всю храмовую утварь, перенесъ все это на свой корабль, чтобы отвезти, какъ трофей, въ свой городъ. Поднялся штормъ, и кораблю грозило крушеніе.

— Видно, — воскликнулъ Тить, — Богъ іудеевъ силенъ только на водѣ: фараона утопилъ, Сисару утопилъ и теперь всталъ Онъ, чтобы утопить меня. Нѣтъ, если Онъ дѣйствительно всемогущъ, то пусть на сушѣ поборется со мною.

Раздался Голосъ:

— Нечестивецъ, сынъ нечестивца, потомокъ Исава нечестиваго! Есть одно ничтожное твореніе въ мірѣ Моемъ, комаромъ называется оно. Выходи на сушу и съ этимъ твореніемъ поборись.

Едва Тить вышелъ на берегъ, какъ въ ноздри ему влетѣлъ комаръ и, засѣвъ въ головѣ, въ продолженіи семи лѣтъ точилъ мозгъ его.

Однажды, проходя мимо кузницы, Тить почувствовалъ, что при ударахъ молота комаръ пересталъ мучить его. «Средство найдено» — рѣшилъ онъ и помѣстилъ въ комнатѣ своей кузнеца, который долженъ былъ непрерывно колотить молотомъ о наковальню. Кузнецу изъ римлянъ выдавалась плата по четыре зуза за день, кузнецу-же изъ іудеевъ Тить говорилъ:

— Достаточно, что ты видишь несчастье врага твоего.

Прошло тридцать дней — и комаръ, привыкнувъ къ стуку молота, снова принялся точить мозгъ Тита.

Умирая, Тить завѣщалъ:

— Тѣло мое сожгите и пепель развѣйте по семи морямъ, дабы Богъ іудеевъ не могъ отыскать меня и призвать на судъ Свой.

*

За три преступленія былъ разрушенъ Первый храмъ: за идолопоклонство, кровосмѣшеніе и кровопролитіе. Но Второй храмъ, во времена котораго занимались изученіемъ Торы и исполненіемъ заповѣдей, и процвѣтала благотворительность, — за что подвергся этотъ храмъ разрушенію? За безпричинную вражду. Этимъ указано, что безпричинная вражда равносильна вмѣстѣ взятымъ идолопоклонству, кровосмѣшенію и кровопролитію.

б) Разрушеніе Туръ-Малки.

Существовалъ обычай — въ свадебномъ шествіи нести передъ женихомъ и невѣстой пѣтуха и курицу, символъ плодородія. Однажды со свадебнымъ шествіемъ встрѣтились римскіе воины и отобрали пѣтуха и курицу. Свадебные гости кинулись на римлянъ и побили ихъ. Донесли императору: «Іудеи взбунтовались противъ тебя».

И пошелъ императоръ на Туръ-Малку.

Былъ среди жителей Туръ-Малки нѣкій богатырь Баръ-Дероми*. Человѣкъ этотъ дѣлалъ прыжокъ версту въ длину и на всемъ этомъ пространствѣ производилъ избіеніе римлянъ. Видя это, снялъ императоръ вѣнецъ свой и, положивъ его на землю, воскликнулъ:

— Властитель міра! Молю Тебя, не предавай меня и царства моего въ руки единаго человѣка.

Баръ-Дероми-же, горделиво воскликнулъ: «Не Ты-ли, Боже, отринулъ насъ и не выходишь, Боже, съ войсками нашими?» — Ужалила Баръ-Дероми ехидна, и онъ умеръ. Узнавъ объ этомъ, императоръ сказалъ:

— Въ благодарность за чудо, совершенное ради меня, я оставлю городъ этотъ въ покоѣ.

Едва императоръ удалился, свадебные гости принялись пировать и веселиться. Освѣщеніе на этомъ пиршествѣ было такое, что на разстояніи цѣлой версты отъ города можно было различать начертаніе именной печати на перстнѣ.

— «Такъ вотъ что! — подумалъ императоръ, — іудеи издѣваются надо мной!» — И онъ снова напалъ на городъ.

*

Преданіе гласитъ:

Приговоривъ къ смертной казни двухъ іудейскихъ богатырей въ Лаодикѣ, братьевъ Юліануса и Папіаса, императоръ Траянъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Вы единоплеменники Хананіи, Мисаила и Азаріи. Пусть же явится Богъ вашъ и спасетъ васъ отъ меня также, какъ онъ спасъ Хананію, Мисаила и Азарію отъ Навуходоносора.

На это Юліанусъ и Папіасъ отвѣтили:

* Собственно: житель юга, южанинъ.

— Хананія, Мисаиль и Азарія были истинными праведниками и достойны были, чтобы произошло чудо для ихъ спасенія; и царь Навуходоносоръ былъ личностью незаурядной и достоенъ былъ, чтобы черезъ него чудо то совершилось. А ты, нечестивецъ — человекъ ничтожный, не достоенъ ты, чтобы черезъ тебя чудо сотворилось. Мы же заслужили гибели своей, и если не ты казнишь насъ, то есть у Господа много другихъ истребителей, — достаточно есть медвѣдей, львовъ, тигровъ, чтобы напасть и умертвить насъ. И если предашь насъ Господь въ руки твои, то Онъ-же и възыщетъ съ тебя за кровь нашу.

Не взирая на слова ихъ, Траянъ тутъ-же казнилъ обоихъ. Преданіе гласитъ, что не успѣлъ Траянъ тронуться оттуда, какъ былъ убитъ двумя посланцами изъ Рима, которые, напавъ на него, полѣбнями размозжили ему голову.

*

Жена Траяна разрѣшилась отъ бремени въ ночь на девятое Аба, когда іудеи справляли трауръ въ память разрушенія храма. Рожденный императрицей ребенокъ умеръ въ дни Хануки. Совѣщались іудеи, зажигать-ли свѣчи Маккавеевъ, — и рѣшили зажигать, какъ ни опасно было это (въ виду смерти императорскаго сына). Зажгли іудеи свѣчи Маккавеевъ, а женѣ Траяна было донесено:

— Іудеи эти, когда у тебя родился сынъ, устроили трауръ, а когда сынъ твой умеръ, праздничные огни зажигаютъ!

Написала императрица къ Траяну: «Вмѣсто того, чтобы съ чужими народами воевать, возвратись лучше и накажи іудеевъ, которые бунтуютъ противъ тебя».

Сѣлъ Траянъ на корабль, рассчитывая прибыть къ берегамъ Іудеи черезъ десять дней. Поднялся попутный вѣтеръ, и на пятый день Траянъ уже былъ у цѣли. Прибывъ въ городъ, онъ проникъ въ беть-гамидрашъ въ ту минуту, когда тамъ изучали стихъ:

«Подыметъ Господь на тебя народъ отъ предѣловъ
земли,

Изъ дальняго края подобно орлу налетитъ онъ».

— Про меня, — сказалъ Траянъ, — гласитъ стихъ этотъ: я рассчитывалъ прибыть черезъ десять дней, но вѣтеръ черезъ пять дней привелъ меня сюда.

Окружили іудеевъ воины Траяна и умертвили ихъ. Женщинамъ же Траянъ сказалъ:

— Будьте послушны моимъ воинамъ, дабы я не поступилъ и съ вами такъ, какъ поступилъ съ мужьями вашими.

— Сдѣлай съ женщинами то, что ты сдѣлалъ съ мужчинами, — отвѣтили жены іудейскія.

Окружили ихъ воины Траяновы и умертвили всѣхъ, и смѣшалась кровь ихъ съ кровью убитыхъ мужей.

в) Разрушеніе Бетара.

Существовалъ обычай: когда родится сынъ, сажали кедровое дерево, когда родится дочь, сажали акацію; когда дѣти эти выросли и вступали въ бракъ, срубали деревья и изготовляли изъ нихъ шести для вѣнчальнаго балдахина. — Однажды черезъ Бетаръ проѣзжала дочь императора, и сломалась ось въ ея колесницѣ. Слуги срубили первый попавшійся кедръ и сдѣлали новую ось. Напали на нихъ іудеи и побили ихъ. Донесли римляне императору: «Іудеи взбунтовались». Пошелъ императоръ на Бетаръ.

*

Преданіе отъ р. Іоханана:

— Въ числѣ римлянъ, нападавшихъ на Бетаръ, однихъ «трубящихъ въ трубы»* было восемьдесятъ тысячъ человекъ. Въ Бетарѣ находился въ то время Бенъ-Козиба**. У него было двѣсти тысячъ воиновъ, каждый съ отрубленнымъ толстымъ пальцемъ на рукѣ. На вопросъ старѣйшинъ: «Доколѣ ты будешь заставлять сыновъ израилевыхъ увѣчить себя?» — Бенъ-Козиба отвѣтилъ: «Какимъ-же инымъ способомъ испытать ихъ мужество?» На это старѣйшины сказали: «Кто верхомъ на лошади не сумѣетъ на всемъ скаку вырвать съ корнемъ кедръ ливанскій, того не принимай въ ряды своего войска».

* Начальники отрядовъ.

** Во главѣ Бетарскаго войска стоялъ человекъ изъ города Козибы, прозванный раби Акибою «Баръ-Кохба» — сынъ звѣзды, примѣнительно къ словамъ Писанія: «И выступитъ звѣзда отъ Іакова». Не оправдавъ возлагавшихся на него надеждъ, Баръ-Кохба былъ названъ «Бенъ-Козиба», — что означаетъ: человекъ изъ Козибы, а также: сынъ лжи.

Бень-Козиба такъ и сдѣлалъ, и оказалось у него два отряда воиновъ, прежнихъ и вновь принятыхъ, по двѣсти тысячъ въ каждомъ. Но люди эти, выходя на бой, говорили:

— Пусть Онъ (Господь) насъ не поддерживаетъ, но пусть и не вредитъ намъ.

Самъ Бень-Козиба обладалъ такой силой, что пущенные въ него съ пращей камни онъ однимъ колѣномъ отбрасывалъ обратно, убивая этимъ каждый разъ множество непріятеля.

Увидя его, раби Акиба сказалъ:

— Вотъ царь Мессія!

На что р. Иохананъ бень Тореа отвѣтилъ:

— Акиба! Быльемъ поростуть челюсти твои, пока еще Мессія придетъ.

*

Три съ половиною года продолжалась осада Бетара Адрианомъ. Въ Бетарѣ жилъ въ то время дядя Бень-Козибы, раби Елазаръ Модейскій. Проводя всѣ дни въ постѣ и молитвѣ, раби Елазаръ ежедневно взывалъ къ Господу:

— «Владыка міра! Да не совершится *сегодня* судъ Твой надъ нами!»

Адрианъ уже намѣревался отступить отъ Бетара, какъ явился къ нему нѣкій самаритянинъ и, рассказавъ про р. Елазара, сказалъ:

— Государь! До тѣхъ поръ, пока курица эта въ пеплѣ валяется, не взять тебѣ Бетара. Однако, позволь мнѣ, и я устрою такъ, что сегодня еще городъ будетъ въ твоихъ рукахъ.

Пробрался самаритянинъ въ городъ и, заставъ р. Елазара погруженнымъ въ молитву, наклонился къ нему, дѣлая видъ, будто шепчетъ ему что-то на ухо. Донесли Бень-Козибѣ: «Дядя твой р. Елазаръ намѣревается предать округъ этотъ Адриану». Послалъ Бень-Козиба за самаритяниномъ.

— О чемъ говорилъ ты, — спросилъ онъ, — р. Елазару?

Отвѣчалъ самаритянинъ такъ:

— Скажу, буду казненъ императоромъ; не скажу, буду убитъ тобою. Такъ лучше самъ покончу съ собою, но тайны, довѣренной мнѣ императоромъ, не открою.

Эти слова убѣдили Бень-Козибу въ томъ, что р. Елазаръ намѣревался предать народъ въ руки Адриана. Велѣлъ Бень-Козиба привести р. Елазара.

— О чемъ, — встрѣтилъ онъ р. Елазара вопросомъ, — говорилъ тебѣ тотъ самаритянинъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ р. Елазаръ, — о чемъ шепталъ онъ мнѣ на ухо: я былъ погруженъ въ молитву и ничего не слышалъ.

— А что отвѣтилъ ты ему?

— Ничего.

Разъяренный Бенъ-Козиба толкнулъ ногою р. Елазара съ такою силой, что старикъ упалъ мертвый. Въ эту минуту раздался Голосъ: «Горе негодному пастуху, оставляющему стадо! Мечъ на руку его и на правый глазъ его!» — Тобою, — продолжалъ Голосъ, — сокрушена мышца Израиля и ослѣпленъ правый глазъ его. Рука того, къ которому сдѣлано это, совершенно изсохнетъ и правый глазъ его совершенно потускнеть.

Мѣра прегрѣшеній исполнилась, — Бетаръ былъ взятъ и Бенъ-Козиба убитъ.

Принесли голову Бенъ-Козибы къ Адриану.

— Къ кому убить онъ? — спросилъ императоръ.

— Мною, — отвѣтилъ одинъ самаритянинъ.

— Иди и принеси тѣло его, — повелѣлъ Адрианъ.

Когда тѣло было принесено, на убитомъ оказалась обвившаяся вокругъ шеи змѣя.

— Нѣтъ, — сказала Адрианъ, — если-бы не Господь убилъ этого человѣка, кто въ силахъ былъ-бы убить его?

*

Истребленіе бетарійцевъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока кровь ихъ не стала литься черезъ пороги домовъ, черезъ кустарники, черезъ края водостоковъ. Кони тонули въ крови. Камни вѣсомъ въ сорокъ саа катило кровавымъ потокомъ. На протяженіи четырехъ верстъ окрашена была кровью вода морская. Виноградникъ былъ у Адриана, восемнадцати верстъ въ квадратѣ, и повелѣлъ императоръ поставить вокругъ этого виноградника ограду изъ убитыхъ бетарійцевъ, воспретивъ хоронить ихъ. И лишь впослѣдствіи, по приказу другого императора, трупы эти преданы были погребенію.

Преданіе гласитъ, что впродолженіи семи лѣтъ собирали урожай съ напитанныхъ іудейскою кровью виноградниковъ, обходясь безъ удобренія.

Еха-Р.; Іеруш. Таан., 4; Гит., 57.

ЗЛОДѢЙСТВО АДРІАНА

Одинъ іудей при встрѣчѣ съ Адріаномъ произнесъ обычное привѣтствіе.

— Кто ты? — спросилъ Адріанъ.

— Іудей, — отвѣтилъ тотъ.

— А развѣ смѣеть іудей привѣтствовать Адріана? Отсѣчь ему голову! — повелѣлъ Адріанъ.

Другой іудей, видя, какъ поступили съ первымъ, прошелъ мимо Адріана и не привѣтствовалъ его.

— Ты кто? — спросилъ Адріанъ.

— Іудей.

— А развѣ смѣеть іудей проходить безъ привѣтствія мимо Адріана? Отсѣчь ему голову!

— Государь! — сказали приближенные Адріана, — какъ объяснить поступокъ твой? Привѣтствуютъ тебя — ты велишь казнить, не привѣтствуютъ — ты также велишь казнить.

— Ужь не хотите-ли вы, — отвѣтилъ Адріанъ, — указывать мнѣ, какъ я долженъ истреблять враговъ моихъ?

Въ эту минуту зазвучалъ скорбящій голосъ Духа Святого:

«Ты видишь, Господь, обиду мою —

Ты видишь всю мстительность ихъ!»

*

Адріанъ установилъ три сторожевыхъ пункта: въ Хаматѣ, селеніи Лекатіи и Виолеемѣ іудейскомъ. Спасшійся отъ первой стражи попадалъ въ руки второй; спасшійся отъ второй стражи попадалъ въ руки третьей. Глашатаи ходили и объявляли: «Гдѣ-бы ни скрывался іудей, пусть выйдетъ, и ему не будетъ причинено никакого вреда». Болѣе сообразительные изъ іудеевъ не поддавались на обманъ и не выходили изъ своихъ убѣжищъ; другіе выходили и ихъ тотчасъ забирали въ плѣнъ. О нихъ и гласитъ стихъ пророка: «И сталъ Ефремъ какъ глупый, безсмысленный голубь». — Собрались іудеи въ долину Бетъ-Римонъ. Узнавъ объ этомъ, Адріанъ сказалъ своему военачальнику:

— Приказываю, чтобы, пока я ѣмъ этотъ ломтикъ хлѣба и бедрышко курицы, ни одного іудея не осталось въ живыхъ!

Окружили іудеевъ войска и умертвили всѣхъ до единого.

Прятавшіеся въ пещерахъ выходили по ночамъ и, по трупному запаху отыскивая тѣла убитыхъ, приносили трупы въ свои пещеры и питались ихъ мясомъ.

Еха-Р.

ДѢТИ СІОНСКІЯ

Доегъ бенъ Іосифъ остался въ дѣтскомъ возрастѣ сиротою безъ отца. Мать его ежедневно взвѣшивала его и по прибавлявшемуся вѣсу жертвовала золото въ храмъ. Во время осады она, мучимая голодомъ, заколола его и съѣла. О ней говорилъ въ плачѣ своемъ Іеремія:

«Взгляни, Господь, надъ кѣмъ подобное совершилъ Ты,
Чтобъ ѣли женщины свой плодъ,
Дѣтей, взлелѣянныхъ съ любовью?»

И, вторя пророку, восклицала Духъ Святой:

«Чтобъ въ храмъ Божьемъ пали
Убитыми священникъ и пророкъ!»

Іома., 34.

*

На одномъ кораблѣ везли четырехсотъ плѣнныхъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, предназначенныхъ для гаремовъ. Сообразивъ, куда ихъ везутъ, дѣти разсуждали между собою: «Если-бы мы утонули въ морѣ, мы удостоились-бы жизни вѣчной за гробомъ?» Болѣе взрослый изъ нихъ сталъ разяснять имъ: «Господь сказалъ: «Отъ Вассана возвращу, возвращу изъ глубины морской», — «отъ Вассана» — изъ пасти львиной*, «изъ глубины морской» — утонувшихъ въ морѣ. — Услыша слова эти, дѣвочки бросились черезъ бортъ и утонули. Видя это, мальчики сказали: «Если дѣвочки, для которыхъ попадать въ гаремы есть явленіе обыкновенное, поступили такъ, то намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ сдѣлать это». И также бросились въ морѣ.

Гит., 57.

*

* Игра словъ: Mibaschan—miben schen.

Сынъ и дочь раби Измаила бенъ Елиша попали въ плѣнъ, онъ — къ одному римлянину, она — къ другому. По прошествіи времени оба эти римлянина разговорились при встрѣчѣ.

— Имѣется у меня рабъ, — сказалъ одинъ, — красивѣе котораго не найдется никого на свѣтѣ.

— А у меня, — сказалъ другой, есть рабыня такой красоты, что равной ей не сыскать во всемъ мірѣ.

И порѣшили римляне поженить раба на рабынѣ и дѣтьми, которыя родятся отъ нихъ, дѣлиться между собою. Ввели обоихъ плѣнныхъ и оставили ихъ въ одной комнатѣ. Забившись въ разные углы, сидѣли они, оплакивая судьбу свою.

— Мнѣ, — говорилъ юноша, — священнику, потомку первосвященниковъ, взять въ жены рабыню!

— Мнѣ, — причитывала дѣвушка, — дочери первосвященниковъ, сдѣлаться женою раба!

Всю ночь провели они въ слезахъ. При свѣтѣ зари они узнали другъ друга. Съ воплями кинулись они другъ другу въ объятія и рыдали до тѣхъ поръ, пока отлетѣли души ихъ. *Тамъ-же, 58.*

*

Дочь первосвященника, Цафнаѳъ батъ Пеніилъ, женщина рѣдкой красоты, попала въ плѣнъ. Послѣ проведенной съ нею ночи, полонившій ее римлянинъ надѣлъ на нее семь туникъ и вывелъ для продажи на рынокъ. Явился покупатель, человекъ крайне безобразнаго вида, и сталъ требовать, чтобы римлянинъ сначала далъ ему взглянуть на красоту рабыни.

— Нечего тебѣ, негодный ты человекъ, глядѣть; говорю тебѣ, что другой такой красавицы на свѣтѣ нѣтъ.

— А все-таки, покажи, — настаивалъ тотъ.

Начала Цафнаѳъ снимать съ себя туники; шесть сняла, а послѣднюю разодрала она на себѣ, бросилась на землю и вывалялась въ прахъ.

— Владыка міра! — вопила она, — если насъ не пощадилъ Ты, святости имени великаго Твоего зачѣмъ не щадишь Ты?

И о ней плакалъ Іеремія, говоря:

«О, дочь народа моего!

Во вретѣще ты облекись и въ пеплѣ

Валяйся, и оплакивай себя,
Какъ плачуть о единственномъ ребенкѣ:
Придетъ на насъ внезапно истребитель».
Не сказано «на тебя», но «на насъ», т. е. — на Меня, Господа, и на
тебя, народъ, пришелъ истребитель. *Тамъ-же.*

*

Однимъ иноземцемъ взята была въ плѣнъ дѣвушка израильтянка. Дѣвушка жила у него въ домѣ и занималась хозяйствомъ. Однажды былъ ему въ сновидѣннй голосъ: «Отпусти дѣвушку эту изъ дома своего». Воспротивилась этому жена его. И снова былъ ему во снѣ голосъ: «Если ты не отпустишь ее, я убью тебя». Всталъ онъ и отпустилъ ее на свободу. Самъ-же пошелъ вслѣдъ за нею, говоря: «Пойду, посмотрю, что станется съ нею». Въ дорогѣ дѣвушка почувствовала жажду и спустилась къ источнику напиться. Въ ту минуту, когда она оперлась рукою на ограду у источника, ужалила ее змѣя, и она умерла и упала въ воду. Видѣвшій это иноземецъ извлекъ ее изъ воды, унесъ и похоронилъ. Придя домой, онъ сказалъ женѣ:

— Народъ этотъ, какъ видишь, воистину обреченъ на гибель гнѣвомъ Отца Небеснаго. *Аб. д. Нам., 17.*

*

Когда Накдимонъ бенъ Горіонъ выходилъ изъ дому въ бетъгамидрашъ, вся дорога устилалась передъ нимъ шелковыми тканями, и бѣдные шли за нимъ и забирали себѣ эти ткани.

Когда онъ умеръ, дочери его назначено было изъ наслѣдства четыреста золотыхъ ежедневно на благовонныя вещества.

— Дочерямъ вашимъ желаю не болѣе этого! — сказала она, недовольная назначенной суммой.

Невѣсткѣ Накдимиона назначено было двѣсти саа вина на одинъ приварокъ въ недѣлю. И она тоже осталась недовольной.

Говорилъ р. Елазаръ бенъ Садокъ:

— Дай Господь также мнѣ увидѣть народъ нашъ въ благоденствіи, какъ видѣлъ я дочь Накдимиона бенъ Горіона, подбирающей въ Ако ячменные зерна изъ подъ копытъ лошадиныхъ.

Выѣзжалъ изъ Иерусалима, верхомъ на ослѣ, р. Іохананъ бенъ Заккай и шли за нимъ ученики его. По дорогѣ встрѣтилась ему молодая женщина, которая подбирала ячменные зерна изъ помета арабскихъ стадъ. Увидя приближающагося р. Іоханана, женщина закрыла себѣ лицо волосами и, приблизившись къ нему, проговорила:

— Учитель! Дай мнѣ на пропитаніе.

— Кто ты, дочь моя? — спросилъ р. Іохананъ.

Женщина не отвѣчала.

— Дочь моя, скажи — кто ты? — повторилъ р. Іохананъ.

— Я дочь Накдимона бенъ Горіона.

— Куда-же дѣвалось богатство твоего отца?

— Учитель! Не даромъ говорится: «денегъ въ прокъ не засолишь».

— А богатство свекра твоего?

— Пошло туда-же. А помнишь-ли, учитель, какъ ты свидѣтелемъ на брачномъ договорѣ моемъ подписался?

— Помню, — сказалъ р. Іохананъ, обращаясь къ ученикамъ, — въ подписанномъ мною брачномъ договорѣ говорилось, что она получаетъ тысячу тысячъ золотыхъ динаріевъ изъ имущества отца, кромѣ приданнаго со стороны свекра.

Заплакалъ р. Іохананъ бенъ Заккай и такъ сказалъ онъ:

— Благо тебѣ, Израиль, когда ты слѣдуешь завѣтамъ Господа, — иѣтъ тогда ни народа, ни племени, властныхъ надъ тобою. Когда же ты идешь противъ воли Господа, Онъ подчиняетъ тебя ничтожному народу, и не только людямъ, но и скоту народа этого.

Кет., 65—67; Аб. д. Нат.

ГОСПОДЬ СКОРБЯЩІЙ

Сказаніе отъ р. Иегошуи бенъ Леви:

— Воззвалъ Господь къ Ангеламъ-Служенія и сказалъ: «Что дѣлаетъ царь, оплакивая смерть близкаго существа?»

— Завѣшиваетъ вретischemъ двери чертога своего, — отвѣтили Ангелы-Служенія.

— И Я дѣлаю такъ, — сказалъ Господь:

«Я мракомъ одѣваю небеса

И вретиче имъ дѣлаю покровомъ».

- И еще что дѣлаетъ царь?
 — Велитъ свѣтильники потушить.
 — И Я дѣлаю такъ, — по слову пророка:
 «Померкнутъ солнце и луна,
 И звѣзды блескъ свой потеряютъ».
 — И въ молчаніи пребываетъ царь.
 — И Я дѣлаю такъ — по слову пророка:
 «Въ безмолвіи сидѣть онъ будетъ одиноко,
 Отягощенный бременемъ своимъ».

Еха-Р.

*

«Въ тайникахъ будетъ плакать душа моя».
 Поясняли со словъ Рава: мѣсто есть у Господа, гдѣ онъ плачетъ,
 и «Мистаримъ» (тайники) названіе его.

Хаг., 5.

*

«Вотъ онъ стоитъ за нашей стѣною».
 Равъ Аха училъ:
 — Отъ западной стѣны храма* никогда не отходилъ духъ Го-
 сподень.

Танх. Гак.

МЕНАХЕМЪ

Въ день разрушенія храма родился искупитель.
 Нѣкій человѣкъ пахалъ поле. Замычала телица его. Шедшій
 мимо арабъ обратился къ пахарю съ вопросомъ, какого племени онъ.
 — Иудей, — отвѣтилъ пахарь.
 — Иудей! Иудей! — сказалъ арабъ, — распряги телицу и оставь
 плугъ свой.
 — Зачѣмъ?
 — Святилище іудейское разрушено.
 — Откуда узналъ ты объ этомъ?
 — Изъ мычанія телицы.
 Въ эту минуту телица снова замычала. И арабъ сказалъ:

* Отъ храма осталась часть западной стѣны, существующая и понынѣ.

— Иудей! Иудей! Запряги телицу и берись за плугъ свой: родился Мессія, искупитель Израиля.

— Какъ имя его?

— Менахемъ*.

— А имя отца его?

— Иезеккія.

— А гдѣ находится онъ?

— Въ Виолеемѣ іудейскомъ, въ Бирать-Арбѣ.

Пошелъ пахарь тотъ, продалъ телицу свою, продалъ плугъ и сталъ торговцемъ дѣтскими пеленками. Ходилъ онъ изъ города въ городъ, изъ одной области въ другую, пока не пришелъ въ то мѣсто (въ Виолеемъ). Стали приходять женщины изъ всѣхъ окрестныхъ селъ покупать пеленки. Одна только женщина, мать Менахема, пеленокъ покупать не стала. Услыхалъ онъ, какъ другія женщины говорятъ ей:

— Мать Менахема! Мать Менахема! Купи и ты пеленки для своего сына.

А она отвѣчаетъ:

— Дай Богъ удавиться всѣмъ врагамъ Израиля**!

— Почему говоришь ты такъ? — спрашиваютъ женщины.

— Потому, что въ тотъ день, когда онъ родился, разрушенъ былъ храмъ Господень.

Тогда онъ обратился къ ней и сказалъ:

— Съ появленіемъ на свѣтъ сына твоего храмъ былъ разрушенъ; но увѣренъ я, что черезъ него-же храмъ будетъ возстановленъ снова.

— У меня денегъ нѣтъ, чтобы купить пеленки, — сказала женщина.

— Это для меня безразлично, — отвѣтилъ онъ — бери пеленки для сына, а я въ другой разъ приду, и ты заплатишь за нихъ.

Придя черезъ нѣкоторое время въ тотъ городъ, гдѣ жила женщина эта, онъ рѣшилъ пойти взглянуть на ребенка. Пришелъ и спрашиваетъ:

— Какъ поживаетъ сынъ твой?

— Его нѣтъ больше у меня, — отвѣтила женщина, — сейчасъ послѣ того, какъ ты встрѣтился со мною, налетѣли вѣтры бурные, вырвали его изъ рукъ у меня, унесли, — и нѣтъ его.

Іеруш. Бер.; Еха-Р.; Мид. Пан. Ах.

* Менахемъ — утѣшитель.

** Иносказательно проклятіе относится къ сыну ея.

СКОРБЬ О СІОНѢ

«Плачетъ и плачетъ она»*.

Плачетъ она, и Господа заставляетъ плакать вмѣстѣ съ нею. Плачетъ — и Ангеловъ-Служенія плакать заставляетъ. Плачетъ — и небеса и землю плакать заставляетъ. Плачетъ, и горы и равнины плакать заставляетъ.

«Плачетъ она по ночамъ».

Голосъ плачущаго ночью болѣе отчетливо слышенъ.

Когда человѣкъ плачетъ ночью, звѣзды и планеты плачутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Человѣкъ, который слышетъ ночью голосъ плачущаго, невольно и самъ плакать начинаетъ.

Былъ такой случай. У одной женщины, жившей въ сосѣдствѣ съ рабанъ Гамліелемъ, умеръ сынъ, и она не переставала рыдать всю ночь. Слышалъ р. Гамліель рыданія ея, и пришло на память ему разрушеніе храма. И заплакалъ онъ, и плакалъ не переставая всю ночь, пока рѣсницы не выпали у него. На завтра, узнавъ объ этомъ, ученики выселили ту женщину изъ сосѣдства р. Гамліеля.

Санг., 104; Еха-Р.

СЪ ТѢХЪ ПОРЪ — — —

Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, не стало улыбки веселой передъ Господомъ и болѣе нѣтъ свода небснаго въ прежней чистотѣ его.

Р. Елазаръ говорилъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, воздвиглась желѣзная стѣна между Израилемъ и Отцомъ небеснымъ.

Р. Симеонъ бенъ Гамліель говорилъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, нѣтъ дня, который не принесъ-бы новаго бѣдствія.

Бер., 32; Сот., 98.

УТѢШЕНІЯ

«Заплатить долженъ, кто произвелъ пожаръ».

— Я долженъ заплатить за сожженое Мною, — сказала Господь, —

* Столица Іудейская.

Я «зажегъ огонь на Сіонѣ, пожравшій основанія его», и огнемъ Я снова воздвигну Сіонъ, по слову Моему: «И я буду для него огненною стѣною вокругъ него и прославлюсь посреди него».

Б.-К., 9.

*

Шли дорогою рабанъ Гамліель, раби Еліезеръ бенъ Азарія, раби Игошуа и раби Акиба. За сто двадцать верстъ до Рима сталь шумъ фѳорума доноситься до нихъ. Трое первыхъ заплакали, а р. Акиба засмѣялся.

— Какъ можешь ты смѣяться, Акиба? — воскликнули они.

— А вы о чемъ плачете? — отвѣтилъ вопросомъ р. Акиба.

— Язычники эти, — отвѣтили они, — поклоняющіеся истуканамъ и идоламъ кадящіе, живутъ въ безмятежномъ мірѣ, а мы, — Святилище наше, подножіе Господа нашего, въ огнѣ сожжено, — какъ не плакать намъ?

— Потому-то я и смѣюсь радостно, — сказалъ р. Акиба, — если преступающимъ волю Его Господь даетъ счастье, то тѣмъ болѣе онъ дастъ счастье тѣмъ, кто исполняетъ святую волю Его.

Въ другой разъ они-же шли по пути къ Іерусалиму. Дойдя до горы Цофимъ, разодрали они одежды свои. На храмовой горѣ увидѣли шакала выходящаго изъ развалинъ Св. Святыхъ, и горестно заплакали они, а р. Акиба разсмѣялся.

— Чего ты смѣешься, Акиба? — спросили они.

А вы чего плачете? — отвѣтилъ вопросомъ р. Акиба.

— Въ томъ мѣстѣ, о которомъ сказано: «посторонній, который приблизится, умретъ», нынѣ шакалы бродятъ, — какъ-же не плакать намъ?

— Вотъ поэтому-то и смѣюсь я радостно, — сказалъ р. Акиба, — сказано: «И я взялъ себѣ вѣрныхъ свидѣтелей, Урію-священника и Захарію, сына Еварахіина». Что имѣютъ общаго Урія съ Захаріей? Вѣдь Урія жилъ во времена Перваго храма, а Захарій во времена Второго храма. Но не даромъ приведено въ связь пророчество Захаріи съ пророчествомъ Урія. У Урія сказано: «Посему изъ-за васъ Сіонъ распаханъ будетъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудой развалинъ, и будетъ Гора Храмовая лѣсистымъ холмомъ». А у Захаріи сказано: «Снова старцы и старицы будутъ си-

дѣтъ на улицахъ въ Иерусалимѣ, каждый съ посохомъ въ рукѣ — отъ полноты дней». До тѣхъ поръ, пока не исполнилось пророчество Урїи, я опасался, что не исполнится пророчество Захарїи; нынѣ же, когда первое пророчество осуществилось, я вѣрю, что и второе осуществится.

— Акиба! — воскликнули всѣ, — ты утѣшилъ насъ! Акиба,
ты утѣшилъ насъ!

Мак., 24.



РАБИ СИМЕОНЪ БЕНЪ ШЕТАХЪ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОРЫ

Весь міръ оставался пораженнымъ совершенной Яннаемъ* казнью законоучителей, пока не явился р. Симеонъ бенъ Шетахъ, возвратившій Торѣ ея исконное величіе. *Кид., 66.*

КТО КАЗНОЙ, КТО МИЛОСТЬЮ ГОСПОДНЕЙ

Во времена Симеона бенъ Шетаха явилось триста назареевъ для совершенія девятисотъ жертвоприношеній**. Найдя законнымъ полутораэта изъ нихъ дать отпущеніе безъ жертвоприношенія, р. Симеонъ обратился къ царю Яннаю и сказалъ:

— Триста назареевъ пришли для совершенія девятисотъ жертвоприношеній, но у нихъ не на что купить жертвенныхъ животныхъ. Государь, дай ты половину стоимости, и я дамъ половину, и тогда они совершатъ жертвоприношенія.

Царь Яннай далъ половину стоимости, и жертвоприношенія совершились. Донесли Яннаю на р. Симеона:

— Да будетъ вѣдомо тебѣ, что всѣ жертвенныя животныя были куплены на деньги, данныя тобою. Симеонъ-же не потратилъ ничего.

Разгнѣвался царь Яннай, а р. Симеонъ, узнавъ о томъ, утрастился и бѣжалъ.

* Царь изъ дома Хасмонеевъ.

** Назарей приносили три очистительныхъ жертвы.

Через нѣкоторое время былъ пиръ у царя Янная, и бывшіе на томъ пиру персидскіе вельможи стали спрашивать:

— Государь, помнится намъ, бывалъ здѣсь нѣкій старецъ, который поучалъ насъ божественной мудрости.

Сказалъ Янная своей женѣ, — она-же сестра р. Симеона:

— Пошли за нимъ и приведи его сюда.

— Поклянись, — отвѣтила царица, — что не сдѣлаешь ему никакого зла, и [въ знакъ этого] пошли ему свой перстень.

Царь поклялся и послалъ перстень.

Р. Симеонъ явился.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ? — спросилъ царь.

— Слышалъ я, что государь мой, царь, въ гнѣвѣ на меня, и, боясь, чтобъ ты не велѣлъ казнить меня, я поступилъ, примѣнивъ къ себѣ слова Писанія: «Укройся лишь на мгновение, пока гнѣвъ не пройдетъ».

— А зачѣмъ ты надсмѣялся надо мною?

— Упаси Богъ, не надсмѣялся я надъ тобою. Ты оказалъ назарямъ помощь деньгами, я — властью Закона. Кто казною, кто милостью Божіей.

— Отчего-же ты не предупредилъ меня объ этомъ?

— Если-бы я предупредилъ тебя, ты, пожалуй, не далъ-бы ничего.

Посадилъ его Янная между собою и царицей и сказалъ:

— Видишь, какой почетъ я тебѣ оказываю.

— Не ты, — отвѣтилъ р. Симеонъ, — а Тора возвеличиваетъ меня, ибо сказано у сына Сирахова: «Лелѣй ее, и она вознесетъ тебя и посадить среди вельможъ».

Бер.-Р., 91; Берах., 48.

ЦАРЬ ПРЕДЪ СУДОМЪ

Одинъ изъ царскихъ рабовъ совершилъ убійство.

— Привлеките его къ суду, — приказалъ р. Симеонъ.

Доложили Яннаю:

— Твой рабъ человѣка убилъ.

Поставилъ царь убійцу на судъ. Послали судьи сказать царю:

— Явись и ты, — этого требуетъ законъ.

Когда царь явился, поставили кресло для него рядомъ съ кресломъ р. Симеона, и царь сѣлъ. Видя это, р. Симеонъ сказалъ:

— Царь Яннай! *Встань* и выслушай показанія противъ тебя*, ибо сказано: «Пусть *предстануть* оба сіи челоѣка, у которыхъ тяжба».

— Я сдѣлаю, — возразилъ царь, — не такъ, какъ говоришь ты, а какъ товарищи твои скажутъ.

Обратился р. Симеонъ къ сидѣвшимъ справа, тѣ уставились глазами въ землю; обратился на лѣво — и тѣ уставились глазами въ землю.

— Вы *размышляете* еще, — воскликнулъ р. Симеонъ, — какъ поступить? Пусть-же *Вѣдующій* помыслы воздастъ вамъ!

Въ ту-же минуту явился архангелъ Гавріилъ и повергъ судей на землю, грозя умертвить ихъ.

Затрепеталъ царь.

— Встань! — повторилъ Яннаю р. Симеонъ, — не передъ нами стоишь ты, но передъ Тѣмъ, по слову Котораго сотворена вселенная.

Тотчасъ-же всталъ съ мѣста царь Яннай.

Сан., 19; Тан.-Гак., Шофт.

НАХОДКА

Р. Симеонъ велъ торговлю льномъ. Чтобъ облегчить ему трудъ по перевозкѣ товара, ученики купили для него у одного измаилтянина осла. На шеѣ у животнаго оказалась драгоцѣнная жемчужина. Приходятъ ученики къ р. Симеону и говорятъ:

— Отнынѣ, учитель, тебѣ трудиться больше не придется.

— Почему? — спрашиваетъ р. Симеонъ.

— Мы для тебя купили осла у одного измаилтянина и на животномъ оказалась драгоцѣнная жемчужина.

— А зналъ объ этомъ продавецъ?

— Нѣтъ.

— Идите и отдайте ему жемчужину.

И сказалъ о р. Симеонѣ тотъ измаилтянинъ:

— Благословенъ Господь, Богъ Симеона бенъ Шетахъ!

— А вы, — обратился р. Симеонъ къ ученикамъ, — варваромъ считали Симеона бенъ Шетаха? Услышать слова: «благословенъ Господь, Богъ іудеевъ» для меня дороже всѣхъ сокровищъ міра.

Іеруш., Б.-М., 2; Деб.-Р., 3.

* Какъ противъ владѣльца, отвѣтственнаго за преступленія своихъ рабовъ.

ВЪ ПЕЩЕРѢ КОЛДУНИЙ

Когда Симеонъ бенъ Шетахъ былъ избранъ въ «Насси»*, пришли къ нему и сказали:

— Въ пещерѣ близъ Аскалона скрываются восемьдесятъ колдуній.

Въ одинъ ненастный день собралъ р. Симеонъ восемьдесятъ юношей, рослыхъ и сильныхъ, и велѣлъ имъ слѣдовать за собою. Каждому изъ нихъ онъ далъ по новому кувшину со свернутымъ въ немъ чистымъ плащемъ. Юноши поставили кувшины опрокинутыми себѣ на головы, и р. Симеонъ сказалъ:

— Когда я крикну по птичьему, накиньте на себя плащи; крикну вторично — бѣгите всѣ въ пещеру и, схвативъ каждый по колдуньѣ, поднимите ихъ вверхъ, ибо таково свойство колдуна: отдѣлишь его отъ земли — онъ ничего сдѣлать не можетъ.

Пошелъ р. Симеонъ и, ставъ у входа въ пещеру, сталъ звать, выкрикивая:

«— Ойимъ! Ойимъ!...** Отоприте! Одинъ изъ вашихъ я.

— А какимъ образомъ, — спрашиваютъ колдуньи р. Симеона [также успѣвшаго закутаться въ сухой плащъ], — ты въ дождь сухимъ остался?

— Я *между* каплями пробирался, — объяснилъ р. Симеонъ.

— А чего ради пришелъ ты?

— Поучиться и васъ поучить. Покажите-ка каждая свое искусство.

И вотъ, поколдовала одна — и серебро въ хлѣбъ превратилось.

Поклдовала другая — изъ желѣза мясо выковалось.

Третья — расплавленная мѣдь бульономъ закипѣла.

Четвертая — растопленное золото виномъ заструилось.

— Видишь, — говорятъ колдуньи, — какой мы тебѣ пиръ устроили. А ты что умѣешь сдѣлать?

— Вотъ что: чиринну разъ и другой — и явится восемьдесятъ жениховъ, одѣтыхъ въ совершенно сухіе плащи — и будете вы пировать и веселиться съ ними.

* Князь. Патріархъ.

** Пароль у колдуновъ.

Чирикнулъ р. Симеонъ разъ — надѣли юноши плащи; чирикнулъ вторично — всѣ сразу появились въ пещерѣ.

— Выбирай каждый свою суженую! — крикнулъ р. Симеонъ.

Схватили юноши колдуній, вынесли ихъ изъ пещеры и всѣхъ повѣсили.
Иеруш. Хаг.; Санг., 6; Раши.

ВО СЛАВУ СУДА И ЗАКОНА

Вступились родственники казненныхъ колдуній, и двое изъ нихъ оговорили сына р. Симеона въ преступленіи, караемомъ смертной казнью.

Когда приговоренный былъ выведенъ на мѣсто казни, онъ воскликнулъ:

— Если есть на мнѣ вина въ дѣлѣ этомъ, пусть казнь послужитъ мнѣ возмездіемъ. Если-же невиненъ я, пусть смертью своей искуплю всѣ свои прегрѣшенія, а кровь моя падетъ на головы ложныхъ доносчиковъ!

Услыша эти слова, доносчики раскаялись и заявили:

— Мы свидѣтельствовали ложно.

Вознамѣрился р. Симеонъ тутъ-же освободить сына, но тотъ сказалъ:

— Отецъ! Если желаешь, чтобы черезъ тебя *пришло спасеніе**, то оставь меня подобно «порогу на пограніе»**. *Тамъ-же.*

* Т. е. поднять былъ-бы престижъ суда и закона. Дѣло въ томъ, что, по дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, отказъ свидѣтеля *послѣ* произнесенія судебного приговора отъ даннаго имъ показанія не являлся поводомъ къ отмѣнѣ назначеннаго подсудимому наказанія.

** Т. е. предоставь меня своей судьбѣ, дабы не стали говорить, что законоучители лицепріятствуютъ своимъ близкимъ на судѣ.



ХОНИ ГАМЕАГЕЛЪ И ЕГО ПОТОМКИ

МОЛЕНИЕ О ДОЖДѢ

Однажды, когда приближался конецъ мѣсяца Адаръ* и не было дождя, стали просить Хони Гамеагела:

— Помолись о дождѣ.

— Внесите со двора пасхальные очаги**, дабы они не размокли, — сказалъ Хони.

Началъ онъ молиться, но дождь не шелъ. Тогда онъ очертилъ кругъ и, стоя въ серединѣ, воззвалъ:

— Творецъ вселенной! Дѣти Твои обратились ко мнѣ, какъ къ возлюбленному Твоему сыну, — и вотъ поклялся я, что не сойду съ этого мѣста прежде чѣмъ Ты не смилуешься надъ дѣтьми Своими.

Стало слегка накрапывать.

— Учитель! Опора жизни нашей! — сказали Хони ученики, — сдается намъ, что только для освобожденія тебя отъ клятвы дождь едва-едва накрапывать началъ.

— Не о томъ просилъ я, — возобновилъ молитву свою Хони, — о проливномъ дождѣ я прошу.

Разразился ливень.

— Учитель! Опора жизни нашей! — сказали ученики, — ливень весь міръ грозитъ разрушить.

И воззвалъ Хони къ Всевышнему:

* Періодъ дождей.

** Глиняные.

— Не о томъ просилъ я. Молю Тебя: дождя благословеннаго и благодатнаго пошли намъ, Господи!

Пошелъ дождь умѣренный, но шелъ такъ долго, что вынужденъ былъ народъ подняться на Храмовую Гору, умоляя Хони:

— Учитель! Ты молился о дождѣ; помолись, чтобы дождь наконецъ прекратился.

— Установлено запрещеніе, — сказалъ Хони, — творить молитву противъ излишняго обилія дара Божьяго*. Тѣмъ не менѣе, приведите вола для благодарственнаго жертвоприношенія.

Привели вола. Возложилъ Хони руки на него и воззвалъ къ Господу:

— Владыка вселенной! Народъ Твой Израиль, изъ Египта выведенный Тобою, не въ силахъ устоять ни противъ изобилія добра, ни противъ непосильныхъ испытаній, — ни противъ Твоего гнѣва, ни противъ безграничной благодати Твоей. Да будетъ-же воля Твоя, чтобы прекратился дождь и наступила ясная погода.

И сразу подулъ вѣтеръ, разсѣялись тучи, засіяло солнце, и пошелъ народъ грибы собирать.

По этому поводу патріархъ р. Симеонъ бенъ Шетахъ велѣлъ сказать отъ его имени Хони:

— Не будь ты Хони Гамеагель, я подвергъ-бы тебя строжайшему наказанію**. Но что подѣлаешь съ тобою, если ты передъ самимъ Господомъ нѣжишься, какъ избалованное дитя передъ отцомъ, исполняющимъ всѣ прихоти его:

«— Поведи меня, отецъ, въ теплой водѣ купаться».

Отецъ ведетъ его.

«— Поведи меня купаться въ холодной водѣ».

Ведетъ его.

«— Дай мнѣ орѣховъ, миндалю, персиковъ, гранатовыхъ яблоковъ».

Даетъ ему.

Такъ и ты. И о тебѣ это сказано: «Отецъ твой возрадуется, и возликуеть родившая тебя».

Таан., 23.

* По духу Библейскаго міропониманія, дождь, какъ и роса, является самъ по себѣ Божьимъ благословеніемъ.

** За злоупотребленіе силою молитвы и искушеніе Божьяго милосердія.

СОНЪ ХОНИ ГАМЕАГЕЛА

Сказаніе р. Іоханана о Хони:

— Всю жизнь тревожилъ праведника этого смыслъ стиха: «Когда возвращалъ Господь плѣнниковъ Сіона, мы были какъ въ сновидѣніи».

«— Возможно-ли, — говорилъ онъ, — семьдесятъ лѣтъ* бредить во снѣ?»

Однажды, находясь въ пути, Хони увидѣлъ человѣка, занятаго посадкою рожковаго дерева.

— Черезъ сколько времени принесетъ это дерево плоды? — спросилъ Хони.

— Черезъ семьдесятъ лѣтъ.

— Но развѣ ты увѣренъ, что проживешь еще семьдесятъ лѣтъ и будешь ѣсть плоды съ этого дерева?

На это человѣкъ тотъ отвѣтилъ:

— Я засталъ на свѣтѣ рожковыя деревья; и вотъ, также какъ предки мои взростили деревья эти для меня, я взрощу ихъ для моихъ потомковъ.

Сѣлъ Хони поѣсть хлѣба, и напалъ на него сонъ. Выступилъ утесъ и образовалъ вокругъ него ограду.

Когда Хони проснулся, онъ увидѣлъ человѣка, собирающаго плоды съ того дерева.

— Ты-ли это, — спросилъ Хони, — тотъ самый, которымъ посажено это дерево?

— Дерево это, — отвѣтилъ человѣкъ, — посажено моимъ дѣдомъ.

— Очевидно, — сказалъ себѣ Хони, — я проспалъ семьдесятъ лѣтъ.

Взглянулъ онъ туда, гдѣ оставилъ свою ослицу, а тамъ табуны цѣлые.

Направился Хони къ своему жилищу.

— Дома-ли, — спросилъ онъ, — сынъ Хони Гамеагела?

— Сына, — отвѣтили ему, — уже нѣтъ на свѣтѣ, а живъ его внукъ.

Я Хони Гамеагелъ, — заявилъ онъ.

Не повѣрили.

* Періодъ Вавилонскаго плѣненія.

Пришелъ онъ въ академію и слышитъ — ученые говорятъ:

— Это толкованіе также ясно, какъ во времена Хони Гамеагела, который разъяснялъ всякій ученый вопросъ, какъ только являлся въ академію.

— Я и есть Хони Гамеагель, — заявилъ онъ ученымъ.

Но и тѣ не повѣрили и должнаго почета ему не оказали.

Паль Хони духомъ, сталъ молить о милосердіи Господнемъ. И принялъ Господь душу его.

По этому поводу говорилъ Рава.

— Правы люди говоря: «Либо общеніе съ людьми, либо смерть».

Таан., 23.

УЧЕННЫЕ И ПОДЕНЩИКЪ

Аба-Хелкія былъ внукомъ Хони Гамеагела. Когда страна страдала отъ бездождія, законоучители обращались къ нему, прося помолиться о милосердіи Божіемъ — и по его молитвѣ шелъ дождь.

Придя однажды и не заставъ его дома, отправились въ поле, гдѣ онъ въ то время полоть. Подошли къ нему съ привѣтствіемъ, но онъ не отвѣтилъ. Къ вечеру, набравъ вязку хвороста, онъ направился домой. Дрова и мотыку онъ несъ на одномъ плечѣ, а верхнюю одежду свою на другомъ. Всю дорогу шелъ босой, а чтобы перейти черезъ ручей надѣлъ сандалии. Пробираясь черезъ терновникъ, поднялъ повыше края одежды. При приближеніи его къ мѣсту, гдѣ онъ жилъ, жена вышла нарядной къ нему навстрѣчу. Въ домъ онъ далъ войти сначала женѣ, за нею вошелъ самъ, а законоучителей впустилъ послѣдними. Сѣлъ за обѣдъ, а ихъ къ столу не пригласилъ. Раздавая хлѣбъ дѣтямъ, старшему далъ ломоть, младшему два ломтя.

Потомъ онъ сказалъ женѣ:

— Я знаю, законоучители пришли не иначе, какъ по поводу дождя. Пойдемъ поднимемся на кровлю и помолимся Господу, — быть можетъ, смилуется Всевышній и пошлетъ дождь. И пусть не говорятъ, что благодаря намъ произошло это.

Придя на верхъ, встали, онъ въ одномъ углу, жена въ другомъ и начали молиться. Первымъ появилось облако съ той стороны, гдѣ стояла жена.

Сойдя внизъ, онъ обратился къ пришедшимъ, спрашивая:

— Чего ради, наставники мои, вы пришли ко мнѣ?

Насъ послали просить тебя помолиться о дождѣ.

— Ну что-жъ, — отвѣтилъ онъ, — благословенъ Господь, избавившій васъ отъ нужды въ молитвѣ Аба-Хелкіи.

На это они сказали:

— Мы увѣрены, что только по твоей молитвѣ пошелъ дождь. Теперь просимъ тебя, раби, объяснить непонятные для насъ поступки твои:

— Почему не отвѣтилъ ты на наше привѣтствіе?

— Потому, — пояснилъ Аба-Хелкія, — что я нанять былъ на поденную работу и невправѣ былъ отрываться отъ нея.

— Почему ты дрова несъ на одномъ плечѣ, а плащъ на другомъ?

— Плащъ этотъ чужой, и мнѣ одолжили его для надѣванія, но не для носки дровъ.

— Почему всю дорогу ты шелъ босой, а дойдя до ручья обулся?

— На сушѣ видно, что подъ ногами, а въ водѣ не видно.

— Зачѣмъ, перебираясь черезъ терновникъ, ты поднялъ края одежды?

— Пораненное тѣло можно залѣчить, а платья не залѣчишь.

— Для чего при приближеніи твоемъ жена твоя вышла къ тебѣ на встрѣчу нарядной?

— Чтобы я не сталъ заглядываться на другихъ женщинъ.

— Почему вошла въ домъ первую твоя жена, за нею ты, а намъ далъ ты войти послѣдними?

— Потому, что вы недостаточно знакомы мнѣ.

— Почему, садясь за столъ, ты не сказалъ намъ, по обычаю: «Садитесь и раздѣлите со мною трапезу»?

— Потому, что хлѣба было недостаточно, и я не хотѣлъ, чтобы вы благодарили меня напрасно.

— Почему старшему сыну далъ ты одинъ ломоть, а младшему два?

— Старшій остается дома, а младшій ходитъ въ школу.

— Почему первымъ появилось облако съ той стороны, гдѣ стояла и молилась твоя жена?

— Жена, бывая постоянно дома, подаетъ бѣдному хлѣбъ, и голодь его немедленно утоляется. Я-же подаю милостыню деньгами — и голодь бѣднаго не сейчасъ утоляется.

Таан., 23.

РАДИ МАЛЫХЪ СИХЪ

Хананъ Ганехба былъ сыномъ дочери Хони Гамеагела. Когда стояло бездождіе, ученые посылали къ нему дѣтей изъ школъ, которые, бывало, тянутъ его за края одежды, крича: «Отецъ! Отецъ! Дай намъ дождя!»

И Хананъ взывалъ къ Господу:

— Владыко вселенной! Сдѣлай ради малыхъ сихъ, не различающихъ между Отцомъ, посылающимъ дождь на землю, и отцомъ, не во власти котораго посылать дождь.

Таан., 23.



ГИЛЛЕЛЬ СТАРШІЙ

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ АКАДЕМІЮ

Разсказываютъ про Гиллея, что онъ нанимался на поденную работу и, получая полдинарій въ день, половину отдавалъ привратнику академіи, а другую половину тратилъ на пропитаніе своей семьи.

Однажды случилось такъ, что онъ остался безъ заработка, и привратникъ не впустилъ его въ академію. Тогда онъ взобрался на кровлю и, держась въ полувисячемъ положеніи, припалъ лицомъ къ рѣшетчатому просвѣту, чтобы услышать слово Бога Живого изъ устъ законоучителей Шемаія и Авталіона.

Случилось это — разсказываютъ — въ канунъ субботы, въ зимнюю пору. Выпалъ снѣгъ и засыпалъ его. Когда стало разсвѣтать, Шемаія сказалъ Авталіону:

— Братъ Авталіонъ! Всегда въ это время свѣтло, а сегодня темно. На столько-ли облачно сегодня?

Взглянули на верхъ и видятъ человѣческій обликъ въ просвѣтѣ. Взошли на кровлю и нашли Гиллея покрытымъ слоемъ снѣга въ три локтя толщиною. Очистивъ его отъ снѣга, умыли, умастили елеемъ и усадили у очага.

«— *Этотъ*, — сказали Шемаія и Авталіонъ — заслуживаетъ, чтобы ради него и субботній покой нарушить. *Юма, 35.*

ДОЛГОТЕРПѢНІЕ ГИЛЛЕЛЯ

Былъ такой случай:

Двое заспорили о томъ, возможно-ли разсердить Гиллея.

«— Ужъ я-то выведу его изъ терѣнія!» — говорилъ одинъ.

Побились объ докладъ въ четыреста зузъ*.

Было это въ канунъ субботы. Гиллель въ то время собирался купаться. Пошелъ тотъ человѣкъ и, проходя мимо дверей Гиллеля, сталъ выкрикивать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и вышелъ къ нему:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у Вавилонянъ головы неправильной формы?

— Сынъ мой, — сказалъ Гиллель, — важный вопросъ ты задалъ мнѣ, — оттого, что у вавилонянъ нѣтъ хорошихъ повивальныхъ бабокъ.

Ушелъ тотъ человѣкъ. Но черезъ нѣкоторое время вернулся и вновь принялся выкрикивать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и, выйдя къ нему, спросилъ:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у тармудянъ глаза больные?

— Важный вопросъ, сынъ мой, задалъ ты мнѣ, должно быть, оттого, что они въ песчаныхъ мѣстностяхъ живутъ.

Ушелъ тотъ человѣкъ, но вскорѣ вернулся и вновь давай кричать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и вышелъ къ нему:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у апракійцевъ ступни широкія?

— Важный вопросъ, сынъ мой, задалъ ты мнѣ, — оттого, что они живутъ среди болотъ.

— Много еще вопросовъ я имѣю, но боюсь разсердить тебя.

Облачился въ одежды свои Гиллель, сѣлъ и говоритъ:

— Спрашивай обо всемъ, что желаешь.

* Древняя монета — четверть шекеля.

— Тотъ-ли ты Гиллель, котораго величаютъ княземъ израильскимъ?

— Да.

— Пусть-же не будетъ много тебѣ подобныхъ въ Израилѣ!

— Почему, сынъ мой?

— Потому, что изъ за тебя я потерялъ четыреста зузь.

— Будь-же впредь осмотрительнѣй. Ты не одинъ разъ четыреста зузь потеряешь, а разсердить Гиллеля тебѣ не удастся.

Шаб., 30—31.

«ВСЯ СУТЬ ТОРЫ»

Былъ такой случай:

Приходитъ нѣкій иновѣрецъ къ Шаммаю и говоритъ:

— Я приму вашу вѣру, если ты научишь меня всей Торѣ, пока я въ силахъ буду стоять на одной ногѣ.

Разсердился Шаммай и, замахнувшись бывшимъ у него въ рукѣ локтемъ-бромъ, прогналъ иновѣрца.

Пошелъ тотъ къ Гиллелю. И Гиллель обратилъ его, сказавъ:

«— Не дѣлай ближнему того, чего себѣ не желаешь». Въ этомъ заключается вся суть Торы. Все остальное есть толкованіе. Иди и учись.

Тамъ-же.

«ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМЪ!»

Еще былъ случай:

Нѣкій иновѣрецъ, проходя по задворку школы, услышалъ голосъ читавшаго изъ Писанія:

«И вотъ одежды, которыя должны они сдѣлать: наперсникъ и ефодъ, и верхняя риза, и хитонъ тонкій, кидаръ и поясъ».

Для кого это? — спросилъ иновѣрецъ.

— Для первосвященника, — отвѣтили ему.

«— Пойду, — подумалъ тотъ человѣкъ, — приму іудейскую вѣру и сдѣлаюсь первосвященникомъ».

Пришелъ онъ къ Шаммаю и говоритъ:

— Обрати меня съ тѣмъ, чтобы я сталъ первосвященникомъ.

Шаммай прогналъ его.

Пришелъ онъ къ Гиллелю. Обратилъ его Гиллель и сказалъ:

— Не вѣнчаютъ человѣка на царство прежде, чѣмъ онъ не усвоить весь обиходъ царскій.

Началь новообращенный читать Писаніе. Дочитавъ до стиха: «А если приблизится* посторонній, смерти преданъ будетъ», — спросилъ:

— О комъ въ этихъ словахъ говорится?

— О всякомъ человѣкѣ, несвященническаго рода, будь это самъ Давидъ, царь израильскій, — отвѣтилъ Гиллель.

И разсудилъ тотъ человѣкъ такъ:

«Если и про израильтянъ, прозванныхъ дѣтьми Божьими и Самимъ Господомъ любовно именуемыхъ: «сынъ мой, первенецъ мой Израиль», — если и про нихъ сказано: «посторонній смерти преданъ будетъ», то тѣмъ болѣе пришедшій съ посохомъ и котомкою, человѣкъ чужой и ничтожный».

Придя затѣмъ къ Шаммаю, онъ сказалъ:

— Развѣ не вполнѣ понятно**, почему недостойнъ я быть первосвященникомъ? Вѣдь сказано въ Торѣ: «Если приблизится посторонній, смерти преданъ будетъ».

А къ Гиллею придя, сказалъ:

— Кроткій Гиллель! Будь благословенъ за то, что помогъ мнѣ приблизиться къ благодати Господней.

Случай этотъ законоучители приводили въ примѣръ, поучая:

«Будь всегда кротокъ какъ Гиллель, а не вспыльчивъ какъ Шаммай».

Тамъ-же.

ЧИСТОТА ТѢЛЕСНАЯ

Каждый разъ, когда Гиллель уходилъ изъ академіи, сопровождавшіе его ученики спрашивали:

— Куда идешь ты, учитель?

— Иду совершить угодное Богу дѣло, — отвѣчалъ Гиллель.

— Какое именно?

— Купаться.

— Развѣ это такое богоугодное дѣло?

* Къ Скинии Завѣта.

** Т. е. — развѣ трудно было объяснить мнѣ.

— Безспорно. *Статуи* царей въ театрахъ и циркахъ — и для тѣхъ имѣется оебое лицо, которое обмываетъ и чиститъ ихъ, и не только получаетъ за это плату, но и почетомъ пользуется. Тѣмъ болѣе долженъ соблюдать чистоту свою человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію. Ванк. Р., 34.

«ГОСТЬ ВЪ ДОМѢ»

На тотъ-же вопросъ: «Куда идешь ты учитель?» Гиллель иногда отвѣчалъ:

— Иду подкрѣпить себя пищей и этимъ оказать радушный пріемъ моему гостю.

— Какой-же это у тебя ежедневно гость въ домѣ?

— А бѣдная душа развѣ не тотъ-же гость въ нашемъ тѣлѣ? Сегодня она здѣсь, а завтра, глядишь, и нѣтъ ея. Тамъ-же.

ПАТРИАРХЪ — СЛУГА

Про Гиллеля рассказываютъ, что одному впавшему въ бѣдность, высокодостойному человѣку онъ на свои средства нанималъ лошадь для верховой ѣзды и слугу для сопровожденія его въ пути. А однажды, не найдя подходящаго провожатаго, самъ цѣлыхъ три мили сопровождалъ того человѣка, исполняя обязанности слуги. Кес., 67.

БѢДНЫЙ ЖЕНИХЪ

Быль съ Гиллелемъ такой случай:

Приготовили у него обѣдъ для гостя. А въ это время приходитъ къ нему одинъ бѣдный человѣкъ, останавливается у порога и говоритъ:

«— Я сегодня справляю свою свадьбу, но у меня ничего не приготовлено для свадебнаго обѣда.

Услыша это, взяла жена Гиллеля все приготовленное для гостя и отдала бѣдному жениху, а сама замѣсила другое тѣсто, поставила варить другое кушанье и, когда наконецъ все было готово, подала мужу и гостю.

— Дочь моя, — обратился къ женѣ Гиллель, — отчего ты такъ долго не подавала обѣда?

Она рассказала ему о случаѣ съ бѣднымъ женихомъ.

— Дочь моя, сказалъ Гиллель, — я всегда судилъ о тебѣ не съ худшей, но съ лучшей стороны, зная, что ты всегда стараешься дѣлать только угодное Богу.

Д.-Эр., гл. 6.

ПО СТОПАМЪ ЭЗРЫ

Когда забыта была Тора въ народѣ, явился Эзра и возродилъ ее. Когда Тора снова была забыта, явился Гиллель Вавилонскій и снова далъ крѣпкіе устои ей.

Изъ Вавилона Гиллель вышелъ въ возрастѣ сорока лѣтъ, сорокъ лѣтъ слушалъ ученіе мудрецовъ и сорокъ лѣтъ былъ пастыремъ добрымъ своего вѣка.

*

Разсказываютъ про Гиллеля, что ни одной науки и ни одного нарѣчія онъ не оставлялъ безъ изученія. Изучалъ онъ также голоса горъ, равнинъ и долинъ*, шелестъ деревьевъ и травъ**, языкъ звѣрей и животныхъ***, голоса демоновъ****, притчи, басни и сказки народныя.

Сук., 20; Сиф.; Софр., 16.

УЧЕНИКИ ГИЛЛЕЛЯ

Восемьдесятъ учениковъ имѣлъ Гиллель. Тридцать изъ нихъ достойны были воспріять благодать наравнѣ съ Моисеемъ; тридцать заслуживали, чтобы солнце остановилось для нихъ, какъ для Иосуи бинъ Нунъ; двадцать остальныхъ были людьми среднихъ дарованій. Старшимъ среди учениковъ былъ Ионатанъ бенъ Узіэль, младшимъ р. Иохананъ бенъ Заккай.

Сук., 28.

* Геологію. ** Ботанику. *** Зоологію. **** Мифологію.

«ПРАВЕДНЫЙ И КРОТКИЙ»

Со смертью послѣднихъ изъ пророковъ — Хагги, Захаріи и Малахіи — Духъ Святой покинулъ народъ Израильскій, только Бать-Коль* еще продолжалъ вѣщать ему.

Однажды, когда ученые сидѣли подъ кровомъ Беть-Гурія, въ Иерихонѣ, раздался Бать-Коль:

— Здѣсь находится человѣкъ, достойный, чтобы благодать почила на немъ наравнѣ съ Моисеемъ, только современники его этого не заслуживаютъ.

При этихъ словахъ взоры всѣхъ обратились на Гиллея.


Оплакивая смерть его, ученые восклицали:

— Горе намъ, о, праведный! Горе намъ, о, кроткій! Эзры достойный ученикъ!

Сан., 11.

* Небесный голосъ.





ШКОЛА ШАММАЯ И ШКОЛА ГИЛЛЕЛЯ

ПОБѢДА КРОТКАГО

Три года продолжался споръ между школою Шаммая и школою Гиллеля. Каждая настаивала на правильности своихъ толкованій Закона. Но раздался Бать-Коль:

— Устами и тѣхъ, и другихъ гласить слово Бога Живого, но поступать слѣдуетъ по толкованіямъ школы Гиллеля.

Но если ученіе и тѣхъ, и другихъ есть слово Бога Живого, чѣмъ же удостоилась преимущества школа Гиллеля?

Тѣмъ, что ея послѣдователи отличались духомъ кротости и смиренномудрія и на ряду со своимъ ученіемъ преподавали также ученіе школы Шаммая. Мало того, мнѣнія школы Шаммая они излагали всегда ранѣ собственныхъ толкованій.

Это учитъ насъ, что того, кто самъ умаляетъ себя, Господь возвеличиваетъ и, напротивъ того, умаляетъ тѣхъ, кто самъ себя возвеличиваетъ.

Эр., 13.

СОПЕРНИКИ ВО СЛАВУ БОЖІЮ

Не взирая на рѣзкое различіе своихъ толкованій Закона, — при чемъ одними разрѣшалось то, что другими запрещалось, послѣдователи обѣихъ школъ не переставали родниться другъ съ другомъ, заключая между собою брачные союзы и служа примѣромъ единенія въ пріязни и дружелюбіи, въ исполненіе сказаннаго: *«Истину и миръ возлюбите».*

Іев., 14.

ІОНАТАНЪ БЕНЪ УЗІЭЛЬ

БОЖЕСТВЕННЫЙ ОГОНЬ

Про Іонатана бенъ Узіэля рассказывали, что когда онъ вдохновлялся изученіемъ Торы, птицы, пролетавшія надъ нимъ, сгорали отъ пламени его воодушевленія. *Сух., 28.*

ПЕРЕВОДЪ СВ. ПИСАНІЯ

Переводъ Пятикнижія былъ сдѣланъ прозелитомъ Онкелосомъ со словъ р. Эліэзера и р. Іошуи, а переводъ Пророковъ Іонатаномъ бенъ Узіэлемъ со словъ Хагги, Захаріи и Малахіи. Когда появился этотъ переводъ, заколебалась Св. Земля на протяженіи четырехсотъ парса въ длину и ширину, и раздался Бать-Коль:

— Кто онъ, дерзнувшій раскрыть тайны Мои людямъ?

Всталъ Іонатанъ бенъ Узіэль и сказалъ:

— Я тотъ, кто открылъ тайны Твои людямъ. Но Ты, Господи, знаешь, что не для своей славы и не для славы рода моего я сдѣлалъ это, но ради прославленія Тебя, Господи, дабы не возрастали разногласія въ Израилѣ. *Мег., 3.*

ПОБѢДА ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ

Былъ такой случай:

Нѣкій человѣкъ лишилъ своихъ, не совсѣмъ безупречныхъ, дѣтей наслѣдства, а завѣщалъ все имущество свое Іонатану бенъ Узіэлю.

Какъ-же поступилъ Ионатанъ?

Треть имущества продалъ, треть пожертвовалъ на богоугодныя дѣла и треть возвратилъ наслѣдникамъ.

Узналъ объ этомъ Шаммай и возсталъ съ негодованіемъ противъ Ионатана (за возвращеніе наслѣдникамъ части имущества).

— Шаммай, — сказалъ ему въ отвѣтъ Ионатанъ, — если ты считаешь себя вправѣ отобрать то, что продано мною, и то, что посвящено мною Богу, тогда отбери, пожалуй, и то, что возвращено мною бѣднымъ наслѣдникамъ. А если ты перваго не можешь сдѣлать, то ты и послѣдняго сдѣлать не вправѣ.

И Шаммай могъ только сказать:

— Смѣло отвѣтилъ мнѣ бенъ Узіэль, смѣло отвѣтилъ, но побѣдилъ меня.

Бава-Б., 133—134.



Р. АКАВІЯ БЕНЬ МАГАЛАЛЭЛЪ

МНѢНІЕ БОЛЬШИНСТВА

Акавія бень Магалалэль держался по четыремъ вопросамъ особаго мнѣнія, несогласнаго съ мнѣніемъ всѣхъ другихъ законоучителей.

Говорили ему:

— Акавія, откажись отъ своего мнѣнія — и мы абъ-бетъ-динонь* назначимъ тебя.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — лучше мнѣ всю жизнь называться глупцомъ, чѣмъ часъ одинъ преступникомъ передъ Господомъ. Ради почета и власти я дѣлать этого не стану.

Однако-же передъ смертью онъ сказалъ своему сыну:

— Ты отъ моего мнѣнія по тѣмъ четыремъ вопросамъ откажись.

— Отчего-же самъ ты не отказывался? — спросилъ сынъ.

— Видишь-ли, сынъ мой, — отвѣтилъ Акавія, — я свое мнѣніе воспринялъ отъ многихъ ученыхъ законовѣдовъ; противники мои, въ свою очередь, руководились мнѣніемъ также многихъ авторитетныхъ ученыхъ; каждая изъ спорящихъ сторонъ и оставалась при своемъ мнѣніи. Тебѣ-же предстоитъ выборъ между двумя мнѣніями: одно ты воспринялъ отъ цѣлой коллегіи ученыхъ, другое отъ единичнаго лица — и преимущество должно быть отдано мнѣнію большинства.

— Хорошо, отецъ, но повліяй на своихъ товарищей, чтобы они радушно приняли меня въ свою среду.

— Этого, сынъ мой, я не сдѣлаю.

— Знаешь ты какойнибудь проступокъ за мною?

— Нѣтъ. Но пусть сами дѣла твои создадутъ тебѣ въ жизни либо друзей, либо враговъ.

Эд., 5.

* Главный судья.

РАБАНЪ ІОХАНАНЪ БЕНЪ ЗАККАЙ

ВЪ ШКОЛЬ И ВЪ ЖИЗНИ

Р. Іохананъ бенъ Заккай прожилъ сто двадцать лѣтъ. Сорокъ лѣтъ онъ занимался торговыми дѣлами, сорокъ лѣтъ учился и сорокъ лѣтъ обучалъ другихъ.

Про Іоханана бенъ Заккай рассказывали:

Ни разу за всю жизнь свою онъ не велъ разговора не научнаго; четырехъ локтей разстоянія не прошелъ безъ ученія и безъ тефилинъ. Никто раньше его не являлся въ академію. Не было случая, чтобы онъ вздремнулъ хотя на минуту за все время занятій въ академіи. Не уходилъ изъ академіи, пока тамъ оставался хотя одинъ человѣкъ. Никто не заставлялъ его иначе, какъ занятаго ученіемъ. Никому не позволялъ открывать двери его ученикамъ, а дѣлалъ это самъ. Никогда не высказывалъ сужденія, не воспринятаго имъ отъ своихъ учителей, и никогда не говорилъ: «Пора кончить занятія», за исключеніемъ кануновъ Пасхи и Іомъ-Кипура.

Во всемъ этомъ ученикъ его р. Эліэзеръ подражалъ ему.

Про р. Іоханана бенъ Заккай рассказывали, что при встрѣчѣ онъ первый привѣтствовалъ каждого, даже любого иноплеменника на улицѣ.

Про него-же рассказывали, что ничего не оставлено было имъ безъ тщательнаго изученія въ Писаніи, Мишиѣ, Гемарѣ, Галахѣ и Агадѣ, тончайшихъ деталяхъ Закона съ его комментаріями, методахъ логики и аналогіи, космографіи и астрономіи. Онъ изучилъ миеологию и демонологию, притчи, басни, сказки — все, отъ вели-

наго до малаго (великое — о Колесницѣ Небесной*, малое — въ духѣ диспутовъ Абаи и Раввы).

Р.-Гаи., 31; Сук., 28; Берах. 26.

«КОЛЕСНИЦА НЕБЕСНАЯ»

Однажды р. Иохананъ бенъ Заккай отправился въ дорогу верхомъ на ослѣ. Погонщикомъ шель ученикъ р. Иоханана р. Элазаръ бенъ Арахъ. И началъ р. Элазаръ просить р. Иоханана:

— Учитель, преподай мнѣ изъ ученія о Небесной Колесницѣ.

— Сынъ мой, — отвѣтилъ р. Иохананъ, — этого предмета дозволено касаться только въ бесѣдѣ съ однимъ человѣкомъ и то съ такимъ, который способенъ многое постигать собственнымъ разумомъ.

— Въ такомъ случаѣ, разрѣши мнѣ, учитель, повторить передъ тобою кое-что изъ того, чему ты-же училъ меня.

— Хорошо, — сказалъ р. Иохананъ. И, сойдя съ осла, облачился и усѣлся на камнѣ подъ масличнымъ деревомъ.

— Учитель, зачѣмъ ты спѣшился? — спросилъ р. Элазаръ.

— Допустимо-ли, чтобы въ то время, когда ты поведешь рѣчь о «Строеніи Колесницы», Шехина** сойдетъ на насъ и Ангелы-Служенія будутъ сопровождать насъ, — допустимо-ли, чтобы я въ это время верхомъ ѣздилъ!

Начиналъ р. Элазаръ излагать сказанія о Небесной Колесницѣ. И палъ огонь съ неба, и пламенемъ охватило всѣ деревья кругомъ. И запѣли деревья хвалебную пѣснь:

«Хвалите Господа отъ лица Земли,
Исполины морскіе и бездны всѣ,
Огонь и градъ, снѣгъ и туманъ,
Буря, творящая волю Его,
Горы, холмы, дерева плодоносныя
И кедръ всѣ. Аллилуіа!»

И голосъ ангельскій зазвучалъ изъ пламени:

— Во истину, таково, таково Строеніе Колесницы.

Всталъ р. Иохананъ, поцѣловалъ р. Элазара въ голову и сказалъ:

— Благословенъ Господь, Богъ Израиля, давшій праотцу на-

* Мистическое ученіе.

** Святой Духъ.

шему Аврааму потомка, сумѣвшаго изслѣдовать, постигнуть и объяснить «Строеніе Колесницы». — Одинъ хорошо истолковываетъ, но плохо исполняетъ, другой исполняетъ безукоризненно, но неумѣетъ ясно истолковать. Ты-же, Элазаръ, и поучаешь хорошо, и хорошо исполняешь. Благо тебѣ, отецъ нашъ Авраамъ, что Элазаръ — потомокъ Твой!

Узнали объ этомъ р. Іошуа и р. Іосе-Когенъ въ то время, когда и они находились въ пути. И рѣшили они также повести между собою бесѣду о «Строеніи Колесницы». Было это на исходѣ мѣсяца Тамузъ. И вотъ, все небо заволочло тучами, дивнаго вида радуга засвѣтилась вдругъ, и стали слетаться, сонмъ за сонмомъ, Ангелы-Служенія, чтобы послушать ихъ бесѣду, подобно людямъ, которые спѣшаютъ толпами полюбоваться на веселье вѣнчальное.

Разсказаль объ этомъ р. Іосе-Когенъ р. Іоханану бенъ Заккаю. И сказаль р. Іохананъ:

— Благо вамъ и благо родившей васъ! И блаженны очи мои, видѣвшія это! А видѣлъ я во снѣ себя и васъ на горѣ Синаѣ, и Бать-Коль съ небесъ вѣщаль намъ: «Взойдите сюда! Взойдите сюда! Покой роскошный отведенъ для васъ и ложа прекрасныя приготовлены вамъ и вашимъ ученикамъ, и ученикамъ учениковъ вашихъ почетное мѣсто назначено въ Третьемъ Сонмѣ праведниковъ въ раю».

Хаг., 14.

УЧЕНИКИ Р. ІОХАНАНА

Пять учениковъ было у р. Іоханана бенъ Заккая: р. Эліэзеръ бенъ Гирканъ, р. Іошуа бенъ Хананія, р. Іосе-Когенъ, р. Симеонъ бенъ Натанаиль и р. Элазаръ бенъ Арахъ.

Качества ихъ р. Іохананъ опредѣлялъ такъ:

Эліэзеръ бенъ Гирканъ — водоемъ цементированный, не теряющій ни капли.

Іошуа бенъ Хананія — благо родившей его*.

Іосе-Когенъ — образецъ благочестія.

Симеонъ бенъ Натанаиль страшится малѣйшаго грѣха.

Элазаръ бенъ Арахъ — неустанно бьющій родникъ знанія.

Аб., 2.

* См. ниже, объ Іошуѣ бенъ Хананіи.

«ПО ЧЕЛОВѢЧЕСКИ»

Когда у р. Іоханана бень Заккая умеръ сынъ, пришли ученики утѣшать его.

Первымъ вошелъ р. Элізеръ, сѣлъ передъ нимъ и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Прародитель Адамъ имѣлъ сына, и когда сынъ этотъ палъ мертвымъ, Адамъ утѣшился въ своей скорби, что подтверждается его-же словами: «Богъ даровалъ мнѣ другое дитя вмѣсто Авеля.» — Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби, — отвѣтилъ р. Іохананъ, — что ты еще про скорбь Адама напоминаешь мнѣ? Вошелъ р. Іошуа и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

Іовъ имѣлъ сыновей и дочерей, и всѣ они погибли въ одинъ день. И Іовъ утѣшился, говоря: «Богъ далъ и Богъ взялъ. Да будетъ благословенно имя Господне!» — Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби, — отвѣтилъ р. Іохананъ, — что ты еще про скорбь Іова напоминаешь мнѣ?

Вошелъ р. Іосе и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Ааронъ имѣлъ двухъ, уже возмужалыхъ, сыновей, оба они погибли въ одинъ день. И Ааронъ утѣшился, что подтверждается сказаннымъ: «И Ааронъ *молчалъ*». А въ такія минуты возможность оставаться молчаливымъ есть уже сама по себѣ утѣшеніе. — Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби, — отвѣтилъ р. Іохананъ, — что ты еще про скорбь Аарона напоминаешь мнѣ?

Вошелъ р. Симеонъ и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Царь Давидъ имѣлъ сына; сынъ умеръ — и Давидъ утѣшился, что подтверждается сказаннымъ: «И Давидъ утѣшилъ жену свою Бать-Шеба — и она родила. И онъ назвалъ сына именемъ Соломонъ». Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби, — отвѣтилъ р. Іохананъ, — что ты еще о скорби царя Давида напоминаешь мнѣ?

Входилъ р. Элазаръ бенъ Азарія. Завидя его, р. Іохананъ сказалъ слугѣмъ:

— Возьми скорѣй умывальный сосудъ и ступай за мною въ ванную. Я хочу уйти, потому что это великій человѣкъ — и мнѣ не устоять передъ нимъ.

Но р. Элазаръ успѣлъ войти и, сѣвъ передъ р. Іохананомъ, обратился къ нему съ такими словами:

— Скажу тебѣ притчу. Ты подобенъ человѣку, которому царь отдалъ сокровище на храненіе. День за днемъ человѣкъ этотъ со слезами и вздохами повторялъ: «Горе мнѣ! Когда, наконецъ, я благополучно освобожусь отъ обязанности оберегать отданное мнѣ на храненіе сокровище?» — Такъ и съ тобою, учитель: далъ тебѣ Богъ сына, который ревностно изучалъ и Тору, и слово пророческое, и поученія мудрецовъ нашихъ. И безгрѣшнымъ и чистымъ ушелъ онъ изъ міра. Не долженъ-ли ты утѣшиться тѣмъ, что безупречно возвратилъ сокровище, отданное тебѣ на храненіе?

— Элазаръ, сынъ мой! — радостно сказалъ р. Іохананъ, — *по человѣчески** утѣшилъ ты меня! Аб.-де-р. Н., 14.

«КАКЪ НЕ ПЛАКАТЬ?»

Когда р. Іохананъ бенъ Заккай заболѣлъ, ученики пришли его провѣдать. При видѣ ихъ слезы потекли у него изъ глазъ.

— Учитель! — заговорили они, — свѣточъ Израіля! Столпъ народный! Молоть могучій! О чемъ плачешь ты?

Отвѣчалъ р. Іохананъ:

— Дѣти мои! Если бы меня повели къ царю смертному, который сегодня здѣсь, а завтра въ могилѣ, и гнѣвъ котораго не вѣченъ; и если онъ въ темницу заключитъ меня, то не на вѣки, и если казнить меня, то казнь та не вѣчная; и словами можно умилоостивить его, и подарками задобрить, — я и тогда плакалъ-бы. Тѣмъ болѣе теперь, когда поведутъ меня къ Царю царей, святъ и благословенъ Онъ, живъ и сущъ во вѣки вѣчные! Если Онъ вознегодуетъ на меня, негодованіе это будетъ вѣчнымъ, и если Онъ въ темницу заключитъ

* Т. е. просто и сердечно.

меня, заключеніе это будетъ вѣчнымъ, казнить меня — казнь моя станетъ казнью вѣчною. И словами мнѣ не умилюстивить Его и подарками не задобрить. И мало того: два пути лежатъ передо мною — одинъ въ рай, другой въ адъ, и не знаю я, которымъ изъ двухъ путей поведутъ меня. Какъ же не плакать мнѣ?

ПРЕДСМЕРТНОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ

— Учитель, благослови насъ! — стали просить ученики.

— Да будетъ воля Господня, — произнесъ р. Іохананъ, — чтобы страхъ передъ Богомъ былъ также силенъ въ васъ, какъ страхъ передъ людьми!

— И этого достаточно, учитель?

— О, даль-бы только Богъ! Вы знаете — совершающій преступленіе повторяетъ одно: «Только-бы *никто* не замѣтилъ сдѣланнаго мною!»

Берах., 28.

*

Со смерти рабанъ Іоханана бенъ Заккай погасъ блескъ Мудрости.
Сот., 49.

КОЖАНЫЙ МѢХЪ И МЫШИ

Пока былъ живъ р. Іохананъ бенъ Заккай, всѣ пятеро учениковъ оставались при немъ. Послѣ кончины его они переселились въ Ямнію, за исключеніемъ Элазара бенъ Араха, который возвратился къ женѣ своей, жившей въ мѣстности, богатой источниками и растительностью. Разсчитывалъ онъ, что товарищи прійдутъ къ нему, и послѣ напрасныхъ ожиданій рѣшилъ самому отправиться къ нимъ. Но жена воспротивилась этому, говоря:

— Кто нуждается въ комъ?

— Они во мнѣ.

— И такъ: кожаный мѣхъ* и мыши — кто къ кому идетъ обыкновенно? Мыши къ мѣху, или мѣхъ къ мышамъ?

Послушался р. Элазаръ жены и остался дома, пока не позабылъ все, чему учился.

Черезъ извѣстное время явились товарищи и стали предлагать ему ученые вопросы. Но Элазаръ ужъ не умѣлъ отвѣчать имъ. *Ког.-Р.*

* Для храненія пищевыхъ продуктовъ.

Р. ХАНИНА БЕНЬ ДОСА

ГОРСТЬ РОЖКОВЪ

Каждый день раздавался Бать-Коль:

«— Весь міръ получаетъ питаніе свое ради заслугъ сына Моего Ханины, а сынъ Мой Ханина довольствуется горстью рожковъ отъ одной субботы до другой.

Таан., 24.

САМОПЕКУЩАЯ ПЕЧЬ

Каждый разъ въ канунъ субботы жена р. Ханины, стыдась своей бѣдности, клала въ печь дымящуюся головню*.

Была у нея злая сосѣдка и однажды въ канунъ субботы она сказала себѣ:

«— Знаю вѣдь я, что нѣтъ у нихъ ничего. Пойду-ка погляжу, съ чего это дымъ изъ трубы идетъ?»

Пришла и начала стучать въ дверь. Отъ стыда за свою бѣдность жена р. Ханины скрылась въ другую комнату. Въ это время произошло чудо: сосѣдка, войдя, нашла печь полною хлѣбами, а квашню тѣстомъ.

— Послушай, послушай, — закричала она, — неси скорѣе лопату, — хлѣбъ твой, подгораетъ!

— Я за лопатой и пошла, — спокойно отвѣтила жена р. Ханины.

Тамъ-же.

НОЖКА ЗОЛОТОГО СТОЛА

Говорить однажды р. Ханинѣ жена его:

— Доколѣ будемъ мы жить въ такой бѣднотѣ?

* Чтобы, по дыму изъ трубы, думали, что она субботніе хлѣбы печетъ.

— Но что-же дѣлать?

— Помолись Богу и попроси дать намъ что-нибудь изъ тѣхъ сокровищъ, которыя приуготованы для праведниковъ въ грядущей жизни.

Помолился р. Ханина. Появилось подобіе руки и бросило ему ножку отъ золотого стола. Въ ту ночь увидѣлъ р. Ханина во снѣ: сидятъ за райской трапезой праведники, каждый за золотымъ столомъ о трехъ ножкахъ, а онъ съ женою за столомъ о двухъ ножкахъ.

Разказалъ онъ женѣ о своемъ снѣ и спрашиваетъ:

— Приятно-ли тебѣ будетъ, когда всѣ праведники будутъ сидѣть, каждый за столомъ о трехъ ножкахъ, а у нашего стола одной ножки не будетъ доставать?

— Нѣтъ, нѣтъ! — заявила жена, — помолись, чтобъ взяли ее обратно.

Помолился р. Ханина — и ножка была взята обратно.

Таан., 25.

ЧУДО СЪ КРОВЕЛЬНЫМИ БАЛКАМИ

Сосѣдка р. Ханины строила себѣ домикъ, и потолочные балки оказались недостаточно длинными. Пришла она и разказала о томъ р. Ханинѣ.

— Какъ зовутъ тебя? — спросилъ р. Ханина.

— Эйху.

— Эйху, — сказалъ р. Ханина, — повелѣваю, чтобы балки сдѣлались достаточно длинными!

Такъ и произошло.

Пелеймо разказывалъ:

— Я видѣлъ этотъ домикъ. Балки выступали на цѣлую локоть съ одного и съ другого конца, и сосѣди мнѣ говорили: «Это тотъ самый домикъ, балки котораго удлинены по молитвѣ р. Ханины бенъ Дось».

Тамъ-же.

СКАЗКА О ЧУДЕСНЫХЪ КОЗАХЪ

Были у р. Ханины козы.

Приходятъ сосѣди и говорятъ:

— Козы твои вредъ намъ приносятъ.

— Если это правда, — отвѣчаетъ р. Ханина, — то пусть медвѣди растерзають ихъ, а если нѣтъ, пусть вечеромъ каждая принесетъ медвѣдя на своихъ рогахъ.

И вечеромъ каждая коза принесла по медвѣдю на своихъ рогахъ*.

Откуда у бѣднаго р. Ханины взялись козы?

По словамъ равъ Пинхоса, дѣло было такъ:

— Однажды какой-то прохожій оставилъ у дверей р. Ханины нѣсколькихъ куръ и ушелъ. Найдя куръ, жена р. Ханины пріютила ихъ у себя въ домѣ, но мужъ запретилъ ей пользоваться яйцами отъ этихъ куръ. Пошли цыплята, и куръ расплодилось столько, что не оставалось свободнаго мѣста въ домѣ. Тогда они продали куръ и купили козъ.

Вскорѣ послѣ этого явился хозяинъ куръ и говоритъ своему товарищу:

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ я оставилъ своихъ куръ.

Услыхалъ это р. Ханина и говоритъ:

— А можешь-ли ты указать ихъ примѣты?

— Могу.

Указалъ тотъ человѣкъ примѣты куръ — и р. Ханина отдалъ ему козъ.

Таан., 25.

ЧУДО СЪ ГОРЯЩИМЪ УКСУСОМЪ

Однажды въ канунъ субботы, уже въ сумеркахъ, р. Ханина за-стала свою дочь чѣмъ-то огорченною.

— Чѣмъ, — спросилъ онъ, — огорчена ты, дочь моя?

— Вмѣсто сосуда съ масломъ я, по ошибкѣ, взяла сосудъ съ уксусомъ и налила изъ него въ лампаду.

* Одна изъ тѣхъ легендъ Агады, къ которымъ (какъ и къ разсказу о чудѣ съ балками) сами агадисты не могли относиться иначе какъ къ невинной, забавной сказкѣ. Любопытно, однако, въ этихъ легендахъ то, что чудо вызывается даннымъ лицомъ не по непосредственному его почину, ради прославленія себя какъ чудотворца, а всегда вытекаетъ изъ желанія его оказать кому либо помощь и поддержку, вещественную или моральную — вплоть до защиты бѣдныхъ козъ отъ несправедливыхъ на нихъ нареканій.

— Не бѣда, дочь моя, — сказалъ р. Ханина, — Тотъ, Кто маслу повелѣлъ горѣть, прикажетъ горѣть и укусу.

И лампада съ укусомъ горѣла весь субботній день, до тѣхъ поръ, пока отъ нея-же взяли огонь для Авдалы*. Т.-же.

ЧУДЕСНЫЕ НОСИЛЬЩИКИ

Быль съ р. Ханиной такой случай:

Видя, какъ сограждане его отправляются въ Иерусалимъ съ разными приношеніями, онъ сталъ жаловаться на свою судьбу:

— Всѣ несутъ дары свои въ Иерусалимъ, а мнѣ и понести нечего.

Что-же онъ надумалъ? Отправился на пустырь за городъ и, высмотрѣвъ тамъ гранитную плиту, выломалъ ее, обтесалъ, отполировалъ — и рѣшилъ:

— Беру на себя доставить этотъ камень въ даръ св. граду.

Сталъ онъ искать носильщиковъ, встрѣтилъ пятерыхъ и спрашиваетъ:

— Возьметесь-ли доставить этотъ камень въ Иерусалимъ?

— За пятьдесятъ сѣла** доставимъ, — отвѣчаютъ носильщики.

Р. Ханина готовъ былъ-бы заплатить, но такой суммы у него не было.

Носильщики ушли.

Послалъ Господь пять ангеловъ въ образѣ людей.

— Доставите-ли вы камень этотъ въ Иерусалимъ? — спросилъ р. Ханина.

— За пять сѣла, — отвѣтили они, — доставимъ, но только и ты хотя-бы одной рукой, хотя-бы однимъ пальцемъ пособи намъ.

Сдѣлалъ такъ р. Ханина — и они мгновенно очутились въ Иерусалимѣ. Обратился р. Ханина къ носильщикамъ, чтобы отдать имъ плату, но ихъ не стало.

Пришелъ р. Ханина въ Синедрионъ и рассказалъ о случившемся.

— Не иначе, — сказали тамъ, — какъ Ангелами-Служенія доставленъ твой камень сюда. Когел.-Р., 1.

* Восковая свѣча, зажигаемая на исходѣ субботы, праздника и поста Юмъ-Кипуръ при чтеніи молитвы того-же названія.

** Древняя монета.

ЗМЪЯ

Появилось въ одномъ мѣстѣ чудовище-змѣя, искушавшая множество людей. Сказали объ этомъ р. Ханинѣ.

— Укажите мнѣ ея нору, — сказалъ р. Ханина.

Привели его туда. Наступилъ онъ ногою на отверстіе норы. Поднялась змѣя, ужалила его — и упала мертвой.

Взялъ ее р. Ханина на плечо и принесъ въ школу.

— Видите, дѣти мои, — сказалъ онъ ученикамъ, — не змѣя убиваетъ, а грѣхъ.

По этому поводу сложилась поговорка:

— «Горе человѣку, который наткнется на змѣю, и горе змѣѣ, которая попадетъ р. Ханинѣ бень Досѣ». *Берах., 33.*

«И ТВАРЬ БЕЗСЛОВЕСНАЯ»

Однажды воры увели у р. Ханины осла, поставили его у себя во дворѣ на привязи и дали ему сѣна, ячменя и воды. Но осель стоялъ, не дотрагиваясь ни до корма, ни до воды.

— «Не стойть, — рѣшили воры, — и держать его дальше: того гляди, еще околѣеть и весь дворъ заразить.

Отвязали осла и прогнали. Поплелся бѣдный осель домой.

Услышалъ крикъ его сынъ р. Ханины.

Отець! Отець! — позвалъ онъ, — похоже на крикъ нашего животного.

— Открой поскорѣ ворота, — откликнулся р. Ханина, — бѣдное животное давно умираетъ отъ голода.

Впустили осла во дворъ, дали ему сѣна, ячменя и воды, и онъ принялся ѣсть и пить.

Правду говорятъ: «Въ старину безупречны были не только сами праведники, но даже ихъ животныя»*. *Аб. де-р. Н., 8.*

* Примѣромъ чего можетъ служить осель р. Ханины бень Досы, не дотронувшійся до корма, даннаго ему ворами.

«ПОЩАЖЕНЪ, ИЛИ ОБРЕЧЕНЪ»

Про р. Ханину рассказывали, что, молясь за больныхъ, онъ предсказывалъ, кому выздоровѣть, кому умереть.

На вопросъ: какъ онъ это узнаеть, онъ отвѣчалъ:

— Если плавно течетъ моя молитва, это служить мнѣ указаніемъ, что больной пощаженъ, если нѣтъ — что онъ обреченъ.

Берах., 34.

МИНУТА ВЪ МИНУТУ

Однажды, когда заболѣлъ сынъ у рабанъ Гамліеля, онъ послалъ двухъ ученыхъ мужей къ р. Ханинѣ просить его помолиться о милости Господней. Увидавъ ихъ, р. Ханина взшелъ въ верхнюю горницу и углубился въ молитву. Сойдя внизъ, онъ сказалъ посланнымъ р. Гамліеля:

— Вы можете идти: жаръ у больного прекратился.

Записали они, точно отмѣтивъ время, когда сказалъ это р. Ханина. А когда они возвратились и передали слова р. Ханины, р. Гамліель заявилъ:

— Клянусь, что это произошло ни раньше, ни позже: въ ту именно минуту жаръ у больного прекратился, и онъ попросилъ пить.

Тамъ-же.

СЛУГА И ВЕЛЬМОЖА

Еще случай былъ съ р. Ханиной бенъ Досой.

Пришелъ онъ къ р. Іоханану бенъ Заккаю поучиться божественной мудрости, а въ то время у р. Іоханана заболѣлъ сынъ, и сталъ патріархъ просить р. Ханину, говоря:

— Ханина, сынъ мой! Помолись о милости Господней къ моему больному.

Низко, до самыхъ колѣнъ, склонилъ голову р. Ханина и углубился въ молитву.

Больной выздоровѣлъ.

— Если-бы я, — сказалъ р. Иохананъ женѣ, — хотя цѣлый день просидѣлъ, поникнувъ головой до колѣнъ, молитва моя не была-бы услышана.

— Но на столько развѣ Ханина достойнѣе тебя?

— Не въ достоинствѣ дѣло. Но Ханина кротостью своей подобенъ слугѣ передъ царемъ, а я и передъ Господомъ стою какъ вельможа передъ царемъ.

Тамъ-же

*

Со смертью р. Ханины бенъ Досы не стало болѣе людей дѣятельнаго благочестія.

Сот., 49.





РАБАНЪ ГАМЛІЕЛЬ II ЯМНІЙСКІЙ

«НЕ ВЛАСТЬ, А РАБСТВО»

Рабанъ Гамліель и р. Іошуа ѣхали вмѣстѣ на одномъ кораблѣ. Р. Гамліель имѣлъ съ собою только печеный хлѣбъ, а Іошуа, кромѣ хлѣба, взялъ про запасъ и пшеничной муки. Когда вышелъ весь хлѣбъ у р. Гамліеля, онъ началъ пользоваться мукою р. Іошуи и при этомъ спросилъ:

— Развѣ зналъ ты напередъ, что мы задержимся въ пути, и запаса мукою?

— Есть одна звѣзда, — отвѣтилъ р. Іошуа, — которая появляется черезъ каждыя семьдесятъ лѣтъ, и при ея появленіи мореплаватели часто сбиваются съ пути. Я и подумалъ, какъ-бы не случилось это съ нашимъ кораблемъ.

— Удивляюсь тебѣ, — сказалъ р. Гамліель, — ты обладаешь столь разнообразными знаніями, а пускаешься въ плаваніе [въ поискахъ за заработкомъ].

— Вмѣсто того, чтобы удивляться мнѣ, — отвѣтилъ р. Іошуа, — не находишь-ли ты достойною удивленія судьбу двухъ твоихъ учениковъ, р. Іоханана бенъ Гудгоды и р. Элазара бенъ Хисмы? Люди эти умѣютъ вычислить, сколько капель содержится въ океанѣ, а у нихъ ни хлѣба нѣтъ, ни одѣтыя не во что.

Узнавъ объ этомъ, рѣшилъ р. Гамліель назначить тѣхъ учениковъ своихъ на какую нибудь почетную общественную службу.

Съ этой цѣлью, р. Гамліель, возвратясь изъ плаванія, позвалъ ихъ къ себѣ. Но они, узнавъ, зачѣмъ ихъ зовутъ, отказались прійти. Вторично послалъ за ними р. Гамліель, и они наконецъ явились.

— Вы считаете, — сказалъ имъ патріархъ, — что, назначая васъ на общественную службу, я власть вамъ даю? Рабство даю я Вамъ, по слову старѣйшинъ царю Рехавааму: «Нынѣ слугою ты будешь народу этому.»

Гор., 24.

СПОРЪ О НОВОЛУНІИ

Въ домѣ у р. Гамліеля висѣли на стѣнѣ двѣ таблицы съ изображеніями лунныхъ фазъ, и по нимъ онъ провѣрялъ показанія свидѣтелей о новолуніи*.

Однажды между р. Гамліелемъ и р. Іошуйей вышелъ споръ относительно момента новомѣсячія и, въ зависимости отъ этого, поста Іомъ-Кипуръ. Послалъ р. Гамліель къ р. Іошуѣ и велѣлъ сказать ему:

— Приказываю тебѣ явиться ко мнѣ съ посохомъ въ рукѣ и деньгами въ карманѣ въ тотъ самый день, когда, по твоему утвержденію, имѣетъ быть Іомъ-Кипуръ».

Въ это время къ р. Іошуѣ заходитъ р. Акиба и, видя его глубоко огорченнымъ, спрашиваетъ:

— Чѣмъ огорченъ ты, учитель?

— Акиба, — отвѣчаетъ р. Іошуа, — лучше-бы мнѣ годъ цѣлый лежать больнымъ въ постели, чѣмъ исполнить повелѣніе патріарха.

— Я-же — сказалъ на это р. Акиба, — считаю неоспоримымъ одно: всякое постановленіе р. Гамліеля должно оставаться въ силѣ. Ибо сказано: «Вотъ праздники Господни, священные дни, которые вы должны опредѣлять». Точно-ли, или не точно ихъ опредѣляютъ — эти праздники обязательны.

Приходитъ р. Іошуа къ р. Досѣ бенъ Гирканъ. И говоритъ ему р. Доса:

— Если начать обсуждать постановленія бетъ-дина** рабанъ Гамліеля, мы должны будемъ подвергнуть пересмотру постановленія всѣхъ бетъ-диновъ со временъ Моисея и до настоящаго дня. — — — Нѣтъ, каждый бетъ-динъ, состоящій изъ трехъ судей, имѣетъ такое-же значеніе, какъ и бетъ-динъ временъ Моисея.

* Въ то время установленной календарной системы еще не было, и наступленіе новомѣсячія, а въ зависимости отъ этого и наступленіе праздниковъ, устанавливалось по наблюденіямъ частныхъ лицъ за фазами луны.

** Ученая коллегія съ функціями законодательной и судебной.

Отправился р. Іошуа въ Ямнію и съ посохомъ въ рукѣ и деньгами въ карманѣ явился къ рабанъ Гамліелю въ тотъ самый день, когда по утверженію его-же, р. Іошуи, долженъ былъ быть Іомъ-Кипуръ. Увидя его, всталъ рабанъ Гамліель, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ:

— Миръ тебѣ, учитель мой и ученикъ мой: учитель мой — въ мудрости, ученикъ мой — въ послушаніи. Благо тому поколѣнію, въ которомъ великіе подчиняются малымъ! Р.-Гау., 24.

ЛИШЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВА*

Между р. Гамліелемъ и р. Іошуйей возникъ споръ по вопросу богослужебнаго ритуала; именно: слѣдуетъ-ли считать вечернюю молитву («Мааривъ») обязательной, или нѣтъ. Во все время спора рабанъ Гамліель сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, заставляя р. Іошую продолжать пренія стоя. Такое явное пренебреженіе къ противнику вызвало взрывъ негодованія среди всѣхъ присутствующихъ. Въ видѣ протеста они прервали рѣчь тургемана**, и со всѣхъ сторонъ стали раздаваться голоса:

— До какихъ поръ еще онъ будетъ оскорблять и тиранить р. Іошую? — — — Пора, наконецъ, лишить его патріаршаго званія!

Тутъ-же стали обсуждать вопросъ о замѣстителѣ.

— Выберемъ, — предлагали одни, — р. Іошую.

— Неудобно, — возражали другіе: — онъ-же послужилъ причиною смѣщенія рабанъ Гамліеля.

— Изберемъ, быть можетъ, р. Акибу?

— Нѣтъ, онъ человѣкъ не знатнаго рода.

Избрать рѣшили р. Элазара бенъ Азарію, человѣка мудраго и богатаго, къ тому-же потомка, въ десятомъ колѣнѣ, пророка Эзры.

*

* Патріархъ, глава Синедріона, человѣкъ богатый и гордый знатностью рода — рабанъ Гамліель чрезвычайно сурово относился къ своимъ принципиальнымъ противникамъ, въ особенности къ р. Іошуѣ, и въ спорахъ съ ними не всегда оставался въ границахъ безпристрастія и справедливости. Это не могло не вызвать недовольства со стороны учениковъ и постороннихъ посѣтителей академіи. И недовольство это выразилось, наконецъ, въ весьма рѣзкой формѣ.

** Лицо, излагавшее рѣчь ученаго въ доступной формѣ.

Пришли ученые къ Элазару бенъ Азаріи и говорятъ:

— Соблаговолишь-ли учитель стать главою академіи?

— Я долженъ, — отвѣтилъ р. Элазаръ, — посоветоваться съ домашними моими.

Спросилъ онъ совѣта у жены.

— Опасаюсь, — замѣтила жена, — чтобы и тебя не смѣнили также, какъ и твоего предшественника.

— Пословица гласитъ, — сказалъ р. Элазаръ: «День одинъ пей изъ дорогого бокала, хотя бы онъ завтра и разбился».

— Но ты еще такъ молодъ, — продолжала жена, — ни одного сѣдого волоса не имѣешь.

Въ то время р. Элазару было всего восемнадцать лѣтъ. И совершилось чудо: восемнадцать рядовъ сѣдыхъ волосъ вѣнцомъ окружили чело его.

*

Въ тотъ-же день былъ устраненъ привратникъ академіи и всѣмъ желающимъ учиться былъ открытъ свободный входъ. Не такъ, какъ было при рабанъ Гамліелѣ, который, не довольствуясь внѣшнимъ благоприличіемъ слушателей, требовалъ доказательства ихъ нравственной безупречности.

Немедленно-же академія наполнилась цѣлыми рядами новыхъ слушателей.

Видя это, палъ духомъ рабанъ Гамліель:

— «Не былъ-ли я со своими строгостями, — подумалъ онъ, — въ самомъ дѣлѣ причиною уменьшенія знанія въ народѣ?»

Но въ ту-же ночь было ему видѣніе: *урны бѣлыя, наполненныя пепломъ**.

*

Въ тотъ-же день, когда р. Элазаръ бенъ Азарія былъ избранъ патриархомъ, приступлено было къ составленію свода рѣшеній «Эдуіотъ», и ни одной галахи, установленіе которой зависѣло отъ Синедріона, не осталось нерѣшенной.

Рабанъ Гамліель и послѣ устраненія его отъ патриаршества не переставалъ посѣщать академію и принимать участіе въ ея работахъ.

* Символь небезупречности нѣкоторыхъ изъ вновь допущенныхъ въ академію слушателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе на то, что строгія отношенія рабанъ Гамліеля къ ученикамъ не всегда заслуживали порицанія.

[Споры его съ р. Іошуй по прежнему возникали нерѣдко. Но, споря съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, и высоко цѣня его обширныя знанія] рабанъ Гамліель рѣшилъ попросить у р. Іошуи прощеніе за всѣ нанесенныя ему обиды. Съ этой цѣлью рабанъ Гамліель отправился къ нему на домъ.

Пришелъ онъ и видитъ — стѣны въ домѣ черны отъ дыма и копоти.

— Судя по виду этихъ стѣнъ, — сказалъ рабанъ Гамліель, — ты, должно быть, занимаешься кузнечнымъ ремесломъ?

На это р. Іошуа отвѣтилъ:

— Горе поколѣнію, которому ты вождь, и горе кораблю, которому ты кормчій! Ибо не знаешь ты, въ какой нуждѣ живутъ обыкновенно ученые и какимъ мучительнымъ трудомъ добываютъ себѣ пропитаніе.

— Я виноватъ передъ тобою, — сказалъ рабанъ Гамліель, — прости меня!

Р. Іошуа не отвѣчалъ.

— Изъ уваженія къ предку* моему сдѣлай это.

Смягчился р. Іошуа и помирился съ нимъ.

Берах., 27.

ВИНОЧЕРПІЙ

Однажды, на свадьбѣ у сына рабанъ Гамліеля сидѣло за столомъ трое ученыхъ — р. Эліэзеръ, р. Іошуа и р. Саддокъ, и самъ рабанъ Гамліель наливалъ гостямъ вино въ бокалы.

Подавъ рабанъ Гамліель бокалъ р. Эліэзеру, но тотъ бокала не принялъ; подавъ р. Іошуѣ — этотъ принялъ.

— Допустимо-ли это, Іошуа? — обратился къ нему р. Эліэзеръ, — мы сидимъ, а учитель нашъ рабанъ Гамліель стоитъ и вино намъ наливаетъ!

— Мы знаемъ человѣка болѣе великаго, — возразилъ р. Іошуа, — который прислуживалъ своимъ гостямъ: Авраамъ былъ величайшимъ человѣкомъ своего времени, и про него сказано: «И самъ стоялъ передъ ними.» Скажешь, можетъ быть, тѣ странники были ангелами? Но Аврааму вѣдь явились они въ видѣ простыхъ аравитянъ. Такъ почему-бы и рабанъ Гамліелю не послужить виночерпіемъ намъ?

* Гиллелю.

— А я другое скажу, — отозвался р. Саддокъ: доколѣ, — забывая о величїи Всевышняго, вы будете спорить о почестяхъ людскихъ? Господь направляетъ вѣтры, возноситъ облака, изливаетъ дождь, оплодотворяетъ землю и каждой живой душѣ питаніе посылаетъ. Что-же обиднаго для рабанъ Гамліеля въ томъ, что онъ прислуживаетъ намъ? *Кид., 32.*

ПРОКЛЯТІЕ — БЛАГОСЛОВЕНІЕ

Рабанъ Гамліель выдавалъ дочь замужъ.

— Благослови меня, отецъ! — попросила дочь.

Рабанъ Гамліель произнесъ:

— Да будетъ воля Господня, чтобы ты болѣе не переступала моего порога.

Родивъ сына, она снова стала просить отца благословить ее.

— Да будетъ воля Господня, — произнесъ рабанъ Гамліель, — чтобы слова «горе мнѣ!» были обычнымъ твоимъ восклицаніемъ.

— Отецъ! — сказала дочь, — два торжества были у меня — и оба раза ты проклялъ меня!

— Нѣтъ, дочь моя, — отвѣтилъ рабанъ Гамліель, — не проклятія это были, но благословенія: я пожелалъ тебѣ столь счастливой и радостной жизни въ домѣ мужа, чтобы никогда надобности не было тебѣ возвращаться въ мой домъ. Затѣмъ, я пожелалъ сыну твоему жить и расти, а тебѣ заботиться о немъ, то и дѣло восклицая:

«— Ахъ, горе мнѣ, я еще сына не накормила!»

«— Горе мнѣ, я еще сына не напоила!»

«— Горе мнѣ, я еще въ школу его не отправила!» *Бер.-Р., 27.*

РАДИ ТОРЫ

Р. Акиба подарилъ своей женѣ золотое запястье. Увидала это жена рабанъ Гамліеля и, мучимая завистью, пришла и рассказала о запястьи своему мужу.

— Другъ мой, — замѣтилъ ей рабанъ Гамліель, — а подражала-ли ты женѣ р. Акибы въ то время, когда она косы свои отрѣзывала и продавала, чтобы дать возможность мужу спокойно заниматься изученіемъ Торы? *Иеруш., Шаб.*

РАБЪ — СВЯТОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Къ рабамъ не принято примѣнять почетныя наименованія. Слугъ же рабанъ Гамліеля всѣ чествовали, обращаясь къ нимъ: «*Отецъ* такой-то!» — «*Мать* такая-то!»

Когда умеръ слуга его Тоба, рабанъ Гамліель справилъ по немъ трауръ. Видя это, ученики сказали рабанъ Гамліелю:

— Не самъ-ли ты поучалъ насъ, что по рабамъ траура не справляютъ?

— Слуга мой Тоба, — отвѣтилъ рабанъ Гамліель, — не чета всѣмъ прочимъ слугамъ: это безусловно честный человѣкъ.

Берах., 16.



Р. ЭЛІЗЕРЪ (ВЕЛИКІЙ) БЕНЪ ГИРКАНЪ

ПЕРВЫЯ ИСПЫТАНІЯ

До двадцати двухлѣтняго возраста р. Элізеръ бенъ Гирканъ ничему не учился. Отецъ его былъ богатымъ поселяниномъ и, занимаясь въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ, заставлялъ своихъ сыновей исполнять всѣ полевые работы.

Однажды, когда братья были заняты на черноземной полосѣ, Элізеру досталось обработать участокъ каменистой почвы, и отецъ засталъ его за работой въ слезахъ.

— О чемъ ты плачешь? — спросилъ отецъ, — если для тебя эта работа тяжела, я переведу тебя на черноземное поле.

Но и за работой на новомъ мѣстѣ отецъ засталъ его плачущимъ и спрашиваетъ:

— О чемъ-же теперь ты плачешь? Быть можетъ, и эта работа тебѣ не подъ силу?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Элізеръ, — а плачу я потому, что меня влечетъ къ изученію св. Торы.

— Но вѣдь тебѣ уже двадцать два года, и въ такомъ возрастѣ вздумалъ ты начать учиться! Нѣтъ, жениться тебѣ пора. Будутъ, вотъ, дѣти у тебя, ты ихъ и посылай учиться.

Однажды приходитъ онъ къ отцу и заявляетъ:

— Ухожу учиться къ рабанъ Іоханану бенъ Заккаю.

— А я говорю тебѣ, — отвѣчаетъ отецъ, — что ты крошки въ ротъ не возьмешь, пока не распашешь весь участокъ!

На завтра, вставъ чуть свѣтъ, отправился Элізеръ въ поле и принялся за работу, но вдругъ животное, на которомъ онъ пахалъ, оступилось и сломало ногу.

«— Мнѣ-же ко добру случилось это», — подумалъ Эліэзеръ и, бросивъ все, бѣжалъ съ поля и отправился въ Іерусалимъ, къ рабанъ Іоханану бенъ Заккаю.

*

Какъ преданіе гласить, это произошло въ канунъ субботы, и Эліэзеръ цѣлыя сутки* оставался безъ пищи. Мучимый голодомъ, онъ бралъ въ ротъ кусочки полевого шпата, поднятые имъ на дорогѣ.

Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ отправился въ академію и, представъ передъ рабанъ Іохананомъ, разрыдался.

— О чемъ рыдаешь ты? — спросилъ рабанъ Іохананъ.

— Я учиться хочу.

— Учился ты уже чему нибудь?

— Нѣтъ.

Началъ рабанъ Іохананъ обучать его молитвамъ, потомъ галахѣ, по два параграфа въ день.

Ревностно принялся Эліэзеръ за ученіе. Прошла цѣлая недѣля, впродолженіи которой онъ не переставалъ голодать. Ютился онъ въ это время въ бѣдной каморкѣ на постояломъ дворѣ и голодъ пытался утолить тѣмъ, что сосалъ черноземъ, принесенный имъ въ мѣшкѣ съ родного поля. Узнавъ объ этомъ, рабанъ Іохананъ позаботился относительно его пропитанія на дальнѣйшее время.

*

Три года продолжалъ р. Эліэзеръ свое ученіе въ академіи. И стали братья его говорить отцу:

— Ты подумай только, какъ поступилъ съ тобой сынъ твой Эліэзеръ: бросилъ старика-отца и въ Іерусалимъ ушелъ себѣ! ты долженъ пойти и лишить его наслѣдства.

Отецъ согласился и съ этой цѣлью отправился въ Іерусалимъ.

*

Прибылъ старикъ въ Іерусалимъ какъ разъ въ такое время, когда у патріарха былъ большой пріемъ почетныхъ гостей. Между прочимъ тамъ находились трое знатнѣйшихъ гражданъ Іерусалима:

* Во время остановки для субботняго покоя.

Бенъ Цицитъ-Гаксатъ, Накедимонъ бенъ Гуріонъ и Бенъ Калба-Шабуа. Узнавъ о приходѣ отца Эліэзера, рабанъ Іохананъ пригласилъ его въ домъ и посадилъ между почетнѣйшими гостями.

Сидитъ Гирканъ въ глубокомъ смущеніи отъ такого почета. А въ это время рабанъ Іохананъ обращается къ р. Эліэзеру и говоритъ:

— Скажи слово передъ нами.

— Учитель, — отвѣчаетъ р. Эліэзеръ, — что я въ состояніи сказать? Не можетъ водоемъ дать воды болѣе, чѣмъ влито въ него. И могу-ли я сказать болѣе того, чему я научился отъ тебя-же?

— Нѣтъ, сынъ мой, говоритъ рабанъ Іохананъ, — не водоему подобенъ ты, но роднику, который самостоятельно бьетъ непрерывной, живой струей.

Присоединились къ рабанъ Іоханану и ученики его. И, уступая общему желанію, всталъ р. Эліэзеръ и началъ говорить.

Зазвучала рѣчь столь вдохновенная, какой не слыхалъ никто до того времени. Какъ солнце сіяло лицо его, и лучи исходили отъ него, какъ отъ лика Моисея. Всѣ присутствующіе ослѣплены были этимъ сіяніемъ настолько, что имъ трудно было-бы сказать, дневной-ли свѣтъ видятъ они, или ночь была — и вдругъ дивнымъ блескомъ озарилась она...

Всталъ рабанъ Іохананъ, обнялъ р. Эліэзера, прижался устами къ головѣ его и воскликнулъ:

— Слава, слава вамъ, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, что явился мужъ этотъ въ потомствѣ вашемъ!

— О комъ это, — спросилъ Гирканъ, — говоритъ патриархъ?

— О сынѣ твоемъ, Эліэзерѣ, — пояснили ему.

— Въ такомъ случаѣ, — заявилъ Гирканъ, — онъ не такъ выразился. Надо было сказать такъ: «Слава Гиркану, отъ котораго такой сынъ родился!»

Съ этими словами старикъ всталъ на стулъ и громкимъ голосомъ заявилъ:

— Жители Іерусалима! Слушайте: я пришелъ сюда для того, чтобы лишить сына моего Эліэзера его доли въ наслѣдствѣ. Теперь же я заявляю, что все добро мое перейдетъ въ его исключительное владѣніе; братья-же его ничего получить не должны.

На эти слова р. Эліэзеръ отвѣтилъ такъ:

— Нѣтъ, отецъ! Если-бы я земли попросилъ у Господа, Онъ и безъ тебя могъ-бы дать мнѣ ея достаточно: «Господу принадлежитъ

земля и все, что наполняетъ ее». И если-бы золота и серебра я пожелалъ, Господь и этимъ сумѣлъ-бы надѣлать меня: «Мое все серебро и Мое все золото — говорить Господь Саваоѣ». Но я ничего, кромѣ знанія, не прошу у Господа.

П. де-р. Э., 1, 2; Аб. де-р. Н., 6; Бер.-Р., 42; Т. Гак., Л.-Лехо; Беца, 13.

КАМЕНЬ Р. ЭЛІЭЗЕРА

Зданіе, въ которомъ помѣщалась академія р. Эліэзера*, было круглой формы, въ видѣ ристалища, и лежалъ тамъ камень, на которомъ р. Эліэзеръ сидѣлъ во время занятій съ учениками.

Зашедшій туда р. Іошуа сталъ цѣловать этотъ камень, говоря:

— Камень этотъ подобенъ Синаю, а тотъ, кому онъ служитъ сидѣніемъ — Кивоту Завѣта. *Ш. га.-Ш., 1.*

«НЕ ЖЕНСКОЕ ДѢЛО»

Одна римская матрона задала вопросъ р. Эліэзеру:

— Справедливо-ли было за *одинъ* грѣхъ поклоненія золотому тельцу покарать народъ *тремя* родами казни?

— Вся мудрость женщины не идетъ дальше прялки, — проговорилъ, вмѣсто отвѣта, р. Эліэзеръ.

— Отецъ, — замѣтилъ ему сынъ его Гирканъ, — благодаря твоему отказу отвѣтить на ея вопросъ, мы лишимся ежегоднаго поступленія отъ нея десятиннаго сбора въ количествѣ цѣлыхъ трехсотъ коровъ.

— Пусть сгорятъ! — отвѣтилъ р. Эліэзеръ, — Тора не женское дѣло. *Бам.-Р., 9.*

«ЧУДЕСА — НЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»

Однажды возникъ большой споръ между учеными по закону о «чистомъ» и «нечистомъ». Р. Эліэзеръ былъ одного мнѣнія, прочіе ученые другого. Какихъ доказательствъ ни приводилъ р. Эліэзеръ, ученые оставались при своемъ.

* Въ г. Лиддѣ, куда р. Эліэзеръ переселился послѣ кончины р. Іоханана бенъ Заккая.

— Слушайте-же! — воскликнулъ р. Эліэзеръ, — если мнѣніе мое вѣрно, пусть вонъ то рожковое дерево подтвердитъ мою правоту!

Въ ту-же минуту невидимою силой вырвало съ корнемъ дерево и отбросило его на сто локтей.

Это, однако, не убѣдило его противниковъ:

— Чудо съ деревомъ не можетъ служить доказательствомъ, — заявили они.

— Если правъ я, — сказалъ далѣе р. Эліэзеръ, — пусть ручей подтвердитъ это!

При этихъ словахъ вода въ ручьѣ потекла обратно.

— И ручей ничего не доказываетъ, — настаивали на своемъ ученые.

— Если правъ я, пусть стѣны этаго зданія свидѣтельствуютъ о моей правотѣ!

Накренились стѣны, угрожая обрушиться, но прикрикнулъ на нихъ р. Іошуа: «Тамъ, гдѣ ученые споръ ведутъ, не вамъ вмѣшиваться!» — И стѣны, изъ уваженія къ р. Іошуѣ, не обрушились, но, изъ уваженія къ р. Эліэзеру, и не выпрямились, — такъ навсегда и остались въ наклонномъ положеніи.

— Пусть, наконецъ, само небо подтвердитъ мою правоту! — воскликнулъ р. Эліэзеръ.

Раздался Бать-Коль:

— «Зачѣмъ противитесь вы словамъ Эліэзера? Законъ всегда на его сторонѣ».

Всталъ р. Іошуа и говорить:

— Не въ небесахъ Тора. Мы и Бать-Колу не подчинимся!

Встрѣтился послѣ этого р. Натанъ съ Іліей-пророкомъ и спрашиваетъ:

— Какъ отнеслись на небѣ къ этому спору?

Отвѣчаетъ Ілія:

— Улыбкою озарились уста Всевышняго — и Господь говорилъ:

«— Побѣдили Меня сыны мои, побѣдили Меня!»

*

Разсказываютъ, что въ тотъ-же день все, что р. Эліэзеромъ признано было «чистымъ», было собрано и сожжено, послѣ чего ученые торжественно провозгласили его отлученіе.

Возникъ вопросъ: кому идти объявить объ этомъ самому р. Эліэзеру, въ виду того, что, распаленный гнѣвомъ, р. Эліэзеръ могъ-бы накликать на всю страну неисчислимыя бѣдствія. Требовалось, по крайней мѣрѣ, чтобы пошелъ человекъ наиболѣе достойный и уважаемый. Пойти рѣшился р. Акиба.

Облачившись, въ знакъ печали, въ черныя одежды, онъ пришелъ къ р. Эліэзеру и сѣлъ въ четырехъ локтяхъ разстоянія отъ него.

Спрашиваетъ р. Эліэзеръ:

— Акиба, что особеннаго произошло сегодня?

— Мнѣ кажется, — отвѣчаетъ р. Акиба, — что твои товарищи удалились отъ тебя.

Услыша это, разорвалъ на себѣ одежды р. Эліэзеръ, снялъ обувь и опустился на землю. Горячія слезы обиды и гнѣва полились изъ глазъ его. И опасенія оправдались — тяжелыя бѣдствія обрушились на страну: цѣлая треть масличнаго урожая погибла; пропала также треть посѣва на пшеничныхъ и ячменныхъ поляхъ. Даже тѣсто въ рукахъ у мѣсильщицы какъ-то размокало и разлѣзалось. Великія бѣдствія произошли въ тотъ день: куда ни взглянетъ р. Эліэзеръ, все выгорало какъ отъ пожара.

Самъ патріархъ рабанъ Гамліель едва избѣгнулъ смертельной опасности:

Какъ разъ въ тотъ день онъ находился въ плаваніи. Совершенно неожиданно поднялся ужасный штормъ, грозя потопить корабль. «— Съ чего это? — сталъ размышлять рабанъ Гамліель, — не иначе какъ изъ-за р. Эліэзера». И воззвалъ онъ къ небесамъ:

«— Господи! Ты вѣдаешь, что не ради своей славы и не ради славы предковъ моихъ поступилъ я такъ, но только для прославленія Тебя, Господи, дабы не усиливались разногласія и распри среди Израиля»...

Прекратилась буря; море успокоилось.

*

Имма-Шаломъ, жена р. Эліэзера, — она-же сестра рабанъ Гамліеля, — все время слѣдила за тѣмъ, чтобы не давать р. Эліэзеру *пастъ ниць* во время молитвы. Ибо знала она, что *такая* молитва его всегда вызывала грозныя бѣдствія для его противниковъ.

Но случилось такъ, что къ дому ихъ подошелъ нищій, и она отлучилась на одну минуту, чтобы подать милостыню. Въ это время

терзаемый невыносимой скорбью, палъ р. Эліэзеръ на лицо свое, изливая въ горькихъ мольбахъ свои душевныя муки.

Вернувшись въ комнату и увидя это, Имма-Шаломъ воскликнула:

— Встань, Эліэзеръ! Братъ мой* уже убить тобою!

И въ ту-же минуту раздались звукъ рога [и голосъ] изъ дома патріарха:

«Умеръ рабанъ Гамліель!»

Спрашиваетъ жену р. Эліэзеръ:

— Какъ предугадала ты его смерть?

— Еще отъ дѣда, — отвѣчаетъ Имма-Шаломъ, — въ нашей семьѣ сохранилось преданіе: всѣ врата небесныя время отъ времени закрываются, и только врата для жалобъ невинно скорбящихъ всегда остаются открытыми.

Баба-М., 59.

ВСѢ ПЛАЧУТЪ, ОДИНЪ РАДУЕТСЯ

Когда р. Эліэзеръ заболѣлъ, пришли (не взирая на отлученіе) ученики провѣдать его. Видя страданія учителя, они заплакали. Одинъ р. Акиба стоялъ радостно улыбаясь.

— Чему радуешься ты? — спрашиваютъ товарищи.

А вы о чемъ плачете? — отвѣчаетъ вопросомъ р. Акиба.

— Какъ-же намъ не плакать при видѣ той скорби, въ которой находится передъ нами Тора**?

— По той-же причинѣ я и радуюсь. Видя до сихъ поръ, что у учителя нашего вино никогда не скисаетъ, ленъ не выбиваетъ градомъ, елей не горкнетъ и медъ не бродитъ, я тревожился мыслью, не послужитъ-ли земное его благополучіе наградой ему вмѣсто блаженства въ грядущей жизни? Нынѣ-же, видя его въ такой скорби, я спокоенъ за него.

Санг., 101.

«СЪ ПОКОРНОСТЮ И ЛЮБОВЬЮ»

Пришли также провѣдать р. Эліэзера старѣйшины: р. Тарфонъ, р. Юшуа, р. Элазаръ бенъ Азарія и р. Акиба.

И, желая утѣшить его, говоритъ р. Акиба:

* Санкціонировавшій отлученіе.

** Въ лицѣ болящаго р. Эліэзера.

— Учитель! Ты для народа благодатнѣе, чѣмъ дождь для полей: дождь благотворенъ для насъ только на землѣ, а ты, учитель — и въ земной жизни, и въ грядущей.

— Учитель! — говоритъ р. Элазаръ бенъ Азарія, — ты для насъ дороже отца и матери: они для насъ только на землѣ, ты-же и въ земной жизни, и въ будущей.

Но вотъ раздался голосъ р. Акибы:

— Страданія должны быть принимаемы съ покорностью и любовью.

Услышалъ сказанное р. Эліэзеръ — сломили слова эти и его неукротимую волю.

— Поддержите меня, — обратился онъ къ своимъ ученикамъ, — дайте мнѣ получше разслышать слова ученика моего Акибы. Да, «страданія должны быть принимаемы съ покорностью и любовью!»

Санг., 101; Ял.-Ш.

ОТЛУЧЕНІЕ СНЯТО

При извѣстїи о близкой смерти р. Эліэзера, пришли снова навѣстить его р. Акиба съ товарищами и стали просить у него разъясненій по закону о «чистомъ» и «нечистомъ».

И умирающій давалъ имъ отвѣты, до послѣдней минуты поражая ихъ глубиною знаній и ясностью своего ума.

И съ послѣднимъ словомъ «чисто» отлетѣла душа его въ вѣчность.

Тогда поднялся р. Іошуа и провозгласилъ:

«— Отлученіе снято! Отлученіе снято!»

На исходѣ субботы, когда погребальное шествіе направлялось изъ Кесарїи* въ Лидду, навстрѣчу вышелъ р. Акиба. Въ непреодолимомъ отчаяніи онъ началъ истязать себя, обливаясь кровью.

И зазвучалъ надгробный плачь его:

— «Отецъ мой! Отецъ мой! Колесница Израїля и всадники его!»** Много у меня монеты мелкой, но не стало того, кто мнѣ вымѣнялъ-бы ее на чистое золото... *Санг., 68; Аб. де-р. Н., 25.*

* Куда р. Эліэзеръ удалился послѣ отлученія.

** II Цар., 2. 13.



«БЛАГО РОДИВШЕЙ ЕГО»

«Благо родившей его!» — говорили про р. Юшуа.

Встрѣтивъ впервые р. Юшуу, старый Ионатанъ бенъ Гирканъ сказалъ про него словами пророка Исаи:

«Кого поучить онъ знанію? Отнятыхъ отъ молока, отлученныхъ отъ груди».

— Я помню, — пояснилъ р. Натанъ, — что мать приносила его въ колыбели въ школу, чтобы дать ушамъ его съ младенчества насытиться словами Торы.

Самъ-же р. Юшуа говаривалъ:

— Если-бы всѣ моря текли чернилами, всѣ тростники были перьями, земля и небо пергаментомъ и люди всѣ писцами, еще недостаточно было-бы, чтобы описать все, чему я учился. И при всемъ томъ зачерпнуть изъ родника знанія я успѣлъ не болѣе, чѣмъ кисточка, обмокнутая въ воды океана. *Иевам., 81; Шга.-Ш., гл. I.*

МУДРОСТЬ И КРАСОТА

— О, прекрасная Мудрость въ некрасивомъ сосудѣ! — воскликнула дочь кесаря при видѣ р. Юшуи, не отличавшагося красотой лица.

— Дочь моя, — сказалъ ей р. Юшуа, — въ какихъ сосудахъ у твоего отца, у кесаря, хранится вино?

— Въ глиняныхъ.

— Какъ, вино кесаря — и въ такихъ-же глиняныхъ кувшинахъ, какъ и у всѣхъ простыхъ людей!

- А въ чемъ-же слѣдовало-бы намъ держать наше вино?
- Вамъ, столь знаменитымъ и славнымъ, приличествуетъ держать ваше вино въ серебряныхъ и золотыхъ вазахъ.
- Вино было перелито въ серебряныя и золотыя вазы — и скисло.
- Спрашиваетъ кесарь:
- Кто посовѣтовалъ тебѣ сдѣлать это?
- Р. Іошуа бенъ Хананія, — отвѣчаетъ царевна.
- Призываетъ кесарь р. Іошую:
- Какъ могъ ты посовѣтовать это моей дочери?
- Разказалъ р. Іошуа, по какому поводу онъ такъ поступилъ:
- Мой совѣтъ былъ только отвѣтомъ на ея вопросъ.
- Встрѣчаются, однако, мудрецы и съ красивой наружностью?
- Некрасивые — они были-бы еще болѣе мудрыми. *Таан., 7.*

ЛЕВЪ И ЖУРАВЛЬ

Во времена р. Іошуи бенъ Хананія императоромъ Адрианомъ разрѣшено было евреямъ вновь построить храмъ въ Іерусалимѣ. Двое гражданъ Папусъ и Луліанусъ открыли по всему пути отъ Аку до Антиохіи кассы для снабженія всѣхъ возвращающихся въ Іерусалимъ евреевъ деньгами и всѣмъ необходимымъ.

Когда объ этомъ узнали хутей*, они оклеветали евреевъ передъ Адрианомъ, донося о будто-бы готовящемся противъ него возстаніи.

— Какъ-же быть? — задумался Адрианъ, — вѣдь разрѣшеніе уже вступило въ силу.

— Прикажи имъ, — посовѣтовали хутей, — возобновить храмъ не на прежнемъ мѣстѣ, или-же вели измѣнить его размѣры, увеличивъ или уменьшивъ ихъ хотя-бы на пять локтей противъ прежняго. Тогда они отъ постройки храма сами откажутся.

Между тѣмъ, весь народъ собрался въ долину Бетъ-Римонъ, и извѣстіе о новомъ указѣ Адриана вызвало общій плачь и отчаяніе. Тутъ и тамъ начали раздаваться голоса противъ подчиненія указу. Необходимо было немедленно успокоить народъ. Кому-же поручить это? Выборъ палъ на р. Іошую бенъ Хананію, какъ на самаго популярнаго изъ ученыхъ.

* Самаритяне, непримиримые враги евреевъ.

Встаетъ р. Іошуа и, обращаясь къ народу, говоритъ:

— Однажды левъ, пожирая свою добычу, подавился костью.

И началъ левъ звать на помощь:

«Кто вытащить у меня кость изъ горла, того я вознагражу по царски!»

Прилетѣлъ журавль, засунулъ свой длинный клювъ въ глотку леву и, вытащивъ кость, сталъ требовать награды.

«Уходи поскорѣе, — отвѣтилъ левъ, — достаточно для тебя награды, что ты можешь похвалиться, говоря: «Я былъ въ пасти у лва — и ушелъ, какъ видите, цѣлъ и невредимъ!»

— Такъ и мы, братья: будемъ довольны тѣмъ, что, подпавъ подъ власть Рима, мы хотя жизнь свою сохранили до сихъ поръ.

Береш.-Р., 64.

СРЕДИ СЕМИДЕСЯТИ ВОЛКОВЪ

Адріанъ говоритъ однажды р. Іошуѣ:

— Какъ сильна должна быть овечка, остающаяся невредимой между семьюдесятью волками!

Отвѣчаетъ р. Іошуа:

— Какъ могущественъ долженъ быть Пастырь, оберегающій ее отъ нихъ!

Ял.-Ш.

ДИТЯ ВЪ ТЕМНИЦѢ

Прибылъ однажды р. Іошуа бенъ Хананія въ одинъ изъ большихъ римскихъ городовъ. Говорятъ ему тамъ, что въ темницѣ содержится еврейскій мальчикъ, чрезвычайно красивый, съ блестящими глазами и курчавыми локонами. Пошелъ р. Іошуа къ темницѣ, сталъ у дверей и громкимъ голосомъ прочиталъ стихъ изъ Исаи:

«Кто предалъ Іакова на разореніе и Израиля грабителямъ?»

Отвѣчаетъ дитя изъ темницы словами того-же пророка:

«Не Господь-ли, противъ Котораго мы грѣшили, не желая ходить по Его путямъ и не слушая Завѣта Его?»

Услыша это, воскликнулъ р. Іошуа:

— О, дорогіе сыны Сіона, чистѣйшему золоту равноцѣнные!*

* Плачь Іер., IV.

И со слезами на глазахъ продолжалъ:

— Я увѣренъ, что изъ этого ребенка выйдетъ великій ученый, и я клянусь, что не уйду изъ этого города прежде чѣмъ не освобожу бѣднаго ребенка, сколько-бы это ни стоило.

И онъ исполнилъ свою клятву, хотя и пришлось внести огромный выкупъ.

Не много прошло времени — и мальчикъ тотъ сталъ извѣстенъ какъ великій ученый.

То былъ Исмаиль бенъ Элиша.

Гит., 58; Эха-Р., 4.

ДѢТИ СМУТИЛИ ЕГО

Р. Иосуа бенъ Хананія рассказывалъ:

— Однажды мнѣ пришлось проходить полемъ. Замѣтивъ тропинку, проложенную черезъ ниву, я направился по ней.

Увидѣла это малютка-дѣвочка и говоритъ:

— Учитель, развѣ для того существуетъ нива, чтобы ходить по ней?

— Но вѣдь тутъ протоптана тропинка?

— Да, тропинка, — отвѣчаетъ малютка, — такіе-же, какъ и ты, разорители протоптали ее.

Другой разъ встрѣчаю одного мальчика на перекресткѣ двухъ дорогъ.

— Дитя мое, — спрашиваю, — не можешь-ли мнѣ указать, которою изъ двухъ этихъ дорогъ направиться мнѣ въ городъ?

Мальчикъ отвѣчаетъ такъ:

— Вотъ эта самая длинная и самая короткая, а та самая близкая и самая далекая.

Пошелъ я по второй дорогѣ. Вскорѣ приближаюсь къ городу, но сады и огороды преграждаютъ мнѣ путь, и я вынужденъ вернуться назадъ къ перекрестку.

— Дитя мое, — говорю я мальчику, — не говорилъ-ли ты мнѣ, что этотъ путь самый близкій?

— А не прибавилъ-ли я: «и самый далекій»?

Въ третій разъ былъ со мною такой случай. Подъѣзжая къ одному селенію, я увидѣлъ дѣвочку-подростка, черпающую воду изъ ручья.

— Дай мнѣ напиться, — попросилъ я.

— Пей и ты, и осель твой, — отвѣтила дѣвочка.

Напившись, я сказалъ:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревекѣ.

— Да, — отвѣтила дѣвочка съ лукавой улыбкой, — я то съ тобой поступила подобно Ревекѣ, а ты, вотъ, не поступилъ со мною подобно Элеазару...*

— Никогда, — говорилъ по этому поводу р. Іошуа, — я не чувствовалъ себя настолько смущеннымъ, какъ передъ этими тремя дѣтьми.

Эр., 53; Эха-Р.

«ГЛЯДИ НА СОЛНЦЕ!»

Однажды императоръ Адріанъ говоритъ р. Іошуѣ:

— Дѣйствительно-ли Богъ царитъ надъ міромъ?

— Безспорно.

— И Имъ-же небо и земля сотворены?

— Конечно.

— Отчего же Богу хотя-бы раза два въ годъ не являться людямъ, чтобы всѣ Его видѣли и проникались страхомъ передъ нимъ?

— Оттого, что глаза человѣческіе не въ силахъ выдержать ослѣпительнаго блеска Его.

— Нѣтъ, не повѣрю, пока ты мнѣ не покажешь Его.

Когда наступилъ полдень, вывелъ р. Іошуа Адріана на солнце и говоритъ:

— Вглянись хорошенько — и увидишь Его.

— Но кто-же можетъ глядѣть прямо на солнце?

— Вники-же въ то, что ты самъ говоришь. Если на солнце, которое является однимъ изъ тьмы темъ служителей Господнихъ, глядѣть невозможно, то мыслимо-ли *видѣть* Самого Господа, осіяющаго свѣтомъ Своимъ всю вселенную? И только въ тѣ моменты, когда людьми низвергается какое нибудь лжебожество, очи ихъ озаряются отблескомъ славы Господней. Хул., 60; Мид. Абх.; Ял.

* См. Бытіе, XXIV, 22.

ПИРЬ ДЛЯ БОГА

Другой разъ говоритъ Адрианъ:

— Хочу устроить пиръ для вашего Бога.

— Не по силамъ тебѣ это будетъ, — отвѣчаетъ р. Іошуа.

— Почему?

— Слишкомъ много войска сопровождаетъ Его.

— А все-таки, — упорствуетъ Адрианъ.

— Хорошо. Выбери на берегу рѣки мѣсто посвободнѣе и приготовь тамъ свой пиръ.

Всю весну и все лѣто провелъ Адрианъ за работами по приготовленію пира. Но подули осенніе вѣтры, разрушили все и снесли въ рѣку. Снова началъ строить Адрианъ, всю зиму проработалъ. Но полили весенніе дожди и смыли все въ рѣку.

— Что-же все это значитъ? — спрашиваетъ Адрианъ.

— А это, видишь ли, Божьи заметальщики и поливальщики, предшествующіе Ему.

— Да, — согласился Адрианъ, — не по силамъ мнѣ затѣя моя.

Хул., 60.

БЕЙ-ИЛАЙСКИЙ ЛЕВЪ

— Вашего Бога, — сказалъ Адрианъ р. Іошуѣ, — пророки ваши сравниваютъ со львомъ. Велико-ли, въ такомъ случаѣ, Его могущество? Вѣдь любой всадникъ можетъ на охотѣ убить льва.

— Въ этомъ уподобленіи подразумѣвается бей-илайскій левъ*.

— Хотѣлось-бы мнѣ взглянуть на этого льва, — заявилъ Адрианъ, — покажи мнѣ его.

— Не по силамъ тебѣ это будетъ.

— Все-таки.

Обратился р. Іошуа къ небесамъ — и вотъ, поднялся тотъ левъ изъ своего логовища. Находясь въ четырехстахъ миляхъ отъ Рима, онъ зарычалъ — и обрушились стѣны адриановой столицы, а всѣ

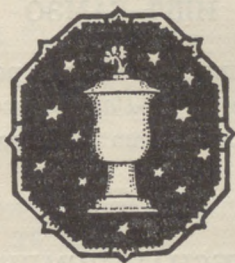
* Легендарный левъ, жившій въ сказочномъ лѣсу Бей-Илаи.

беременные выкинули. Въ трехстахъ миляхъ вторично зарычалъ онъ — у людей выскочили зубы изъ десенъ, а императора сбросило съ трона на землю.

— Будетъ! Довольно! — взмолился Адрианъ, — попроси своего Бога, чтобъ левъ ушелъ обратно.

Обратился р. Юшуа къ небесамъ — и вернулся левъ въ дебри Бей-Илаи.

Хул., 59.





ИШЪ-ГАМЗО

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ танаевъ, родомъ изъ іудейскаго города *Гимзо*. Прозванъ-же «*Ишь-Гамзо*» потому что, что-бы съ нимъ ни случилось, онъ говоритъ: «*Gam so letowa*» — и это къ лучшему. *Санг., 108.*

ЧУДЕСНАЯ ЗЕМЛИЦА

Однажды задумали евреи поднести цѣнный даръ кесарю. Стали думать, кому поручить это дѣло, и выборъ палъ на Нахума, прославившагося своими чудесными приключеніями.

Вручили ему ларецъ, наполненный брилліантами и жемчугомъ. Въ дорогѣ ему пришлось заночевать на постояломъ дворѣ.

Выждавъ, когда онъ заснетъ, хозяева двора похитили драгоцѣнности, а ларецъ наполнили землею.

Проснувшись на завтра и увидя это, Нахумъ сказалъ: «И это къ лучшему». И отправился съ ларцомъ къ кесарю.

Открывъ ларецъ и увидѣвъ содержимое его, кесарь пришелъ въ негодованіе.

— Евреи дерзають издѣваться надо мною! — воскликнулъ онъ, — и тутъ же приказалъ казнить Нахума.

«— И это къ лучшему», — спокойно говоритъ Нахумъ. А въ эту минуту является Илія-пророкъ и, принявъ образъ одного изъ придворныхъ вельможъ, говоритъ:

— Государь, не та-ли самая земля это, которую такъ чудесно пользовался ихъ праотець Авраамъ въ схваткахъ съ непріятелемъ? Бросить, бывало, горсть земли — и земля превращается въ мечи. Бывало также, бросить соломенки — и становятся стрѣлами.

Въ то время какъ разъ вель кесарь войну съ одной страной, и все не удавалось ему покорить ее. Рѣшено было испробовать принесенную Нахумомъ землю. И дѣйствіе ея оказалось такимъ, что непріятель немедленно сдался.

По повелѣнію кесаря, повели Нахума въ царскую сокровищницу и, наполнивъ принесенный имъ ларець брилліантами и жемчугомъ, отпустили съ большими почестями въ обратный путь.

*

Остановился онъ снова на томъ-же постояломъ дворѣ. И стали хозяева спрашивать:

— Что ты принесъ такое кесарю, что такихъ почестей удостоился?

— Что я унесъ отсюда, то и принесъ я туда, — отвѣтилъ имъ Нахумъ.

Услыша это, они раскопали весь дворъ, набрали земли какъ можно больше и понесли къ кесарю.

— Государь! — заявили они, — этой самой земли и взялъ у насъ Нахумъ, чтобы поднести тебѣ.

Испробовавъ принесенную ими землю, въ которой не оказалось, конечно, ничего чудеснаго, ихъ казнили. Санг., 108—109.

САМЪ НА СЕБЯ НАКЛИКАЛЪ

Ослѣпшій на оба глаза, съ параличемъ рукъ и ногъ и весь покрытый вередями, доживалъ Нахумъ ишъ-Гамзо послѣдніе дни въ своей обветшавшей, полусгнившей избушкѣ. Подъ ножки кровати, на которой онъ лежалъ, поставлены были лоханки съ водою, чтобы не давать муравьямъ всползать къ больному.

Ученики его, замѣчая, что избушка грозитъ обрушиться, собирались вынести больного, а затѣмъ и его вещи.

— Нѣтъ, дѣти мои, — сказалъ Нахумъ, — раньше вынесите вещи, а затѣмъ кровать: пока я здѣсь, изба — я надѣюсь — не обрушится.

Они такъ и сдѣлали. И какъ только была вынесена кровать съ больнымъ, избушка обрушилась.

Говорятъ ему ученики:

— Учитель! За что тебѣ, угоднику Божьему, такія ужасныя муки посланы?

— Дѣти мои, — отвѣчаетъ Нахумъ, — я самъ испросилъ себѣ у Бога эти муки. Дѣло было такъ:

Отправился я однажды въ гости къ моему тестю и на трехъ навьюченныхъ ослахъ везъ ему подарки: на одномъ — съѣстные припасы, на другомъ вина и разные напитки, на третьемъ плоды и сласти.

Въ дорогѣ останавливаетъ меня бѣдный, изможденный отъ голода странникъ и просить:

«— Учитель, дай мнѣ поѣсть чегонибудь!»

«— Подожди, — отвѣчаю я, — дай мнѣ развьючить сначала».

И пока я не спѣша началъ развязывать тюки, странникъ свалился съ ногъ и тутъ-же умеръ.

Увидя это, припалъ я къ трупу и воскликнулъ:

«— Глаза мои, которые не сжалились надъ твоими глазами, — пусть они ослѣпнуть!»

«— Руки мои, не пожалѣвшія твоихъ рукъ, пусть отрѣзаны будутъ!»

«— Ноги мои, не пожалѣвшія твоихъ ногъ, пусть отсѣчены будутъ!»

Наконецъ я въ отчаяніи воскликнулъ:

«— И пусть все тѣло мое язвами покроется!»

Говорятъ ученики:

— Горе намъ, что мы въ такомъ положеніи видимъ тебя!

Отвѣчаетъ имъ на это Нахумъ:

— Горе было-бы мнѣ, если-бъ вы меня не видѣли въ этомъ положеніи.

Таан., 21.





ПИРАМИДА ИЗЪ ОРЪХОВЪ

Р. Тарфонъ подобенъ былъ сложеннымъ въ пирамиду орѣхамъ: тронешь одинъ — всѣ покатыя съ шумомъ одинъ за другимъ.

Предложить ему, бывало, ученикъ *одинъ* какой нибудь вопросъ — и р. Тарфонъ засыплетъ его изреченіями изъ Торы, изъ Мишны, Галахи, Агады. И ученикъ выходитъ отъ него съ богатымъ, благодатнымъ запасомъ знанія.

Аб. де-р. Н., гл. 18.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ СУШЕННЫМИ ФИГАМИ

[Р. Тарфонъ владѣлъ многими садами, которые онъ посѣщаль очень рѣдко, такъ что его-же садовники зачастую и въ лицо не знали его].

Однажды былъ съ нимъ такой случай:

Зашелъ онъ въ одинъ изъ своихъ садовъ, чтобы отвѣдать тамъ въ сушильнѣ винныхъ ягодъ. За этимъ дѣломъ засталъ его садовникъ и, не узнавъ въ немъ хозяина, закричалъ:

— А-а! Вотъ онъ, тотъ самый, кто постоянно виноградъ здѣсь воруетъ!

Съ этими словами, избилъ р. Тарфона садовникъ своей дубинкой и, засунувъ его въ мѣшокъ, потащилъ къ рѣкѣ топить.

Видя себя въ такой опасности, началъ р. Тарфонъ кричать изъ мѣшка:

— Заклинаю тебя, добрый человѣкъ, прежде чѣмъ утопить меня, ступай на домъ къ р. Тарфону и скажи, чтобы приготовили для него саванъ.

Услыша это и догадавшись о роковой ошибкѣ, упалъ садовникъ р. Тарфону въ ноги, началъ рвать на себѣ волосы и молить, заливаясь слезами.

— Прости меня, господинъ, прости меня!

— Успокойся, — сказалъ р. Тарфонъ, — накажи меня Богъ, если я не прощаль тебѣ каждый ударъ по мѣрѣ того, какъ ты наносилъ ихъ мнѣ. *Иеруш., Шв., гл. 4; Аб. де-р. Н., гл. 25.*

ПОКУПКА ПОМѢСТЬЯ

Разсказываютъ о р. Тарфонѣ, что, сравнительно со своимъ колоссальнымъ богатствомъ, онъ мало жертвовалъ въ помощь бѣднымъ. Зная это, говоритъ ему однажды р. Акиба:

— Имѣются для продажи одно-два помѣстья. Не пожелаешь-ли, чтобъ я купилъ ихъ для тебя?

— Хорошо, — отвѣчаетъ р. Тарфонъ, — и тутъ-же передаетъ р. Акибѣ четыре тысячи золотыхъ динарiевъ.

Взялъ р. Акиба и раздалъ эти деньги нуждающимся ученымъ.

Черезъ нѣкоторое время встрѣчаетъ его р. Тарфонъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ находится помѣстье, которое ты взялся приобрести для меня?

Беретъ его р. Акиба за-руку и, приведя въ школу, вызываетъ одного изъ учениковъ и велитъ ему читать изъ псалмовъ Давида. И когда ребенокъ дошелъ до стиха: «Широкой рукою раздавалъ онъ нищимъ; правда его пребываетъ во вѣки», — говоритъ р. Акиба:

— Вотъ помѣстье, которое я приобрѣлъ для тебя.

Кинулся къ нему р. Тарфонъ и говоритъ, обнимая и цѣлуя его:

— Учитель мой! Наставникъ мой! Учитель — въ Торѣ, наставникъ въ жизни!

И много сталъ онъ давать р. Акибѣ на щедрую помощь бѣднымъ.

МАТЬ И СЫНЪ

Вышла однажды въ субботу мать р. Тарфона на прогулку по своему двору. Порвался у нея ремешокъ и свалился сандалий съ

ноги. Увидя это, р. Тарфонъ нагнулся, положилъ обѣ руки ей подъ ноги и, давая ей ступать по своимъ ладонямъ, довелъ ее такимъ образомъ до ея ложа въ комнату.

Послѣ этого случая, когда р. Тарфонъ заболѣлъ и ученики пришли его провѣдать, подходятъ его мать и говорить:

— Помолитесь за моего сына. Вы не можете представить себѣ, какой онъ мнѣ почетъ оказываетъ.

— Что-же особеннаго, — спрашиваютъ они, — сдѣлалъ онъ для тебя?

Разсказала она о случаѣ съ сандалиемъ. А они говорятъ:

— Если-бы онъ и въ тысячи разъ большія услуги тебѣ оказывалъ, оно и на половину не составляло-бы того почета, какой Тора повелѣваетъ оказывать родителямъ. *Иеруш., Пеа., 81.*

РАДОСТЬ ВѢНЧАЛЬНАЯ

Былъ такой случай:

Мимо р. Тарфона, сидѣвшаго въ то время въ кругу своихъ учениковъ, проходила бѣдная дѣвушка-невѣста. Увидя ее, р. Тарфонъ велѣлъ пригласить ее въ домъ, а женѣ и матери сказалъ:

— Поведите ее въ купальню, умастите ее благовоніями, одѣньте въ вѣнчальное платье и съ пѣснями и пляской отведите ее въ домъ ея суженаго. *Аб. де-р. Н., гл. 4.*



РАБИ АКИБА

«ВѢНЧИКИ ТОРЫ»

Сказаніе равъ Іуды со словъ Рава:

Когда Моисей взшелъ на небо, ему открылось такое видѣніе: сидитъ на престолѣ Всевышній и украшаетъ буквы Торы вѣнчиками.

— Господи, — вопрошаетъ Моисей, — для чего эти вѣнчики?

Отвѣчаетъ Всевышній:

— Черезъ много поколѣній долженъ родиться человѣкъ по имени Акиба бенъ Іосифъ, и ему суждено изъ каждой черточки этихъ вѣнчиковъ извлекать многое множество законотолкованій.

Проситъ Моисей:

— Господи, дай мнѣ увидѣть этого человѣка.

— Гляди, — говоритъ Господь.

Видитъ Моисей: учитель — и передъ нимъ рядами ученики.

Занявъ Моисей мѣсто въ концѣ восьмого ряда, слушаетъ и недоумѣваетъ, о какомъ это [въ Торѣ *не написанномъ*] законѣ у нихъ рѣчь идетъ?

Но вотъ онъ слышитъ — на вопросъ учениковъ:

«— Раби, на чемъ основываешь ты это толкованіе?» —

Р. Акиба отвѣчаетъ:

«— Оно вытекаетъ изъ *принциповъ*, установленныхъ Моисеемъ на Синаѣ».

*

Съ бодримъ и радостнымъ духомъ снова представъ передъ Всевышнимъ, Моисей говоритъ:

— Господи! Ты показалъ мнѣ все величіе Торы у этого человѣка, покажи мнѣ и награду, назначенную ему.

— Смотри, — отвѣчаетъ Всевышній.

И видитъ Моисей — тѣло Акибы лежитъ растерзаннымъ на куски, какъ мясо на вѣсахъ рѣзничныхъ*.

— Господи! — восклицаетъ въ ужасѣ Моисей, — за такія заслуги — и такая награда?

— Не спрашивай, — слышитъ Моисей отвѣтъ Всевышняго, — такъ предопредѣлено Мною. Санг., 29.

ПАСТУХЪ И ЕГО ЖЕНА

Р. Акиба въ молодости служилъ пастухомъ у знаменитаго богача Калба-Шабуи. Дочь Калба-Шабуи, Рахиль, приглядываясь къ бѣдному пастуху и видя въ немъ честнаго и достойнаго юношу, полюбила его.

— Акиба, — сказала она ему однажды, — если я соглашусь стать твоею женою, поступишь ли ты въ школу, чтобы посвятить себя наукѣ?

— Да, — отвѣтилъ Акиба.

Они тайкомъ и обручились. А когда объ этомъ узналъ Калба-Шабуа, онъ выгналъ дочь изъ дому и объявилъ о лишеніи ея наследства.

Молодые люди повѣнчались. Жили они настолько бѣдно, что на зиму вынуждены были искать пріютъ въ сѣнномъ сараѣ.

Сидитъ однажды Акиба и, выбирая соломинки, приставшія къ волосамъ Рахили, говоритъ:

— Имѣй я деньги, я подарилъ-бы тебѣ золотой «іерусалимъ»**.

Въ это время у дверей сарая появляется Илія-пророкъ въ образѣ нищаго и начинаетъ молить:

«— Пожертвуйте охабку соломы, — жена моя родила и лежитъ на голой землѣ».

— Видишь, — говоритъ женѣ Акиба, — у этого бѣдняка даже соломы нѣтъ. Въ сравненіи съ нимъ мы — богачи.

— Не о богатствѣ мечтаю я — отвѣчаетъ Рахиль, — единственное желаніе мое, это — чтобы ты отправился въ школу учиться.

* Р. Акиба — одинъ изъ принявшихъ мученическую кончину при императорѣ Адрианѣ.

** Діадема съ выгравированнымъ на ней изображеніемъ св. града.

Поступилъ Акиба въ школу р. Эліэзера и р. Іошуи.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Бѣдный пастухъ сталъ ученымъ за-
коновѣдомъ съ аудиторіей изъ двѣнадцати тысячъ учениковъ. И
тогда онъ рѣшилъ, что пора ему возвратиться къ женѣ.

Подойдя къ дверямъ избушки, въ которой жила въ одиночествѣ
Рахиль, онъ слышитъ, какъ одинъ изъ сосѣдей, человѣкъ злой и
безнравственный, говоритъ его женѣ:

— Что ни говори, отецъ твой вполне правъ. Во первыхъ, нищій
пастухъ вообще тебѣ не пара; а затѣмъ, подумай, столько лѣтъ
оставлять тебя въ положеніи вдовы при живомъ мужѣ!

А Рахиль на это отвѣчаетъ:

— Если-бы Акиба послушался меня, онъ остался-бы въ академіи
еще на двѣнадцать лѣтъ.

Получивъ такимъ образомъ согласіе жены, р. Акиба возвратился
въ академію.

Прошло еще двѣнадцать лѣтъ.

Наставникомъ двадцати четырехъ тысячъ учениковъ возвращался
р. Акиба въ родныя мѣста.

Весь городъ вышелъ навстрѣчу знаменитому ученому.

Пошла и Рахиль.

— Ты-бы хотя одолжила у кого нибудь во что одѣться по-при-
личнѣе, — стали говорить ей сосѣдки.

— Не бѣда и такъ, — отвѣчала Рахиль, — праведный знаетъ,
что въ сердцѣ моемъ.

Приблизившись къ Акибѣ, она склонилась до земли и стала
цѣловать ноги его. Видя незнакомую женщину, ученики бросились
отгонять ее.

— Пустите ее ко мнѣ, — остановилъ ихъ р. Акиба, — всѣ мои и
ваши знанія принадлежатъ этой женщинѣ.

Услышавъ о прибытіи какого-то знаменитаго ученаго и старый
Калба-Шабуа и [раскаившись въ жестокомъ отношеніи къ дочери]
подумалъ:

«— Пойду къ нему, не разрѣшитъ-ли онъ меня отъ моего обѣта
въ отношеніи дочери».

[Приходитъ онъ къ р. Акибѣ и рассказываетъ ему свое дѣло].

Спрашиваетъ р. Акиба:

— А если-бы тебѣ было извѣстно, что пастухъ тотъ сдѣлается
знаменитымъ ученымъ, даль-бы ты такой обѣтъ?

— Никоимъ образомъ, — отвѣчаетъ Калба-Шабуа, — даже если-бы онъ одну-единственную галаху взялся выучить.

— Если такъ, — говоритъ р. Акиба, — то знай-же, что мужъ твоей дочери это я.

Поклонился до земли старый Калба-Шабуа и, цѣлуя ноги у р. Акибы, заявилъ, что отдаетъ ему съ дочерью половину своего состоянія. *Кетуб., 62; Нед., 50.*

ВОДА И КАМЕНЬ

По другому преданію, р. Акиба началъ учиться будучи уже сорока лѣтъ отроду. Побудилъ его къ этому такой случай:

Увидалъ онъ однажды у колодца плиту съ правильно выдолбленнымъ желобомъ и спрашиваетъ:

— Кѣмъ это такъ хорошо сдѣлано?

— Не знаешь ты, Акиба, — отвѣчаютъ ему, — сказаннаго: «камни стираетъ вода». Капля за каплей падала она, изо дня въ день долбя этотъ камень.

И подумалъ р. Акиба: «Капли водяныя, жидкія, слабыя — и тѣмъ удалось камень выдолбить, тѣмъ болѣе крѣпкимъ какъ сталь словамъ Торы еще не поздно будетъ огранить живое сердце мое».

И засѣлъ р. Акиба за одинъ букварь рядомъ съ сыномъ своимъ.

*

Изучивъ Пятикнижіе, явился р. Акиба къ р. Эліэзеру и р. Іошуѣ и говоритъ:

— Наставники, помогите мнѣ изучить Мишну.

Объяснили они ему одну галаху изъ Мишны. Уединился р. Акиба и сталъ обдумывать данное ему учителями объясненіе: почему, дескать, такъ, и правильно-ли это? И сталъ онъ потомъ задавать имъ вопросы сложные и трудные.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ проходилъ онъ ученіе у р. Эліэзера, но оставался почти не замѣченнымъ со стороны р. Эліэзера. Послѣ-же одного блестящаго объясненія, даннаго р. Акибою на заданный ему вопросъ, р. Іошуа сказалъ р. Эліэзеру: «Вѣдь это тотъ, которымъ ты пренебрегалъ; выходи-же теперь и сразись съ нимъ!»*

* Судей, IX, 38.

Говоря о р. Акибѣ, р. Симеонъ бенъ Элазаръ приводилъ такую притчу:

Однажды каменотесъ поднялся на гору и принялся отсѣкать топоромъ тонкія слѣйки почвы. Спрашиваютъ его люди:

— Зачѣмъ дѣлаешь ты это?

— Хочу, — отвѣчаетъ каменотесъ, — срубить всю эту гору и низвергнуть ее въ Иорданъ-рѣку.

— Нѣтъ, — говорятъ ему люди, — не срубить тебѣ всей горы этой.

А каменотесъ продолжаетъ свою работу: рубить, да рубить, пока не дошелъ до скалистаго основанія горы. Подрылся подъ него, распаталъ, сдвинулъ и низвергъ въ Иорданъ всю гору: «вотъ такъ, моль — не тамъ, а вотъ гдѣ мѣсто тебѣ!»

Точно такъ поступилъ и р. Акиба по отношенію къ р. Эліэзеру и р. Іошуѣ.

Аб. де-р. Н., гл. 6; Иеруш., Песах.

ТРОЙНАЯ ПОЛЬЗА

Во время пребыванія въ академіи, р. Акиба ежедневно отправлялся въ лѣсъ и приносилъ связку дровъ, половину продавалъ и половину оставлялъ для собственнаго пользованія; между прочимъ, онъ щепалъ лучину для своихъ вечернихъ занятій, и сосѣди роптали, говоря ему:

— Акиба, ты насъ всѣхъ закоптилъ дымомъ. Лучше-бы ты продавалъ намъ свои дрова и покупалъ себѣ масла для лампы.

— Нѣтъ, друзья мои, — отвѣчалъ Акиба, — дрова лучше: въ каждомъ полѣнѣ заключаются цѣлыхъ три возможности: читать при лучинѣ, грѣться у очага, и, наконецъ, полѣно, въ случаѣ чего, можетъ и за подушку послужить.

А впослѣдствіи р. Акиба на серебряной и золотой посудѣ кушалъ, на кровати съ золотыми ступеньками спалъ, а жена его въ драгоцѣннѣйшія запястья и діадемы наряжалась.

— Раби, — замѣтили ему однажды ученики, — это для нашихъ женъ соблазномъ служить.

— А сколько страданій ради св. Торы, — отвѣтилъ р. Акиба, — испытала Рахиль вмѣстѣ со мною въ прежніе годы?...

Тамъ-же.

ЕГО УДОВОЛЬСТВІЕ

Однажды въ субботу ученики застали р. Акибу въ слезахъ.

— Учитель! — удивились они, — не самъ-ли ты поучалъ насъ словами пророка: «И назовешь субботу *удовольствіемъ* своимъ?»

— *Это* и есть мое удовольствіе, — отвѣтилъ р. Акиба.

Шиб. Гал. по Мидр.

«НАГИБАЛЪ ГОЛОВУ»*

— Однажды, — рассказывалъ рабанъ Гамлиель, — съ корабля, на которомъ я находился, замѣчено было, какъ на далекомъ отъ насъ разстояніи разбился челнокъ и сидѣвшій въ немъ человекъ погрузился въ воду. Велико было мое огорченіе, когда мнѣ сказали, что утонувшій былъ р. Акиба. Когда-же я возвратился изъ плаванія, вижу — входитъ р. Акиба и какъ ни въ чемъ не бывало вступаетъ со мною въ ученую бесѣду.

— Сынъ мой, спрашиваю, — какъ удалось тебѣ спастись?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ухватился за доску и при каждой набѣгающей волнѣ *нагибалъ голову*.

Иебам., 121.

РОЗНЬ ВЪ СРЕДѢ УЧЕНЫХЪ

[Дважды двѣнадцать тысячъ учениковъ были у р. Акибы отъ Гибѳона до Антипароса, и всѣ они умерли при жизни р. Акибы въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени, между Пасхой и Шемини-Ацеретъ. Постигло ихъ это за то, что они не оказывали уваженія другъ другу].

Опустѣлъ міръ знанія, пока школы на югѣ не посѣтилъ р. Акиба, учениками котораго тамъ сдѣлались р. Меиръ, р. Иуда, р. Иосе, р. Симеонъ и р. Элазаръ бенъ Шаммуа.

И, напутствуя ихъ, сказалъ р. Акиба:

— Прѣжнихъ моихъ учениковъ постигла ихъ судьба за то, что соперничество привело ихъ къ взаимной розни и враждѣ. Вы, я увѣренъ, не послѣдуете ихъ примѣру.

* О томъ, какъ велики были, при всѣхъ пережитыхъ имъ испытаніяхъ, выносливость и настойчивость р. Акибы въ стремленіи его къ намѣченной цѣли, даетъ представленіе этотъ рассказъ рабанъ Гамлиеля.

И слова его оправдались: отъ этой группы его учениковъ наполнилась знаніемъ земля Израильская. *Иебам., 62; Ког.-Р.*

«ВСЕ КЪ ЛУЧШЕМУ»

Однажды р. Акиба отправился въ дорогу верхомъ на ослѣ, взявъ съ собою пѣтуха [по пѣнію котораго опредѣлялись ночныя смѣны] и лампаду [для чтенія по вечерамъ].

Пришелъ онъ въ одинъ городъ, но остаться на ночлегъ тамъ ему не дали.

«— Что Богъ дѣлаеть, все къ лучшему», — сказалъ р. Акиба.

А на утро оказалось, что тѣмъ полемъ, гдѣ онъ ночевалъ, прошла шайка разбойниковъ, которые ограбили весь городъ, а жителей увели въ плѣнъ.

— Не правъ-ли я былъ? — сказалъ р. Акиба, — что Богъ дѣлаеть, все къ лучшему!*

Берах., 60.

«ДОЛГЪ ПОВЕЛѢВАЕТЪ»

Когда опасно заболѣлъ сынъ его, р. Симеонъ, р. Акиба ни на одинъ день не прерывалъ занятій съ учениками и только посылалъ время отъ времени узнавать о положеніи больного.

Приходитъ посланный: больному плохо.

— Продолжайте, — говоритъ ученикамъ р. Акиба.

Второй посланный: больному хуже.

— Продолжайте, — повторяетъ ученикамъ р. Акиба.

Третій: больной при смерти.

— Продолжайте.

Наконецъ, сообщаютъ: скончался.

Тогда только всталъ р. Акиба, снялъ съ себя тефилинъ** и разорвалъ одежды свои:

— До послѣдней минуты, — пояснилъ онъ ученикамъ, — мы не имѣли права прерывать св. ученіе. Теперь мы должны исполнить свой долгъ передъ умершимъ.

* Во время ночлега въ городѣ онъ подвергся-бы общей участи жителей, но и въ полѣ оселъ и пѣтухъ своимъ крикомъ и лампада своимъ свѣтомъ могли бы выдать разбойникамъ убѣжище р. Акибы.

** Тефилинъ одѣвались законоучителями не только для утренней молитвы, но также на все время занятія ихъ съ учениками.

Несмѣтныя толпы народа собрались на погребеніе, горячо оплакивая смерть покойнаго. Когда народъ послѣ погребенія началъ расходиться, р. Акиба, вставъ на скамью, обратился къ присутствующимъ съ такими словами:

— Братья израильтяне, выслушайте меня. Если-бы сына моего даже женихомъ изъ подъ вѣнчальнаго балдахина похитила смерть, я почелъ-бы себя достаточно утѣшеннымъ за свою потерю тѣмъ почетомъ, какой вы теперь оказали ему. Не ради моей учености вы сдѣлали это, — здѣсь есть лица ученѣе меня; не ради богатства моего, — здѣсь многіе богаче меня. На югѣ Акиба извѣстенъ, а кто въ Галилеѣ знаетъ о немъ? Знакомъ онъ здѣсь мужамъ, но что знаютъ женщины и дѣти о немъ? Людей съ именемъ Акиба на любомъ базарѣ найдется не мало. Но знаю я, что всѣ вы не пожалѣли труда явиться сюда только во имя святого долга передъ умершимъ и изъ благоговѣнія передъ Торою. И вдвойнѣ велики, поэтому, ваши заслуги. Вотъ что служить утѣшеніемъ для меня. Съ миромъ возвратитесь въ дома ваши.

Симх., гл. 8; М.-К., 21.

ВЕЛЬМОЖА ОБИДѢЛСЯ

Однажды начальникъ города Рима Руфусъ говоритъ р. Акибѣ:

— Въ вашемъ Писаніи сказано: «Исава возненавидѣлъ я». За что, скажи, вашъ Богъ такъ не любитъ насъ?

— Завтра я отвѣчу тебѣ на это, — заявляетъ р. Акиба.

На завтра спрашиваетъ Руфусъ:

— Что-же, было тебѣ сонное видѣніе и указано, что отвѣтить мнѣ?

— Именно такъ, — отвѣчаетъ р. Акиба. — Двухъ собакъ я видѣлъ во снѣ; одну зовутъ Руфусъ, другую Руфина*...

— Какъ! — закричалъ возмущенный градоправитель, — ты для своихъ собакъ другихъ кличекъ не нашелъ, какъ имя мое и моей жены?! Смерти заслуживаешь ты за такую дерзость!

— А велика-ли разница, — спокойно отвѣчаетъ р. Акиба, — между тобой и ими? Ты кушаешь и пьешь, и онѣ ѣдятъ и пьютъ; у тебя рождаются дѣти, у нихъ также; ты умираешь, и онѣ умираютъ. А стоило мнѣ назвать одну изъ нихъ твоимъ именемъ, и ты въ

* Имя жены Руфуса.

такое негодованіе пришелъ! А Всевышній? Онъ небеса простеръ, Онъ землю основалъ, а ты берешь чурбанъ какой нибудь и Богомъ его называешь! Какъ-же Господу не возненавидѣть васъ, потомковъ Исава?

Танх.

ЛИСИЦА И РЫБЫ

Вышелъ отъ Рима указъ, запрещающій евреямъ заниматься изученіемъ Торы.

Нѣкій Папусъ бенъ Иуда, видя, какъ р. Акиба продолжаетъ по прежнему устраивать собранія и всенародно преподавать св. ученіе, говоритъ ему:

— Раби! Неужели ты не боишься гнѣва Императора?

— Папусъ, — отвѣтилъ р. Акиба, — люди считаютъ тебя умнымъ человѣкомъ, а рассуждаешь ты не лучше любого глупца. Слушай, скажу тебѣ притчу:

Шла лисица по берегу рѣки и видитъ — рыбки мечутся туда-сюда въ большой тревогѣ. И спрашиваетъ лисица:

«— Отъ кого это вы бѣжите, рыбки?»

«— Спасаемся, — отвѣчаютъ онѣ, — отъ сѣтей, закинутыхъ въ рѣку, чтобъ изловить насъ.»

«— Такъ выходите лучше на берегъ, — совѣтуетъ лисица, — заживемъ мы мирно вмѣстѣ, какъ жили когда-то мои и ваши предки.»

Отвѣчаютъ рыбки:

«— Про тебя, лисица, говорятъ, что ты умнѣйшее изъ животныхъ, а рассуждаешь ты не лучше любого глупца. Ты разсуди: если въ рѣкѣ, гдѣ намъ жить назначено, мы очутились въ такой опасности, то какъ-же мы рѣшимся выйти на сушу, гдѣ вѣрная гибель насъ ждетъ?»

Точно также и я отвѣчу тебѣ, Папусъ: если и теперь, продолжая изучать Тору, въ которой залогъ жизни и долгоденствія нашего, намъ приходится трепетать за свою жизнь, то что-же будетъ съ нами, когда мы сами откажемся отъ св. Торы нашей?

Берах., 61.

КАЗНЬ Р. АКИБЫ

Вскорѣ послѣ этого схватили р. Акибу и посадили въ темницу. На казнь повели его какъ разъ въ тотъ часъ, когда читается мо-

литва «Шема»*. Желѣзными гребнями терзали палачи тѣло р. Акибы, а онъ, углубленный въ чтеніе «Шема», стоялъ, съ покорностью и любовью принимая кару Божью.

— Учитель! Учитель! — восклицали ученики его, — гдѣ-же мѣра терпѣнію твоему?

— Дѣти мои, — отвѣчалъ р. Акиба, — всю жизнь не давало мнѣ покоя заповѣданное намъ: «И люби Господа *всей душою* твоею». Это значить: люби Господа даже въ ту минуту, когда онъ душу отнимаетъ у тебя. «— О, когда-же, наконецъ, придется мнѣ исполнить это?» — думалъ я. И вотъ, сподобилъ меня Господь осуществить мечту мою! Такъ мнѣ-ли теперъ роптать противъ Господа?

И до тѣхъ поръ звучало въ устахъ его слово «Единый»**, пока не отлетѣла душа его.

И прозвучалъ въ ту минуту Голосъ Небесный:

«— Благо, Акиба, душѣ твоей, отлетѣвшей со словомъ «Единый»!

— Господи! — возопили Ангелы-Служенія, — такова-ли Тора, и такова-ли награда ея?

И раздался въ отвѣтъ Голосъ Небесный:

— Благо тебѣ, Акиба! Жизнь грядущая уготована тебѣ.

Тамъ-же.

НОЧЛЕГЪ БЛАЖЕННЫЙ

Тотчасъ послѣ казни р. Акибы къ состоявшему при немъ ученику его, р. Иошуѣ Гарсійскому, явился Илія-пророкъ и, стоя въ дверяхъ, говоритъ:

— Миръ тебѣ, учитель!

— Миръ и тебѣ, учитель и наставникъ мой, — отвѣчаетъ р. Иошуа.

— Не могу-ли я, — продолжаетъ Илія, — чѣмъ нибудь услужить тебѣ?

— Кто ты именно? — спрашиваетъ р. Иошуа.

— Священнослужитель я, и пришелъ сказать тебѣ, что смерть р. Акибы уже наступила.

Отправились оба въ темницу. Двери нашли они отпертыми, а тюремщика и всѣхъ заключенныхъ спящими. Положивъ тѣло на

* «Слушай, Израиль! Господь, Богъ нашъ — Богъ единый!»

** Изъ молитвы «Шема».

носилки, они вышли съ нимъ изъ темницы. Поднялъ Илія тѣло съ носилокъ и положилъ къ себѣ на плечи. Видя это, р. Іошуа говоритъ:

— Раби, вѣдь ты назвался священникомъ. Какъ-же ты оскверняешь себя прикосновеніемъ къ мертвому?

— Не безпокойся, сынъ мой, — отвѣчаетъ Илія, — какъ святъ Господь, говорю тебѣ: ни отъ праведника, ни отъ учениковъ его оскверненія быть не можетъ.

Дошли они такимъ образомъ до Антипароса. Тутъ они поднялись на три уступа въ гору, по тремъ-же уступамъ спустились внизъ— и открылась передъ нимъ пещера, а въ той пещерѣ стоятъ кресло, скамья, столъ и лампада. Опустили они тѣло на ложе и вышли. Тотчасъ-же загорѣлось пламя въ лампадѣ и входъ въ пещеру закрылся. Видя это, Илія воскликнулъ:

— Блаженны вы, праведники! Блаженны вы, подъемлющіе трудъ ученія! Блаженны вы, носители страха Божьяго! Ибо уготовано и сохранено для васъ пристанище райское въ грядущей жизни. И благо тебѣ, Акиба! Прекрасенъ ночлегъ, въ часъ кончины обрѣтенный тобою!

Ял.-Ш.



ДЕСЯТЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОВЪ

«ПЕЧАТЬ КАРЫ ГОСПОДНЕЙ»

Когда отъ беспощадной въ своей жестокости власти римской вышло повелѣніе казнить еврейскихъ законоучителей, пришли къ р. Исмаилу-первосвященнику товарищи его и говорятъ:

— Взойди на небо и узнай, дѣйствительно-ли ниспослана отъ Господа кара эта?

Всталъ р. Исмаиль и, совершивъ очищеніе и возложивъ на себя молитвенное облаченіе, произнесъ «Шемъ-га-Мефорашъ». Въ ту-же минуту вѣтеръ поднялъ его и вознесъ на небо.

Встрѣтилъ его архангелъ Гавріиль и спрашиваетъ:

— Это ты, Исмаиль, которымъ Творецъ твой гордится постоянно, говоря, что есть у Него слуга на землѣ, являющійся вѣрнымъ отраженіемъ божественнаго образа? Ради чего явился ты сюда?

— Чтобы узнать, закрѣплена-ли печатью Господней кара та?

— Исмаиль, сынъ мой! — отвѣчаетъ архангелъ, — клянусь, я самъ изъ за «Завѣсы Престольной» слышалъ объ этомъ: десять законоучителей израильскихъ обречены на казнь властью злодѣйской.

— За что?

— За предательство Іосифа его братьями. День за днемъ Судъ Небесный вопіетъ передъ Престоломъ Всевышняго: «Можетъ-ли быть въ Торѣ хотя единая буква, напрасно написанная? Сказано: «Кто украдетъ челоуѣка и продастъ его, того должны предать смерти». Родоначальники десяти колѣнъ продали Іосифа — и понынѣ Ты не взыскалъ за это ни съ нихъ, ни съ ихъ потомковъ».

— Этимъ, — сказалъ въ заключеніи архангелъ, — и вызвана ниспосланная теперь на васъ кара.

— Отчего-же, — спрашиваетъ р. Исмаиль, — Господь до сихъ поръ никого не покаралъ за Іосифа?

— Клянусь тебѣ, сынъ мой, понынѣ не нашелъ Господь праведниковъ въ народѣ, столь достойныхъ какъ вы, и поэтому возмездіе возложено на васъ.

*

Видя, что близко уже скрѣпленіе приговора печатью Господней, возликовалъ злой духъ Самаиль* и началъ похваляться, говоря:

— Я побѣдилъ Михаила, ангела-хранителя Израиля.

Вознегодовалъ Предвѣчный на Самаила. И призываетъ великаго архангела Метатрона и говоритъ:

— Напиши и печатью Моей скрѣпи: «Сѣра и пламень на Римъ, городъ злодѣйскій! На людей и на животныхъ, на серебро его, на золото его и на все, что находится въ немъ!

Услышалъ это р. Исмаиль — и сошелъ миръ въ сердце его. Сталъ онъ ходить по небу и видитъ подобіе жертвенника подлѣ Престола Всевышняго. И спрашиваетъ онъ Гавріила:

— Что это?

— Алтарь, — отвѣчаетъ архангелъ.

— А какія жертвы приносятся на этомъ алтарѣ?

— Души праведниковъ.

— А кто совершаетъ жертвоприношеніе?

— Великій архангелъ Михаилъ.

*

Возвратился на землю р. Исмаиль и рассказалъ товарищамъ о томъ, что приговоръ давно утвержденъ Господомъ. И стали скорбѣть они и радоваться стали въ то-же время, что поставилъ ихъ Господь на вѣсы противу всѣхъ колѣнъ Израиля.

Р. СИМЕОНЪ И Р. ИСМАИЛЬ

Первыми выведены были на казнь р. Симеонъ бенъ Гамліель и р. Исмаиль-первосвященникъ.

* Духъ зла, покровитель Рима.

Не выдержалъ р. Симеонъ — заплакалъ.

— О, князь мой юный! — воскликнулъ р. Исмаиль, — шагъ-другой — и въ лоно праведныхъ откроется доступъ тебѣ. А ты плачешь!

— Сердце мое слезами исходить, — отвѣтилъ р. Симеонъ, — вѣдь я не знаю даже, за что я муки принимаю.

— А ты постарайся вспомнить, не было-ли, напримѣръ, такого случая: пришелъ къ тебѣ кто нибудь съ тяжбой или съ требой, не терпящей промедленія. А ты не спѣша заставилъ того человѣка ждать, пока ты допьешь свой кубокъ, пока ремень на сандалии завяжешь, въ болѣе нарядную одежду облачишься. По Торѣ-же это значитъ подвергать человѣка мученіямъ, безразлично на долгое-ли, или на короткое время: И не за это-ли смертныя муки преждевременно ниспосланы тебѣ?

— Учитель, ты утѣшилъ меня*, — сказалъ р. Симеонъ.

И оба начинаютъ просить палача. Одинъ говорить:

— Я первосвященникъ, сынъ первосвященника, потомокъ Аарона, священнослужителя передъ Господомъ. Казни меня первымъ, чтобъ не видѣть мнѣ мукъ моего товарища.

И другой просить:

— Я князь, потомокъ князей, отпрыскъ Давидова дома. Казни меня раньше, чтобъ не видѣть мнѣ мукъ товарища моего.

— Киньте между собою жребій, — предлагаетъ палачъ.

Жребій палъ на р. Симеона.

Взмахнулъ палачъ мечемъ и обезглавилъ его. Поднялъ р. Исмаиль отсѣченную голову и, прижимая ее къ груди, воскликнулъ, заливаясь слезами:

— О, священные уста, уста праведныя, уста изъ которыхъ яхонты, алмазы и перлы сыпались! Кѣмъ вы теперь въ прахъ повержены, кѣмъ пескомъ и пепломъ наполнены! О, горе, горе! Такова-ли Тора и такова-ли награда ея?

Пока р. Исмаиль горевалъ такъ, выглянула въ окно дочь кесаря и остановилась очарованная красотой его, ибо р. Исмаиль былъ однимъ изъ семи красивѣйшихъ мужей на свѣтѣ, и сіяло лицо его подобно лику ангельскому. Преисполнилось сердце царевны жалостью къ нему, и посылаетъ она просить кесаря:

* Потому что болѣе тяжелаго грѣха я за собой не знаю.

— Отецъ, обѣщай исполнить одну мою просьбу.

Отвѣчаетъ кесарь:

— Исполню всякую просьбу твою, дочь моя; не проси только за р. Исмаила и его товарищей.

Посылаетъ снова она просить отца:

— Молю тебя, подари ему жизнь!

— Это невозможно, — отвѣчаетъ кесарь, — я поклялся казнить его.

Началь палачъ сдирать кожу на головѣ у р. Исмаила. И когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ возлагается тефилинъ — земля и небо, содрогнулись; повторился стонъ — Престолъ Небесный пошатнулся.

— Господи! — возгласили, не выдержавъ болѣе, Ангелы-Служенія, — праведникъ, передъ которымъ Ты открылъ всѣ сокровищницы высшихъ міровъ и всѣ тайны низшихъ — ему-ли умирать такой ужасной смертью? Такова-ли Тора и такова-ли награда ея?

Отвѣчаетъ Всевышній:

— Какъ помочь мнѣ дѣтямъ моимъ? Это — гезера* и некому изъ смертныхъ устранить ее.

Раздался Голосъ:

«— Еще одинъ вопль р. Исмаила — и я всю вселенную въ пустыню превращу!»

Услыша послѣднія слова, р. Исмаиль умолкъ.

Говорить ему кесарь:

— Что-же, все еще уповаешь ты на своего Бога?

— Да, — отвѣчаетъ р. Исмаиль, — словами Іова: «Если Онъ и убьетъ меня, я на Него уповать буду».

И съ этими словами отлетѣла душа его.

Когда вѣсть о казни р. Симеона и р. Исмаила дошла до р. Акибы, онъ разорвалъ на себѣ одежды, облекся во вретище и сказалъ ученикамъ:

— Готовьтесь къ великимъ испытаніямъ. Ибо, если-бы милость Божія была суждена намъ, она пришла-бы не иначе какъ черезъ Симеона и Исмаила. Но вѣдомо Тому, Кѣмъ сотворена вселенная, что великая кара грядетъ на землю — и вотъ, взяты отъ насъ праведники эти.

* Роковое предопредѣленіе.

Р. АКИБА БЕНЪ ІОСИФЪ

Повели на казнь р. Акибу — того, кто въ св. письменахъ каждую черточку изъяснялъ, почерпая въ ней истинный *смысль* синайскихъ завѣтовъ.

Но въ этотъ моментъ пришла вѣсть о нашествіи изъ Аравіи на римскія владѣнія, и кесарь, спѣша въ походъ, приказалъ отложить казнь и до его возвращенія съ войны держать р. Акибу въ заключеніи.

Возвратясь изъ похода, онъ не замедлилъ возобновить приказъ о казни.

Начали палачи рвать желѣзными гребнями тѣло р. Акибы. Съ любовью принималъ онъ муки и каждый разъ, когда острые зубья впивались въ него, онъ восклицалъ словами предсмертной пѣсни Моисея:

«Твердыня наша! — Совершенны
Дѣла Его, законны всѣ пути.
Богъ — Истина; нѣтъ кривосудья въ Немъ,
И справедливъ Онъ, и правдивъ!»

Раздался Бать-Коль:

«— Благо тебѣ, Акиба! Праведенъ ты былъ и правдивъ — и со словомъ «Правдивъ» отлетѣла душа твоя».

Р. ХАНИНА БЕНЪ ТЕРАДІОНЪ

Настала очередь р. Ханины бенъ Терадіона.

Про р. Ханину бенъ Терадіона рассказывали, что это былъ человѣкъ пріятный и Богу, и людямъ. Никто не слышалъ отъ него дурного слова.

Когда вышло запрещеніе заниматься изученіемъ Торы, онъ не переставалъ собирать вокругъ себя народъ и преподавать свои поученія.

Больной р. Іосе бенъ Кисма, котораго онъ зашелъ провѣдать, сталъ увѣщевать его, говоря:

— Ханина, братъ мой! Не видишь-ли самъ, что этому племени* Самымъ Богомъ дана власть надъ нами? Оно опустошило домъ Его,

* Римлянамъ.

сожгло Его святыню, умервило праведнѣйшихъ Его, погубило избранныхъ Его — и понинѣ племя это остается невредимымъ. А мнѣ сказали про тебя, что продолжаешь изучать самъ и другимъ преподавать Тору, устраивая собранія и публично держа свитки Заветъ раскрытыми передъ собою.

— Господь милостивъ, — отвѣчаетъ р. Ханина.

— Это не отвѣтъ, Ханина! Я дѣло говорю, а ты отвѣчаешь: «Богъ милостивъ». Чудомъ будетъ, если не сожгутъ тебя вмѣстѣ со свитками на кострѣ.

— Раби, — говоритъ Ханина, — удостоюсь-ли я блаженства?

— Развѣ ты знаешь какойнибудь тяжкій грѣхъ за собою?

— Завѣдуя благотворительными сборами, я однажды деньги, назначенныя на трапезу для неимущихъ въ Пуримъ, роздалъ по ошибкѣ, какъ обычную милостыню бѣднымъ.

— Только то? Я ничего лучшаго не желалъ-бы себѣ, какъ быть на твоёмъ мѣстѣ.

*

Вскорѣ р. Иосе умеръ. На погребеніе его пришли знатнѣйшіе граждане Рима и на обратномъ пути застали р. Ханину читающимъ поученіе съ раскрытымъ свиткомъ Заветъ передъ многочисленнымъ собраніемъ. Привели его на судъ и спрашиваютъ:

— Какъ дерзнулъ ты нарушить приказъ кесаря?

— Я поступилъ такъ, какъ повелѣлъ мнѣ Господь.

Судъ постановляетъ: р. Ханину сжечь на кострѣ, женѣ его отрубить голову, а дочь отдать на публичное позорище.

*

Вывели р. Ханину на площадь, обернули въ свитокъ Торы и въ такомъ видѣ возвели на костеръ. Затрещалъ охваченный пламенемъ хворостъ. А палачи начали класть на грудь р. Ханинѣ волокна шерсти, налитыя водою, дабы подольше поддержать въ немъ дыханіе и этимъ продлить мученія.

— Отецъ! — кричитъ въ ужасѣ дочь его, — я не въ силахъ муки твои видѣть!

— Дочь моя! — отвѣчаетъ р. Ханина, — если бы меня одного жгли на кострѣ, я возропталъ-бы, но вмѣстѣ со мною горитъ и св. Тора наша. И Тотъ, Кто явится мстителемъ за нее, отомститъ и за меня.

Спрашиваютъ ученики:

— Раби, что видишь ты въ эти минуты?

— Вижу, — отвѣчаетъ р. Ханина: пергаментъ сгораетъ, а буквы возносятся въ вышину.

— Раби! — совѣтуютъ они, — вдохни въ себя пламя — и скорѣе наступитъ конецъ твоимъ мукамъ.

— Пусть Тотъ, Кто далъ мнѣ душу, приметъ ее у меня, — отвѣчаетъ р. Ханина, а самъ я ускорять свою смерть не стану.

Тутъ уже и самъ палачъ не могъ дольше видѣть его муки и спрашиваетъ онъ р. Ханину:

— Раби, если я сниму мокрую шерсть и усилю пламя, введешь ли ты меня въ жизнь вѣчную?

— Да, — отвѣчаетъ р. Ханина.

— Поклянись мнѣ въ этомъ.

— Клянусь.

Сдѣлавъ такъ палачъ. И отлетѣла въ вѣчность душа мученика. Въ ту-же минуту и палачъ бросился на костеръ и исчезъ въ пламени. И зазвучалъ Бать-Коль:

«— Раби Ханина и палачъ его съ нимъ грядутъ въ жизнь вѣчную!»

*

По поводу этого Рабби* говорилъ со слезами на глазахъ:

— Кому удается одной минутой обрѣсти вѣчную жизнь, а кому долгими годами приходится выносить самыя мучительныя испытанія.

Р. ІУДА БЕНЪ БАБА

Про р. Іуду бенъ Баба рассказываютъ, что съ восемнадцати до восьмидесяти лѣтъ своей жизни онъ не знавалъ сна, довольствуясь, какъ это наблюдается у лошади, легкой и кратковременной дремотой. День и ночь онъ отдавалъ ученю.

Однажды вышелъ указъ, запрещающій выдавать семиху**, подъ страхомъ смерти какъ выдающаго, такъ и получающаго ее. Кромѣ того, указомъ налагалась строгая отвѣтственность на весь городъ

* Такъ именовали въ сокращеніи р. Іуду Га-Насси

** Аттестатъ на званіе раввина.

и на окрестныя мѣстности, въ предѣлахъ которыхъ нарушено будетъ это запрещеніе.

Поразмысливъ надъ этимъ, р. Іуда прибѣгнулъ къ такому исходу: приглядѣлъ онъ мѣсто въ горахъ, лежащее между двумя городами съ ихъ округами и на полъ пути между Ушой и Сефареамъ. Тамъ пріютился онъ съ пятью учениками: р. Меиромъ, р. Іудю, р. Симеономъ, р. Іосе и р. Эліэзеромъ бенъ Шаммуа, чтобы приготовить ихъ къ семихѣ.

Когда убѣжище ихъ было открыто, говоритъ имъ р. Іуда:

— Дѣти мои, скорѣй бѣгите отсюда.

— Учитель, что-же съ тобой будетъ? — возражаютъ ученики.

— Обо мнѣ не тревожьтесь: я останусь здѣсь подобно скалѣ, которой не сдвинуть съ мѣста.

Преданіе гласитъ, что когда явились римляне р. Іуда оставался на своемъ мѣстѣ, и триста дротиковъ, пущенныхъ въ него римлянами, изрѣшетали все тѣло его.

Р. ІУДА БЕНЪ ДАММА

Повели казнить р. Іуду бенъ Дамма. Тотъ день былъ канунъ пятидесятницы*.

Проситъ р. Іуда у кесаря:

— Отпусти меня на короткое время — дай встрѣтить святой праздникъ и поблагодарить Господа за дарованіе намъ Торы.

— Какъ, ты до сихъ поръ еще вѣришь, — восклицаетъ кесарь, — въ Тору и въ Бога, который далъ вамъ ее?!

— Вѣрую! — отвѣчаетъ р. Іуда.

— На какую-же еще награду за свою Тору можешь ты рассчитывать?

— На это уже давно данъ отвѣтъ Давидомъ, — миръ душѣ его: «Какъ велико благо Твое, которое Ты хранишь для боящихся Тебя!»

— Подобныхъ вамъ безумцевъ и на свѣтѣ не было. Неужели вы дѣйствительно вѣрите въ загробную жизнь?

Отвѣчаетъ р. Іуда:

— Безумцевъ, подобныхъ вамъ, дѣйствительно нѣтъ и не было на свѣтѣ. Возможно ли отрицать существованіе Бога Живого? И

* Шевуотъ — день полученія Моисеемъ Завета на Синаѣ.

горе-же тебѣ будетъ, когда увидишь насъ въ сіяніи вѣчной жизни, а самъ, въ стыдѣ и позорѣ, поверженъ будешь въ преисподнюю!

Воспылалъ гнѣвомъ кесарь — и велитъ онъ привязать р. Іуду за волосы къ хвосту дикой лошади и влачить по улицамъ Рима, а затѣмъ изрубить тѣло его въ куски.

Когда казнь была совершена, явился блаженной памяти Илія-пророкъ и, подобравъ куски, предалъ ихъ погребенію въ пещерѣ у рѣки, протекающей вблизи Рима. И впродолженіи тридцати дней послѣ этого слышали римляне рыданія и стоны, доносившіеся изъ той пещеры.

Доложили объ этомъ кесарю. А онъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Если-бы и всему міру грозило разрушеніе, я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не выполню волю свою надъ старѣйшинами еврейскими.

РАБИ ХУЦПИТЬ ТУРГЕМАНЪ

По преданію, р. Хуцпиту въ то время было сто тридцать лѣтъ, а онъ и тогда еще былъ красивъ лицомъ, какъ ангелъ Божій.

Доложили кесарю о красотѣ и глубокой старости осужденнаго и стали просить:

— Жизнью твоей заклинаемъ тебя, государь, смилуйся надъ этимъ старцемъ!

Спрашиваетъ кесарь р. Хуцпита:

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Сто тридцать лѣтъ безъ одного дня, — отвѣчаетъ старецъ. — И я прошу тебя: отложи мою казнь до завтра и дай исполниться числу лѣтъ моихъ.

— Но развѣ тебѣ умирать не все равно, — удивляется кесарь, — что днемъ раньше, что днемъ позже?

Отвѣчаетъ р. Хуцпигъ.

— Я хотѣлъ-бы еще два повелѣнія Божьи исполнить?

— Какія-же это повелѣнія?

— Еще дважды прочитатъ «Шема», утромъ и вечеромъ, дважды еще признатъ надъ собою власть Единаго Бога, Великаго и Страшнаго.

— О, дерзкіе! О, неукротимые! — раздражается крикомъ кесарь, — доколѣ вы еще будете уповать на вашего Бога. Вѣдь этотъ Богъ вашъ уже состарился и не въ силахъ больше защититъ васъ

отъ меня. Кабы не безсиліе Его, развѣ Онъ давно уже не разсчитался-бы со мною за Себя, за Свой народъ, за Свой храмъ, какъ Онъ сдѣлалъ это съ фараономъ, съ Сисарой и со всѣми царями ханаанскими?

Слыша такое богохульство, горько зарыдалъ р. Хуцпитъ и, разорвавъ на себѣ одежды, воскликнулъ:

— Горе, горе тебѣ, кесарь! Что станешь ты дѣлать въ тотъ день, когда придетъ Господь, чтобы воздать по заслугамъ Риму и богамъ его?

— Довольно препираться со мною этому старику! — крикнулъ кесарь. — Казнить его!

Р. Хуцпита сперва закидали камнями, а затѣмъ распяли!

Р. ХАНИНА БЕНЪ ХАХИНАЙ

Вывели на мѣсто казни р. Ханину бенъ Хахиная.

Преданіе гласитъ, что всю жизнь свою, съ двѣнадцати и до девяностопятилѣтняго возраста, онъ провелъ въ постѣ.

День, когда его повели на казнь, былъ канунъ субботы.

Стоя передъ палачами, онъ приступилъ къ чину «Встрѣчи Субботы».

«И совершены были небо и земля,

И всѣ сонмы ихъ. — — —

И Богъ благословилъ день седьмой

И освятилъ его».

И едва онъ произнесъ слово «освятилъ», напали на него палачи и умертвили его.

И Бать-Колъ возгласилъ:

«— Благо тебѣ, Ханина бенъ Хахинай! Ты святъ — и со словомъ «Святъ» отлетѣла душа твоя!»

Р. ІЕШЕВАВЪ ГА-СОФЕРЪ

Когда повели казнить р. Іешевава Га-Софера, ученики стали говорить ему:

— Учитель, что съ Торою станется?

— Дѣти мои, — отвѣчаетъ онъ имъ, — наступаетъ время, когда Тора забыта будетъ въ народѣ. Недаромъ злодѣйское племя это принялось съ такой наглостью уничтожать лучшую красу нашу, достойнѣйшихъ и славнѣйшихъ среди насъ. О, если-бы моя смерть послужила уже послѣднимъ искупленіемъ для всего поколѣнія нашего! Но, увы, я предвижу, что не останется ни одной улицы въ Римѣ, гдѣ не валялись-бы кости еврейскія. О, много, много крови еврейской будетъ еще пролито этими злодѣями.

— Что-же слѣдуетъ намъ дѣлать, учитель?

— Стойте крѣпко одинъ за другого, живите между собою мирной и праведной жизнью. Можетъ быть не всѣ еще надежды потеряны.

Спрашиваетъ кесарь:

— Сколько лѣтъ тебѣ, старикъ?

— Сегодня, — отвѣчаетъ р. Іешевавъ, — мнѣ девяносто исполнилось. Но еще въ чревѣ матери надо мною произнесенъ былъ приговоръ — и мнѣ, и товарищамъ пасть отъ руки твоей. Но знай, кесарь, Господь възыщетъ съ тебя за кровь нашу.

— Сейчас-же казните и этого! — крикнулъ кесарь, — и посмотримъ, каковы власть и сила его Бога.

Р. Іешевава сожгли живымъ на кострѣ.

Р. ЭЛІЭЗЕРЪ БЕНЪ ШАММУА

Повели казнить р. Эліэзера бенъ Шаммуа.

По преданію, ему тогда было сто пять лѣтъ. Съ дѣтства и до послѣднихъ дней его никто не слыхалъ отъ него легкомысленнаго или дурного слова; ни съ кѣмъ ни разу не выходило у него ссоры. Это былъ человѣкъ величайшей скромности и миролюбія. Восемьдесятъ лѣтъ онъ провелъ въ постоянныхъ постахъ.

День, когда его повели на казнь, былъ Іомъ-Кипурѣ.

Спрашиваютъ ученики:

— Учитель, скажи, что въ эту минуту открыто очамъ твоимъ?

— Воды потока Шилоахъ вижу я, и душа каждаго праведника погружается въ нихъ, чтобы чистою войти въ Іешива-шелъ-Маала*

* Небесная школа, гдѣ души праведниковъ продолжаютъ заниматься изученіемъ Торы.

и слушать тамъ сегодняшнее поученіе р. Акибы. И вижу я: для
каждаго праведника особымъ ангеломъ ставится золотой тронъ,
чтобы возсѣдать на немъ въ чистотѣ небесной.

Велитъ кесарь казнить его.

И въ эту минуту звучитъ Батъ-Коль:

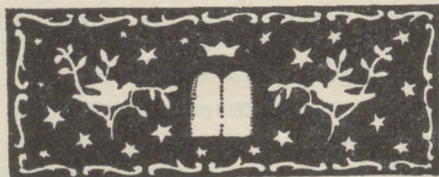
«— Благо тебѣ, Эліэзеръ бенъ Шаммуа! Чиста была твоя душа—
и со словомъ «чистота» отлетѣла она въ вѣчность».

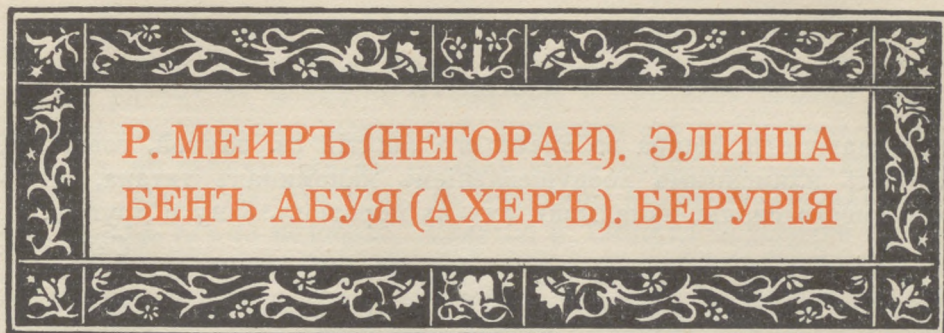
*

Р. Иохананъ говорить:

«— Горе имъ, горе народамъ языческимъ, ибо нѣтъ достаточно
грознаго искупленія для нихъ. Пророкъ говоритъ: «Отнятую мѣдь
я восполню золотомъ, желѣзо — серебромъ, серебро — мѣдью, ка-
мни — желѣзомъ». Чѣмъ-же могутъ враги за р. Акибу и его това-
рищей отвѣтить? Про нихъ и сказано: «И мою кровь ихъ, которая
еще не смыта Мною».

*Мид. Эл.-Эз.; Р. га-Ш., 23; Санг., 14; Аб.-з., 17; Аб. де-р. Н., гл. 38;
Симх., гл. 7.*





РЕМЕСЛО Р. МЕИРА

Р. Меиръ былъ переписчикомъ св. книгъ, и чрезвычайно искуснымъ. Зарабатывая три шекеля въ день, онъ тратилъ шекель на пропитаніе, шекель на одежду, а третій шекель отдавалъ въ помощь неимущимъ ученымъ.

Ученики однажды спросили его:

— Учитель, кто-же о твоихъ дѣтяхъ позаботится?

— Псалмопѣвецъ говоритъ, — отвѣтилъ р. Меиръ —: «Я былъ молодъ и состарѣлся, но не видалъ праведника оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба». — Будутъ дѣти мои вести праведную жизнь — Господь ихъ не оставитъ, а если нѣтъ, то зачѣмъ стану я заботиться* о врагахъ Божьихъ?

Эх.-Р.

СВЯЩЕННАЯ РАБОТА

Р. Меиръ рассказывалъ:

— Когда я поступилъ въ число учениковъ къ р. Исмаилу, онъ спросилъ меня:

— Чѣмъ ты, сынъ мой, занимаешься?

— Перепискою св. книгъ, — отвѣтилъ я.

— Сынъ мой, — сказалъ учитель — будь чрезвычайно внимателенъ къ своей работѣ: пропустишь одну букву или прибавишь букву — и можетъ произойти переворотъ въ умахъ во всемъ мірѣ.

Эрув., 13.

* Т. е. копить для нихъ.

ТИТАНЪ

Видавшіе р. Меира во время его занятій св. наукой, говорили, что онъ пламеннымъ воодушевленіемъ напоминалъ титана, выламывающаго скалы, измалывая ихъ въ порошокъ одну о другую.

Санг., 24.

ИЗЪ ЗА ЧИНОПОЧИТАНІЯ

Р. Симеонъ бенъ Гамліель носилъ титулъ «Насси», р. Меиръ — «Хахамъ», р. Натанъ — «Абъ-бетъ-динъ». Въ обычаѣ было, что при входѣ каждаго изъ нихъ всѣ присутствующіе въ академіи вставали съ своихъ мѣстъ.

Не понравился обычай этотъ р. Симеону:

«— Недопустимо, — рѣшилъ онъ, чтобы между мною, патриархомъ, и ими не было никакой разницы чинопочитанія».

И ввелъ онъ новое правило:

При появленіи патриарха встаютъ всѣ и остаются на ногахъ, пока онъ не скажетъ: садитесь. При входѣ абъ-бетъ-дина ближайшіе къ проходу становятся двумя шеренгами и стоятъ, пока онъ не сядетъ на свое мѣсто. При входѣ-же хахама и слѣдованіи его къ своему мѣсту поднимаются поочередно — передніе встаютъ, а тѣ, которые позади, садятся.

Въ тотъ день, когда новое правило было введено, р. Меира и р. Натана какъ разъ не было въ академіи. На завтра-же, придя въ академію, видятъ они — не всѣ встали передъ ними, какъ бывало прежде, и спрашиваютъ:

— Что значитъ это?

— Такъ установилъ, — отвѣчаютъ имъ, — р. Симеонъ бенъ Гамліель.

И говоритъ р. Меиръ р. Натану:

— Я хахамъ, ты абъ-бетъ-динъ. Придумаемъ что нибудь противъ него. И вотъ что пришло мнѣ на мысль: потребуемъ, чтобы онъ публично прочелъ лекцію по трактату «Окцинъ» — предмету ему мало знакомому. Онъ неизбежно растеряется. Этимъ мы воспользуемся, чтобы низвергнуть его съ патриаршества. И станешь ты патриархомъ, а я абъ-детъ-диномъ.

О заговорѣ этомъ провѣдалъ р. Иаковъ бенъ Карши и рѣшилъ предупредить недостойное столкновение. Съ этой цѣлью онъ помѣстился рядомъ съ комнатой р. Симеона и принялся громко читать и повторять трактатъ «Окцинъ»? Слышитъ это р. Симеонъ и удивляется, по какому случаю ученикъ этотъ взялся за трактатъ «Окцинъ»? Не иначе, что тамъ, въ академіи, задумано противъ него, р. Симеона, что-то недоброе. Садится р. Симеонъ и усердно принимается за трактатъ «Окцинъ».

На завтра, когда онъ появился въ академіи, раздались голоса: — Просимъ раби читать о трактатѣ «Окцинъ».

Прочиталъ р. Симеонъ свою лекцію, а затѣмъ обратился къ р. Меиру и р. Натану:

— И такъ, не изучи я предварительно этотъ трактатъ, вы опозорили-бы меня передъ всей академіей?

И приказываетъ удалить ихъ изъ академіи.

Стали послѣ этого р. Меиръ и р. Натанъ поступать такъ: напишутъ разные головоломные вопросы и черезъ окна бросаютъ записочки р. Симеону въ залъ академіи. На одни вопросы р. Симеонъ давалъ отвѣты, а на которые онъ отвѣчать не умѣлъ, р. Меиръ съ р. Натаномъ сами писали отвѣты и записки свои снова бросали черезъ окно въ залъ академіи.

Видя это, р. Иосе заявилъ громогласно:

— Что-же это, однако? — Тора — тамъ, на дворѣ, а мы здѣсь!

Поневолѣ пришлось патриарху вновь разрѣшить имъ свободный входъ въ академію. Но при этомъ онъ поставилъ условіемъ, въ видѣ наказанія для нихъ, имена ихъ ни съ какой галахой въ связи не упоминались. Съ тѣхъ поръ, вмѣсто «р. Натанъ говоритъ», произносили: «одни говорятъ», а вмѣсто «р. Меиръ говоритъ» — «*другіе* говорятъ».

Былъ обоимъ имъ сонъ: «Повелѣвается вамъ извиниться передъ р. Симеономъ!»

Р. Натанъ послушался, а р. Меиръ нѣтъ:

«— Сновидѣніямъ, — сказалъ онъ, — я значенія не придаю».

Сурово встрѣтилъ патриархъ явившагося съ повинной р. Натана:

— Стать абъ-бетъ-диномъ, — сказалъ онъ, — помоги тебѣ золотой поясъ твоего отца*; но чтобы сдѣлаться патриархомъ — ты на что разсчитывать можешь?...

Гор., 13.

* Отецъ р. Натана былъ экселархомъ въ Вавилонѣ.

АХЕРЪ*

Въ одну изъ субботъ р. Меиръ проповѣдывалъ въ школѣ въ Ти-веріадѣ, а бывшій учитель его Элиша катался въ это время верхомъ на лошади по базару. Сказали объ этомъ р. Меиру. Пошелъ онъ къ Элишѣ.

Спрашиваетъ Элиша р. Меира:

— Какой текстъ взялъ ты для сегодняшней проповѣди?

— Я началъ, — отвѣчаетъ р. Меиръ, — стихомъ изъ книги Іова: «И Господь благословилъ конецъ жизни Іова болѣе, чѣмъ начало ея» — т. е. удвоилъ богатство Іова.

— Учитель твой Акиба, — замѣчаетъ на это Элиша, — иначе толковалъ этотъ стихъ: «Господь благословилъ конецъ жизни Іова въ награду за начало ея, т. е. за прежнее благочестіе и добродѣтели Іова. — А дальше о чемъ говорилъ ты?

— Я говорилъ на стихъ изъ Еклезіаста: «Конецъ дѣла лучше начала».

— А что сказалъ ты по поводу этого изреченія?

— Бываетъ, — сказалъ я, — что человѣкъ въ молодые годы купить товару и потерпитъ убытокъ, а на старости лѣтъ прибыль получить. Тоже бываетъ съ человѣкомъ, который въ молодости грѣшенъ, а на старости становится добродѣтельнымъ и благочестивымъ.

— Учитель твой Акиба, — говоритъ опять Элиша, — иначе объяснялъ это изреченіе «конецъ дѣла лучше начала»: «Конецъ дѣла говорилъ онъ, лучше, *если начало его доброе*». Возьми, для примѣра, меня. Отецъ мой Абуя былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей своего времени. Празднуя мое рожденіе, онъ разослалъ приглашенія знатнѣйшимъ людямъ Іерусалима. Между прочимъ приглашены были р. Эліэзеръ и р. Іошуа. Послѣ трапезы развеселившіеся гости принялись пѣть: евреи — каноны, эллины — забавные акро-стихи.

Говоритъ р. Эліэзеръ р. Іошуѣ:

— Эти добрые люди занялись пѣніемъ. Не займемся-ли и мы, чѣмъ намъ подобаетъ?

* Ахеръ — иной. — Такъ прозванъ былъ Элиша послѣ отпаденія его отъ религіи іудаизма. Былъ, какъ и р. Акиба, учителемъ р. Меира.

Завязалась у нихъ правоучительная бесѣда; отъ Торы перешли къ пророкамъ, отъ пророковъ къ гаіографамъ. Свѣжими, новыми звучали слова Писанія, словно сейчасъ на Синаѣ провозглашенныя и божественнымъ огнемъ осіяанныя. Видя это, отецъ мой сказалъ:

— Убѣждаюсь, насколько могущественна власть Торы, обещаю: новорожденнаго сына моего, если онъ живъ будетъ, посвятить всецѣло священной наукѣ.

Небезкорыстно, какъ видишь, было это обѣщаніе. И поэтому-то я и не устоялъ передъ соблазнами жизни. — Расскажи, однако, о чемъ еще говорилъ ты въ своей проповѣди?

— Я говорилъ на стихъ: «То и другое создалъ Богъ».

— Какъ объяснялъ ты этотъ стихъ?

— Планомѣрно все въ природѣ: горы — и равнины; моря — и рѣки.

— Нѣтъ, учитель твой Акиба иначе объяснялъ этотъ стихъ. «Господь, — говорилъ онъ, — создалъ праведниковъ и создалъ грѣшниковъ, создалъ рай и создалъ адъ. Каждому человѣку уготованы двѣ доли, одна въ раю, другая въ аду. Праведникъ получаетъ обѣ, за себя и за грѣшника, доли райскаго блаженства, грѣшнику же достается возмездіе и за себя, и за праведника въ безднахъ преисподней. — И еще о чемъ говорилъ ты?

— О стихѣ: «Не равняется съ нею (Торою) золото и стекло, и не вымѣняешь ее на сосуды изъ золота чистѣйшаго».

— Какъ объяснялъ ты этотъ стихъ?

— Тора, — сказала я, — подобна и золоту, и стеклу: пріобрѣсти ее трудно, какъ издѣлія изъ чистѣйшаго золота, а лишиться ее легко, какъ сосудовъ стекляныхъ.

— Клянусь Богомъ, даже какъ сосудовъ глиняныхъ. Ничего не можетъ быть легче. Однако, учитель твой Акиба давалъ этому изреченію другое объясненіе.

«— Золотые и стеклянные сосуды, — говорилъ онъ, — если и разобьются, ихъ можно починить. Также и ученый: если онъ и согрѣшитъ, для него возможно раскаяніе».

— Если такъ, — говоритъ р. Меиръ, — раскайся-же и ты!

— Для меня это уже невозможно.

— Но почему?

— Однажды въ Іомъ-Кипуръ, совпавшій съ субботнымъ днемъ, я проѣзжалъ верхомъ мимо бетъ-гамидраша, и услышалъ я оттуда Бать-Коль, громко возвѣщавшій:

«— Возвратитесь, заблудшія дѣти! Возвратитесь ко Мнѣ, и Я обращу лицо Мое къ вамъ. Всѣ возвратитесь, всѣ, кромѣ Ахера, познавшаго могущество Мое — и возставшаго противъ Меня!»

Замѣтивъ, что кончился техумъ*, говоритъ Элиша р. Меиру: — Возвратись, Меиръ, домой; по шагамъ моей лошади я вижу, что мы прошли техумъ.

— *Возвратись* и ты, Элиша! — убѣждаетъ его р. Меиръ.

— Я уже говорилъ тебѣ, — отвѣчаетъ Ахеръ, — о слышанномъ мною Бать-Коль: «*Всѣ — за исключеніемъ Ахера!*»

Уступая настойчивымъ просьбамъ р. Меира, Элиша согласился посѣтить вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя школы для дѣтей. Входятъ они въ ближайшую школу.

— Какой стихъ проходилъ ты сегодня? — обращается р. Меиръ къ одному изъ учениковъ.

«— Нѣтъ мира нечестивымъ — говоритъ Господь».

Входятъ въ слѣдующую школу — и ученикъ на тотъ-же вопросъ отвѣчаетъ:

«— Хотя-бы умыла себя целокомъ и много потратила на себя мыла, нечестіе твое все останется пятномъ предо Мною, говоритъ Господь Богъ».

Въ третьей школѣ:

«— А ты, опустошаемая, что станешь дѣлать? Хотя наряжаешься въ пурпуръ, надѣваешь на себя золотыя украшенія, очерчиваешь глаза свои румянами, но напрасно украшаешь себя: презрѣли тебя любовники — они ищутъ души твоей».

Побывали они такимъ образомъ въ тринадцати школахъ, и вездѣ отвѣты учениковъ содержали дурное предзнаменованіе для Ахера.

Послѣдній изъ школьниковъ, къ которому р. Меиръ обратился съ тѣмъ-же вопросомъ, прочиталъ стихъ:

«Нечестивому-же сказалъ Богъ: «Что тебѣ до Моихъ уставовъ?»

*

Разсказывали про Ахера, что при посѣщеніи имъ школъ онъ, указывая на дѣтей, сидящихъ за учебниками, говоритъ:

* Пространство въ 2000 локтей, которое дозволено пройти въ субботніе и праздничные дни въ окрестностяхъ города.

«— Къ чему они сидятъ за этими ненужными книжками? Этому лучше-бы сдѣлаться каменщикомъ, тому столяромъ, третьему маляромъ, четвертому портнымъ».

Слыша это, дѣти оставляли книги и совершенно прекращали ученіе.

*

Еще рассказывали про Ахера, что онъ постоянно напѣвалъ какую нибудь греческую пѣсенку, а когда онъ находился въ бетъгамидрашѣ, ронялъ изъ кармановъ разныя книги еретическаго содержанія.

*

Какъ началось вѣроотступничество Ахера?

Рассказываютъ слѣдующее:

Однажды въ субботу онъ сидѣлъ, занимаясь св. ученіемъ, въ Генесаретской долині. И видитъ онъ — нѣкій израильянинъ влѣзаетъ на верхушку пальмы, беретъ изъ гнѣзда птицу-мать отъ едва вылупившихся птенцовъ и уходитъ благополучно. Въ ту-же субботу вечеромъ другой израильянинъ влѣзъ на дерево, сперва согналъ съ гнѣзда птицу (какъ и повелѣвается Торою) и затѣмъ взялъ птенцовъ. Но едва онъ сошелъ съ дерева на землю, его ужалила змѣя, и онъ тутъ-же скончался.

Глубоко задумался Элиша надъ этимъ случаемъ:

«— Какъ-же такъ? — размышлялъ онъ, — въ Торѣ сказано: «Мать отпусти, а птенцовъ возьми себѣ — чтобы тебѣ было хорошо, и чтобы продлились дни твои». Гдѣ обѣщанное добро и долгоденствіе этого человѣка?»

Это и послужило началомъ его вѣроотступничества.

*

Когда Элиша заболѣлъ, пришелъ къ нему р. Меиръ и началъ его убѣждать:

— Покайся и возвратись къ вѣрѣ.

— Но можетъ-ли еще быть принято мое раскаяніе?

— А развѣ не сказано: «Ты возвращаешь человѣка до сокрушенія?»

Т. е. доведя человѣка до окончательнаго сокрушенія духа его.

Заплакаль Элиша и со слезами на глазахъ скончался.

— Эти слезы показываютъ, — радостно воскликнулъ р. Меиръ, — что учитель мой умеръ раскаявшимся.

*

Едва его похоронили, палъ съ небесныхъ высотъ огонь на могилу и началъ охватывать ее пламенемъ.

Извѣстили р. Меира:

«— Могила твоего учителя вся въ пламени!»

Поспѣшилъ туда р. Меиръ. Разостлалъ онъ надъ пылающей могилой молитвенное покрывало свое, и громко и властно зазвучалъ голосъ его словами Ноемини:

«Lini halajlo» — проспи мирно ночь эту — проспи время, пока я, ученикъ твой, остаюсь въ темной какъ ночь земной юдоли до свѣтлаго утра воскресенія моего въ жизни вѣчной. Помилуетъ тебя Искупитель — хорошо; нѣтъ — клянусь: живъ Господь, я самъ спасу и избавлю тебя. Спи мирно до утра!»

И въ ту-же минуту пламя на могилѣ погасло.

*

Существуетъ еще такое преданіе:

Ученые были того мнѣнія, что Ахера на томъ свѣтѣ судить не будутъ, но не удостоится онъ и жизни грядущей: судить его не будутъ — потому что онъ занимался изученіемъ Торы, а блаженства онъ лишень будетъ за прегрѣшенія свои. Р. Меиръ-же говорилъ:

— Нѣтъ, справедливѣе, чтобы онъ искупилъ муками грѣхи свои, но и блаженства грядущей жизни удостоился-бы. Оно такъ и будетъ. И послѣ смерти моей, вы, въ знакъ этого, увидите, что дымъ пойдетъ изъ его могилы.

И послѣ кончины р. Меира пошелъ дымъ изъ могилы Ахера.

Видя это, сказалъ р. Иохананъ:

— Геройство-ли это — обречь на сожженіе учителя своего! Единственный въ своемъ родѣ былъ онъ среди насъ, и не могли уберечь его! Если-бы онъ подъ моимъ вліяніемъ находился, кто въ силахъ былъ-бы отнять его у меня? Когда я умру, я сумѣю прекратить дымъ изъ могилы его.

И послѣ кончины р. Иоханана дымъ изъ могилы Ахера прекратился.

РАДИ СЕМЕЙНАГО МИРА

Однажды въ канунъ субботы, вечеромъ, одна женщина до того заслушалась проповѣди р. Меира, что вернулась домой, когда лампы уже успѣли догорѣть.

— Ты гдѣ это была такъ поздно? — спрашиваетъ мужъ.

— Слушала проповѣдь р. Меира.

Мужъ, человѣкъ склонный къ грубымъ шуткамъ, крикнулъ ей:

— Пусть будетъ, что угодно, но ты не переступишь моего порога прежде чѣмъ не пойдешь и не плюнешь въ лицо этому проповѣднику! [И выгналъ ее изъ дому].

Прошла недѣля, другая, третья. Говорятъ ей сосѣдки:

Ты все еще съ мужемъ въ ссорѣ? Соберись, пойдемъ съ нами къ проповѣднику.

Р. Меиру уже было извѣстно объ этомъ случаѣ, и, когда женщины пришли, онъ вышелъ къ нимъ съ повязкой на глазу и спрашиваетъ:

— Не умѣеть-ли кто изъ васъ ячмень на глазу заговорить?

Сосѣдки и говорятъ тихонько той женщинѣ:

— Иди-ка ты, пошепчи и сплюнь ему въ больной глазъ — мужъ и помирится съ тобою.

Женщина направилась было къ р. Меиру, но, подойдя поближе, оробѣла.

— Учитель, — созналась она, — это неправда, я заговорить глазъ не умѣю.

— Ничего, не бѣда, дочь моя, — успокоилъ ее р. Меиръ, — ты только плюнь мнѣ въ лицо семь разъ, я и вылѣчусь.

Женщина такъ и сдѣлала.

— А теперь, — заявилъ ей р. Меиръ, — иди къ своему мужу и скажи: «Ты приказалъ плюнуть разъ, а я цѣлыхъ семь разъ плюнула».

— Раби! — взволновались ученики, — пристойно-ли ученому такъ унижать себя?

— Никакого тутъ униженія для меня нѣтъ, — отвѣтилъ р. Меиръ, — упроченіе мира между мужемъ и женой самъ Богъ считаетъ великимъ и святымъ дѣломъ.

Вашк.-Р., гл. 9.

УБЪЖИЩЕ САТАНЫ

Были два человѣка, которыхъ сатана возстановлялъ другъ противъ друга — и постоянно при наступленіи св. субботы люди эти затѣвали между собою ссору.

Случилось побывать въ томъ мѣстѣ р. Меиру. Три недѣли подрядъ въ канунъ субботы онъ удерживалъ ихъ отъ ссоры — и они наконецъ помирились и стали друзьями. И услышалъ р. Меиръ вопль сатаны:

— Горе мнѣ! Раби Меиръ изъ убѣжища моего изгналъ меня!
Гит., 52.

МОЙ БРАТЪ КИ-ТОВЪ

Въ одномъ изъ южныхъ городовъ былъ содержатель заѣзжаго двора, который вмѣстѣ съ шайкою грабителей обиралъ своихъ постояльцевъ. Поступалъ онъ такъ: встанетъ ночью, одѣнется по дорожному и пойдетъ будить пріѣзжихъ, говоря:

— Вставайте, отправляйтесь по холодку въ дальнѣйшій путь. Я пойду провожу васъ.

Проѣзжіе отправлялись вслѣдъ за нимъ, а грабители уже подстерегали ихъ и всѣмъ награбленнымъ дѣлились съ содержателемъ заѣзжаго двора.

Случилось и р. Меиру заночевать тамъ. Встаетъ, по своему обыкновению, хозяинъ и предлагаетъ проводить его въ дорогу. Р. Меиръ же отвѣчаетъ:

— Мнѣ надо подождать здѣсь моего брата.

— А гдѣ онъ теперь находится?

— Въ синагогѣ.

— Какъ зовутъ его?

— Ки-Товъ.

Отправляется хозяинъ къ синагогѣ и начинаетъ звать:

— Ки-Товъ! Ки-Товъ! Гдѣ тутъ Ки-Товъ?

Никто не откликается. Всю ночь проходилъ онъ, ища Ки-Това.

Когда начало разсвѣтать, поднялся р. Меиръ, вывелъ своего осла и сталъ собираться въ дорогу.

— Гдѣ-же, — спрашиваетъ хозяинъ, — твой братъ, котораго ты здѣсь ждалъ?

— Да вотъ-же онъ и пришелъ, — отвѣчаетъ р. Меиръ, — указывая на восходящее солнце: «И видѣлъ Господь свѣтъ — *ки-товъ* (что онъ хорошъ)». *Береш.-Р., гл. 92.*

ОТДАННОЕ НА ХРАНЕНИЕ

Однажды на исходѣ субботы, когда р. Меиръ произносилъ проповѣдь въ бетъ-гамидрашѣ, внезапно умерли оба его сына. Положила ихъ Берурія, жена р. Меира, на ложе и покрыла ихъ простыней.

Возвратившись домой, спрашиваетъ р. Меиръ:

— Гдѣ дѣти?

— Въ бетъ-гамидрашѣ, — отвѣчаетъ Берурія.

— Странно, — говоритъ р. Меиръ, — я смотрѣлъ, но не видѣлъ ихъ тамъ.

Подаетъ ему жена кубокъ для «Гавдалы».

Послѣ «Гавдалы» р. Меиръ спрашиваетъ снова:

— Гдѣ-же, однако, дѣти?

— Должно быть, погулять пошли и скоро возвратятся.

Давъ мужу поужинать, Берурія говоритъ:

— Раби, позволь предложить тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай.

— На дняхъ нѣкто отдалъ мнѣ одну вещь на храненіе, а сегодня пришелъ взять ее обратно. Должна-ли я возвратить ее, или нѣтъ?

— Дочь моя! — говоритъ р. Меиръ, — надо-ли возвратить чужую собственность? Какъ ты можешь еще спрашивать объ этомъ?

— Безъ твоего вѣдома я не хотѣла сдѣлать это, — говоритъ Берурія, — и съ этими словами она беретъ мужа за руку, подводитъ его къ постели и сдергиваетъ простыню.

Горько зарыдалъ р. Меиръ, оплакивая смерть дѣтей:

— О, дѣти мои! Дѣти и наставники мои! Дѣти, милыя мнѣ добронравіемъ своимъ, а свѣтомъ Торы, сіявшимъ въ очахъ вашихъ, озарявшія меня!

— Раби, — говоритъ ему жена, — не самъ-ли ты сказалъ мнѣ, что *отданное на храненіе* слѣдуетъ возвратить по принадлежности? «Господь далъ и Господь возьметъ; да будетъ имя Господне благословенно!» *Мид. Миш.*

НЕ ГРѢШНИКИ, НО ГРѢХИ

Сосѣди у р. Меира были люди злые и безнравственные. Довели они его до того, что онъ сталъ просить Бога о ихъ смерти.

Слыша это, говоритъ ему Берурія:

— Нѣтъ, мужъ мой, не на грѣшниковъ надо гибель просить, а на грѣхи. Объ этомъ и просилъ Господа Псалмопѣвецъ, говоря: «Да исчезнуть грѣхи съ земли — и нечестивыхъ не будетъ болѣе». Помолись-же лучше, чтобы люди эти раскаялись и исправились.

Воззвалъ р. Меиръ къ милости Господней — и злые сосѣди его сдѣлались людьми честными и добрыми. Берах., 10.

«ЛИКУЙ, НЕПЛОДНАЯ!»

Нѣкій еретикъ говоритъ Беруріи:

— Написано у пророка: «Ликуй, неплодная, нерожавшая!» О чемъ-же ей ликовать? Не о томъ-ли, что неплодная она?

— Глупецъ! Прочти, что дальше сказано, — отвѣчаетъ Берурія: — «Потому что у покинутой дѣтей больше, чѣмъ у замужней». А смыслъ таковъ: ликуй, дочь Израильская, не рожавшая для ада дѣтей, *тебѣ подобныхъ!* Тамъ-же.

ИЗЪ БАСЕНЪ Р. МЕИРА

Р. Иохананъ рассказывалъ:

— Произнося свои проповѣди для народа, р. Меиръ дѣлилъ каждую проповѣдь на три части: треть посвящалъ галахѣ, треть агадѣ и треть притчамъ и баснямъ. Послѣднихъ имъ составлено было цѣлыхъ триста, но изъ нихъ у насъ сохранилось всего на слѣдующіе три текста.

а) «Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина»

в) «Вѣсы вѣрныя, гири вѣрныя»

с) «Праведный спасенъ отъ бѣды; вмѣсто него постигнетъ она нечестиваго».

«Отцы ѣли кислое».

Однажды говоритъ волку лисица:

— Зайди въ канунъ субботы въ какой нибудь еврейскій дворъ, предложи свои услуги на кухнѣ, и тебя тамъ пригласятъ къ обѣду.

Въ первомъ-же дворѣ волка встрѣтили съ кольями въ рукахъ. Избитый волкъ набросился на лисицу.

— Но при чемъ-же я тутъ, — стала оправдываться лисица, — тебя побили за вину твоего отца, который, помогая имъ однажды на кухнѣ, самъ всѣ лучшіе куски сожралъ.

— Такъ меня за что-же бить?

— А ужъ это по правилу: «Отцы ѣли кислое, а у дѣтей на зубахъ оскомина». Забудь объ этомъ; лучше пойдемъ, я покажу тебѣ такое мѣстечко, гдѣ ты досыта накушаешься.

Привела она волка къ колодцу. А у того колодца журавецъ былъ въ видѣ коромысла съ двумя бадьями. Прыгнула лисица въ одну изъ нихъ и спустилась въ колодець, а другая бадья поднялась вверхъ.

— Зачѣмъ это ты спустилась туда? — спрашиваетъ волкъ.

— Да тутъ, — отвѣчаетъ лисица, — и мяса, и сыра сколько душѣ угодно.

И указываетъ она волку на отраженіе луны въ колодцѣ, похожее на кругъ сыра.

— А какъ, — спрашиваетъ волкъ, — мнѣ попасть туда?

— Полѣзай въ верхнюю бадью.

Едва волкъ влѣзъ, бадья подъ тяжестью его опустилась внизъ, а другая, съ лисицей, поднялась вверхъ.

Кричитъ волкъ изъ колодца:

— Послушай, какъ мнѣ выбраться отсюда?

А лисица отвѣчаетъ:

«Праведный спасенъ отъ бѣды; вмѣсто него постигаетъ она нечестиваго». — «Вѣрные вѣсы — вѣрныя гиры». Санг., 38 и Раши.



Р. СИМЕОНЪ БЕНЪ ІОХАЙ И СЫНЪ ЕГО ЭЛАЗАРЪ

ДВА РТА

Р. Симеонъ бенъ Іохай говорилъ:

— Если-бы я былъ на Синаѣ въ моментъ Откровенія, я попросилъ-бы Бога дать людямъ по два рта каждому: одинъ исключительно для ученія, другой для обихода... Нѣтъ, нѣтъ! — прибавлялъ онъ тутъ-же, — если земля и такъ едва можетъ устоять отъ клеветы и сплетень, то что-же это было-бы, если бы каждый человекъ имѣлъ по два рта!

Иеруш. Берах.

ВЪ ПЕЩЕРЪ И ПО ВЫХОДЪ ОТТУДА

Сидѣли однажды за дружеской бесѣдой р. Іуда, р. Іосе и р. Симеонъ. Тутъ-же находился нѣкій Іуда бенъ Геримъ. Разговоръ зашелъ о римлянахъ.

— Сколько хорошихъ вещей устроено этимъ народомъ, — говорилъ р. Іуда, — обширные рынки, превосходные мосты, прекрасныя бани.

Р. Іосе промолчалъ. Р. Симеонъ-же возразилъ р. Іудѣ:

— Да, — сказалъ онъ, — устроить устроили, да только для собственной выгоды: устроили рынки — и насадили тамъ непотребныхъ женщинъ; бани — чтобы нѣжить свое тѣло; мосты — чтобы непомѣрную пропускную плату брать.

Пошелъ бенъ-Геримъ и рассказалъ объ этомъ разговорѣ тому-другому; дошло до римскихъ властей, и отданъ былъ приказъ:

Р. Иуду, за его похвальныя рѣчи, наградить.

Р. Иосе за то, что молчалъ, не выражая согласія со словами р. Иуды, сослать въ Сепфорисъ.

Р. Симеона-же, за хулу на римлянъ, казнить.

Заблаговременно узнавъ о приказѣ, р. Симеонъ со своимъ сыномъ скрылся въ одномъ уединенномъ бетъ-гамидрашѣ, куда жена р. Симеона тайкомъ доставляла имъ ежедневно хлѣбъ и кувшинъ съ водою. Этимъ они и питались.

Когда-же розыски усилились, сказалъ р. Симеонъ сыну:

— Женщины слабовольны: начнутъ ее пытатъ — она не выдержать и откроетъ наше убѣжище.

И ушелъ р. Симеонъ съ сыномъ и спрятались въ одной пещерѣ. Произошло чудо: появились въ пещерѣ рожковое дерево и родникъ свѣжей воды.

Чтобы не износилась ихъ одежда, они днемъ оставались раздѣтыми, зарывшись по горло въ песокъ, и занимались св. ученіемъ, одѣвались-же только на время молитвы.

Пробыли они такимъ образомъ въ пещерѣ двѣнадцать лѣтъ.

Однажды у пещеры зазвучалъ голосъ Іліи-пророка:

«— Кесарь умеръ, и приказъ его отмѣняется».

Услыша это, вышли они изъ своего убѣжища — и видятъ: люди пашутъ и сѣютъ.

— Вотъ, — сказалъ р. Симеонъ, — забываютъ о жизни вѣчной, а занимаются ничтожными земными дѣлами!

И куда ни упадалъ его негодующій взоръ, мѣсто то мгновенно выгорало какъ отъ пожара.

Зазвучалъ Бать-Коль:

«— Миръ Мой разрушить вышли вы? Возвратитесь въ свою пещеру!»

Пошли они обратно въ пещеру. Прошло еще двѣнадцать мѣсяцевъ. И возроптали они, говоря:

— Грѣшниковъ въ аду, и тѣхъ держатъ не болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ.

Снова зазвучалъ Бать-Коль:

«— Выходите изъ пещеры!»

На этотъ разъ р. Симеонъ самъ уже сталъ возражать сыну противъ нападокъ его на суету людской жизни:

— Сынъ мой, — говорилъ онъ, — хорошо, что хотя мы съ тобою живемъ разумной жизнью въ этомъ грѣшномъ мірѣ.

*

Въ канунъ субботы встрѣтился имъ старичекъ, спѣшившій куда-то съ двумя букетами изъ миртовыхъ вѣтокъ въ рукѣ. Спрашиваютъ они:

— Для чего, дѣдушка, собралъ ты эти вѣтки?

— Въ честь субботы, — отвѣчаетъ старичекъ.

— А не довольно-ли одного букета?

— Нѣтъ: одинъ въ ознаменованіе завѣта «Помни», другой — завѣта «Храни»*.

— Видишь, — говоритъ р. Симеонъ сыну, — насколько завѣты Господни близки еще и дороги народу!

И радостно стало на душѣ у обоихъ.

Узнавъ о возвращеніи р. Симеона, вышелъ навстрѣчу къ нему зять его р. Пинхасъ бенъ Яиръ.

Повелъ онъ р. Симеона въ тиберіадскія бани, чтобы самому помыть его тамъ. Увидя тѣло его покрытымъ порѣзами и ссадинами (отъ песку), не могъ р. Пинхасъ удержаться отъ слезъ. Упали слезы на пораненное тѣло. Закричалъ р. Симеонъ отъ боли.

— О, горе мнѣ, — воскликнулъ р. Пинхасъ, — горе мнѣ, что вижу тебя такимъ.

— Нѣтъ, сынъ мой, — отвѣтилъ р. Симеонъ, — не горе, а благо тебѣ, что именно такимъ видишь меня; иначе я не былъ-бы тѣмъ, чѣмъ я теперь.

Шаб., 34; Береш.-Р., гл. 79.

ИСЦѢЛЕНІЕ ЧЕРЕЗЪ БѢСА

Вышелъ указъ, воспрепятствующій евреямъ праздновать субботу и совершать обрѣзаніе.

[Желая добиться отмѣны указа] р. Рувимъ бенъ Истробулъ постригся [и одѣлся] по римски и, выдавая себя за римлянина, сталъ заводить знакомство съ властями.

* Повелѣніе о Субботѣ повторено въ Св. Писаніи дважды, при чемъ въ одномъ мѣстѣ (Исх. XX) оно начинается словомъ «Помни», а въ другомъ (Втор., V) словомъ «Храни».

Однажды, заведя съ ними разговоръ объ указѣ, онъ говоритъ:
— Какъ, по вашему, чего мы должны желать врагу: обѣднѣть или разбогатѣть?

— Обѣднѣть, разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ, вы запретите евреямъ работать по субботамъ, и это будетъ для нихъ прямымъ убыткомъ.

— Ты совершенно правъ.

Спрашиваетъ р. Рувимъ далѣе:

А пожелаете-ли вы врагу быть слабосильнымъ, или-же, наоборотъ, здоровымъ и крѣпкимъ?

— Слабосильнымъ, конечно.

— Пускай-же евреи таки обрѣзываютъ своихъ сыновей на восьмой день отъ рожденія и вмѣстѣ съ кровью теряютъ и силы.

— И въ этомъ ты правъ.

Перестали исполнять указъ. Но вскорѣ узнали, что совѣтчикъ этотъ самъ еврей — и запрещеніе возобновили.

Стали евреи совѣщаться, кого послать въ Римъ добиться отмѣны указа. И рѣшено было послать р. Симеона бенъ Юхая, чело-вѣка, испытаннаго въ чудесахъ, а вмѣстѣ съ нимъ р. Элазара бенъ Иосе.

По дорогѣ въ Римъ является имъ бѣсъ Бенъ-Темаліонъ и говоритъ:

— Хотите, пойду и я съ вами?

Заплакалъ Р. Симеонъ:

— Рабынѣ праотца нашего (Агари) трижды *ангелъ* являлся; я же ни разу не удостоился этого [а является мнѣ на помощь бѣсъ]. Пусть-же придетъ избавленіе черезъ кого бы то ни было.

Поспѣшилъ бѣсъ впередъ и вселился въ дочь кесаря. Пришелъ р. Симеонъ и крикнулъ:

«— Бенъ-Темаліонъ, выходи! Бенъ-Темаліонъ, выходи!»

Услыша голосъ р. Симеона, бѣсъ оставилъ царевну и исчезъ.

Говоритъ имъ кесарь:

— Просите въ награду чего хотите; всѣ сокровищницы мои открыты передъ вами.

Получивъ свободный входъ повсюду, они разыскали тотъ указъ и разорвали его.

Мегилла, 17.

ДОЛИНА ЗОЛОТЫХЪ ДИНАРИЕВЪ

Одинъ изъ учениковъ р. Симеона отправился въ чужіе края и вернулся оттуда съ большимъ богатствомъ. Стали товарищи ему завидовать и захотѣли также отправиться въ поиски за счастьемъ. Узнавъ объ этомъ, повелъ ихъ всѣхъ р. Симеонъ въ долину за городомъ Мерономъ и, сотворивъ молитву, воскликнулъ:

— Долина! Долина! Повелѣваю тебѣ наполниться золотыми монетами!

И вся долина начала покрываться золотыми динаріями.

Обратился р. Симеонъ къ ученикамъ и говоритъ:

— Если золота хотите, то вотъ, передъ вами оно, берите. Но знайте: берущій теперь получаетъ это вмѣсто доли свой въ грядущемъ мірѣ, ибо награды Торы — только тамъ, въ Жизни Вѣчной.

Шем.-Р., гл. 52.

НОСИЛЬЩИКЪ И ПРОРОКЪ

Сынъ р. Симеона, Элазаръ, былъ въ молодости носильщикомъ тяжестей. Однажды подходитъ къ нему Илія въ образѣ старца и говоритъ:

— Приготовь-ка вьючное животное, чтобы повезти меня.

— А велика-ли кладъ у тебя? — спрашиваетъ Элазаръ.

— Вотъ, — указываетъ старецъ, — тутъ моя котомка и тутъ мой плащъ. Ёдемъ, что-ли?

— Что вы скажете объ этомъ старомъ чудака! — расхохотался Элазаръ, — на одно плечо я могу усадить его со всей его поклажей и до конца свѣта унести, а онъ говоритъ: «вьючное животное приготовь для меня». Верхомъ тебѣ, старичекъ, покататься захотѣлось? Садись.

Посадилъ его Элазаръ къ себѣ на плечи и пустился въ путь. Заходили ноги у Элазара, пути не разбирая, и въ гору, и подъ гору, по пустырямъ и колючимъ кустарникамъ, не остановиться ему. А въ то же время, старичекъ, замѣчаетъ онъ, все тяжелѣе и тяжелѣе становится.

— Послушай-ка, старый, — говоритъ, наконецъ, Элазаръ, — не наваливайся ты такъ, Бога ради! Иначе, не въ могути мнѣ больше, сброшу тебя!

— Что, отдохнуть захотѣлось? — спрашиваетъ старецъ.

— Ну да.

Сошелъ Илія на землю, повелъ его въ открытое поле и, усадивъ подъ деревомъ, далъ ему изъ своей котомки поѣсть и попить. Когда Элазаръ насытился, Илія ему и говоритъ:

— Стоить-ли, сынъ мой, заниматься такимъ тяжелымъ дѣломъ? Лучше-бы ты поступилъ такъ, какъ отецъ твой.

— А согласился-бы ты учить меня?

— Охотно, сынъ мой!

Впродолженіи тринадцати лѣтъ — гласитъ преданіе — занимался съ нимъ Илія. Дойдя до «Сифра»* бывшій носильщикъ тяжестей обезсилѣлъ настолько, что собственный плащъ сталъ казаться ему непомѣрной тяжестью.

Песикта де. р. К.

* Сборникъ толкованій на книгу «Левить».





ЧУЖОГО НИ КРОШКИ

Про р. Пинхаса бенъ Яира рассказывали, что онъ за всю жизнь не съѣлъ куска хлѣба, имъ самимъ не заработаннаго, и съ первыхъ минутъ своей сознательной жизни не бралъ ни крошки даже отъ отцовскаго стола.

Хул., 7.

ДЛЯ ЧУЖОГО УРОЖАЯ

Въ городъ, въ южной части страны, въ которомъ жилъ р. Пинхасъ, пришли два человѣка на заработки и попросили р. Пинхаса позволить имъ оставить у него на время двѣ мѣры ячменя. Прошло довольно продолжительное время, а люди эти все не являлись за ячменемъ. Тогда р. Пинхасъ рѣшилъ ячмень посѣять. Прошло семь лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ продолжалъ производить посѣвы и весь собираемый урожай откладывать въ амбары. Наконецъ, люди тѣ явились и попросили возвратить оставленные ими двѣ мѣры.

— Приведите верблюдовъ и ослевъ, — сказалъ р. Пинхасъ, указывая на свои сараи, — и заберите добро свое.

Деб.-Р., 3; Иеруш.-Дем.

ДОРОЖНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Отправился однажды р. Пинхасъ бенъ Яиръ на богоугодный подвигъ «освобожденія заключенныхъ».

Дошелъ онъ до глубокой рѣки Гинаи. Перевоза нѣтъ. Обращаясь къ рѣкѣ, р. Пинхасъ восклицаетъ:

— Гиная! Гиная! Да разступятся воды твои предо мною!

Отвѣчаетъ рѣка:

— Пинхасъ! Пинхасъ! Ты идешь исполнить волю Творца твоего, но и я исполняю волю моего Творца. Исполнишь-ли ты — еще неизвѣстно, а я уже исполняю.

Говоритъ снова р. Пинхасъ:

— Если ты сейчасъ-же не разступишься, я заклинаю тебя, чтобы воды твои остановили свое теченіе.

Тотчасъ-же рѣка разступилась, и р. Пинхасъ перешелъ на другой берегъ.

Въ это время къ рѣкѣ подоспѣлъ еще одинъ человѣкъ. Оказалось, что онъ несетъ пшеницу для мацы. И повелѣлъ р. Пинхасъ рѣкѣ:

— Разступись и передъ этимъ человѣкомъ, ибо онъ идетъ для совершенія святого дѣла.

Рѣка снова разступилась.

Но едва опять сомкнулись воды, на берегу появился третій путешественникъ, аравитянинъ, который шелъ той-же дорогой.

— И передъ нимъ повелѣваю тебѣ разступиться! — сказалъ рѣкѣ р. Пинхасъ, — дабы онъ не сталъ говорить: «Такъ-то поступаютъ они съ попутчикомъ!»

Разступилась рѣка и въ третій разъ.

*

На заѣзжемъ дворѣ, гдѣ р. Пинхасъ остановился для отдыха, дали его ослицѣ необмолоченнаго ячменя. Не стала она ѣсть. Дали ей овса въ зернѣ — опять не ѣсть. Перебрали и очистили зерно — все-таки не ѣсть.

— Возможно, — замѣтилъ р. Пинхасъ, — что отъ этого зерна не успѣли еще отдѣлать десятину*.

Десятина тутъ-же была отдѣлена, и тогда ослица принялась ѣсть.

— Вотъ, — сказалъ р. Пинхасъ, — примѣръ для васъ: тварь неразумная — и та покорна Божьей волѣ, а вы, разумныя существа, заставляете ее нарушить волю Божью!

*

Узнавъ о прибытіи р. Пинхаса бенъ Яира, вышелъ Раби къ нему навстрѣчу и сталъ просить:

* См. Числа, XVII, 21.

— Войди въ домъ мой и поѣшь хлѣба со мною.

— Хорошо, — отвѣтилъ р. Пинхасъ.

У Раби лицо засіяло отъ радости.

Поглядѣлъ на него р. Пинхасъ и говорить:

— Ты думалъ, какъ видно, что я далъ себѣ зарокъ не ѣсть хлѣба въ еврейскомъ домѣ. Упаси меня Богъ. Дѣти народа моего всѣ святы для меня. Бываетъ, правда, такъ: одинъ желалъ-бы дѣлать добро, но не можетъ; другой могъ-бы, но не желаетъ. Ты-же и можешь, и желаешь. Я радъ посѣтить твой домъ, но сейчасъ я спѣшу по богоугодному дѣлу, а на обратномъ пути обѣщаю быть твоимъ гостемъ.

Возвращаясь изъ своего путешествія, р. Пинхасъ завернулъ въ усадьбу Раби. Тутъ ему пришлось проходить мимо стойлъ и въ воротахъ одного изъ нихъ онъ замѣтилъ муловъ бѣлой масти.

— Этотъ человѣкъ, — сказалъ р. Пинхасъ, — держитъ смерть въ своемъ домѣ*. За его столомъ я ѣсть не стану.

Услыша эти слова, вышелъ къ нему Раби и говорить:

— Обѣщаю тебѣ немедленно продать этихъ муловъ.

— Сказано: «Передъ слѣпымъ не клади препятствія»**.

— Пущу ихъ на волю.

— Этимъ только увеличишь опасность.

— Велю перерѣзать у нихъ сухожилія на ногахъ.

— Нарушишь законъ о жалости къ животнымъ.

— Убью ихъ, наконецъ.

— Нарушишь повелѣніе «не порти» (ничего полезнаго).

Раби продолжалъ усиленно просить его войти въ домъ и раздѣлать съ нимъ трапезу. Но въ ту минуту видитъ Раби: точно гора выросла между ними и скрыла р. Пинхаса отъ глазъ его.

Заплакалъ Раби при видѣ этого.

Хул., 6.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОЙ И НАЙДЕННОЙ ЖЕМЧУЖИНѢ

У одного сарацинскаго царя выпала дорогая жемчужина изъ вѣнца, и, прежде чѣмъ успѣли ее поднять, подскочила крыса, проглотила ее и убѣжала.

* Мулы бѣлой масти считались чрезвычайно норовистыми и опасными для человѣка.

** Второз., XX.

Обратился тотъ царь къ р. Пинхасу, прося его отыскать жемчужину.

— Что я, колдунъ, что-ли? — отвѣчаетъ р. Пинхасъ.

— Имя твое, учитель, — говоритъ тотъ царь, — славится повсюду, и къ тебѣ, какъ къ угоднику Божьему, обращаюсь я за помощью.

И было повелѣніе отъ р. Пинхаса всѣмъ крысамъ того мѣста явиться. Оказалась одна съ необыкновенно выгорбившейся спинкой.

«— Вотъ эта!» — заявилъ р. Пинхасъ.

И крыса, подчиняясь его велѣнію, отдала жемчужину обратно.

Иеруш. Дем.



Р. ІУДА-НАСИ (РАБИ, РАБЕНУ ГА-КАДОШЪ)

ОБМѢНЪ ДѢТЬМИ

Вышелъ указъ, воспреещающій совершать обрядъ обрѣзанія. А у р. Симеона бенъ Гамліеля какъ разъ къ тому времени родился сынъ, прозванный впослѣдствіи Рабену Га-Кадошъ*.

— Мыслимо-ли, — сказалъ себѣ р. Симеонъ, — повелѣніе Господа нашего нарушить, а приказаніе этихъ нечестивцевъ исполнить?

Не колеблясь нисколько, онъ совершилъ обрѣзаніе новорожденнаго.

Узнавъ объ этомъ начальникъ того города и, призвавъ р. Симеона, спрашиваетъ:

— Какъ дерзнулъ ты нарушить повелѣніе кесаря?

— Я исполнилъ повелѣніе Бога, — отвѣчаетъ р. Симеонъ.

— Слушай, — говоритъ начальникъ, — я, правда, долженъ оказывать тебѣ всяческій почетъ и уваженіе, какъ главѣ народа. Но тутъ дѣло касается императорскаго указа, и я этого такъ оставить не могу.

— Что-же ты намѣренъ сдѣлать?

— Отправитъ тебя въ Римъ, и пусть кесарь самъ рѣшитъ, какъ поступитъ съ тобою.

Отправилъ начальникъ къ кесарю жену р. Симеона съ новорожденнымъ.

Послѣ цѣлаго дня пути остановилась мать съ ребенкомъ на ночлегъ въ домѣ одного знакомаго римлянина. У этого римлянина также былъ новорожденный сынъ, которому отецъ далъ имя Антонинъ. Мать Антонина, увидя жену р. Симеона, съ которою была дружна, спрашиваетъ:

* Нашъ святой учитель.

— По какому случаю ты здѣсь?

Разказала ей жена р. Симеона: такъ и такъ, вышелъ приказъ кесаря, но мы съ мужемъ не послушались, совершили обрѣзаніе, и вотъ везутъ меня съ ребенкомъ къ кесарю.

Услыша это, римлянка говорить:

— Если желаешь, возьми съ собою къ кесарю моего сына (онъ не обрѣзанъ, конечно), а твой пусть остается у меня до твоего возвращенія.

Жена р. Симеона такъ и поступила и съ подмѣненнымъ ребенкомъ отправилась къ кесарю.

Обнаружилось, что ребенокъ необрѣзанный. Разгнѣвался кесарь на того начальника и подвергъ его строжайшему наказанію, а мать съ ребенкомъ отпустилъ съ миромъ.

Вернулась она къ своей подругѣ, матери Антонина, и та сказала:

— Такъ какъ небесамъ угодно было черезъ меня совершить чудо тебѣ, а черезъ моего сына твоему сыну, то пусть эти дѣти наши станутъ добрыми друзьями на всю жизнь.

Бетъ-Гам. 6; Тосеф., Аб.-З. 10.

ВОСЕМЬ БЛАГЪ

Р. Симеонъ бенъ Менасія говорилъ:

— Восемь благъ насчитывали наши мудрецы въ награду благочестивымъ: красоту, силу, богатство, почетъ, глубину ума, долгоденствіе, сѣдину благословенную и многочисленное потомство. Всѣхъ этихъ благъ вмѣстѣ удостоился Раби и дѣти его.

Аб., гл. 6.

ИЗЪ ЗА ТЕЛЕНКА

Впродолженіи тринадцати лѣтъ пораженъ былъ Раби тяжелой болѣзью. И болѣзнь его, и исцѣленіе произошли отъ случая.

Однажды вели по улицѣ теленка на бойню. Когда рѣзники поровнялись съ проходившимъ въ то время Раби, теленокъ вырвался и, подбѣжавъ къ Раби, съ жалобнымъ ревомъ спряталъ голову въ полы его одежды, какъ-бы умоляя заступиться за него. Но Раби отогналъ теленка, говоря: «Ступай, куда тебя ведутъ — ты на то и созданъ!»

— Онъ не знаетъ жалости, — сказали на небѣ, — пусть-же онъ самъ испытаетъ страданія.

И въ ту-же минуту Раби поразилъ тяжкій недугъ.

Исцѣленіе-же его произошло отъ слѣдующаго случая:

Убирая въ домѣ, служанка нашла выводокъ хорьковъ и вознамѣрилась вымести крошекъ-звѣрьковъ вмѣстѣ съ мусоромъ. Увидя это, Раби закричалъ ей:

— Оставь ихъ! Милость Господа на всѣхъ твореніяхъ Его.

И тогда сказали на небѣ:

— Онъ смиловался, — смилуемся и надъ нимъ.

Б.-М., 84; Береш.-Р., гл. 33.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ

Однажды въ голодный годъ Раби открылъ свои зернохранилища, заявивъ:

— Пусть приходитъ всякій, учившійся чему нибудь: Св. Писанію, Мишнѣ, Талмуду — галахѣ-ли, или агадѣ. Круглымъ-же невѣждамъ входъ сюда закрытъ.

Съ трудомъ удалось пробиться туда р. Ионатану бенъ Амраму. Подошелъ онъ къ Раби и говорить:

— Учитель, дай мнѣ на пропитаніе.

— Учился-ли ты, сынъ мой, Св. Писанію? — спрашиваетъ Раби.

— Нѣтъ.

— Мишнѣ?

— Нѣтъ.

— Какое-же право ты имѣешь на даровое пропитаніе?

— Учитель! Накорми меня, какъ ты накормилъ-бы собаку или ворона.

Велѣлъ Раби выдавать ему на пропитаніе. Но вскорѣ-же началъ раскаиваться въ этомъ: слѣдовало-ли, все-таки, давать хлѣбъ какому-то невѣждѣ?

— Отецъ, — замѣтилъ ему сынъ его р. Симеонъ, — если я не ошибаюсь, человекъ этотъ одинъ изъ твоихъ бывшихъ учениковъ. Зовутъ его Ионатанъ бенъ Амрамъ, и онъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда за всю жизнь свою не позволялъ себѣ извлекать малѣйшую пользу изъ своего званія ученаго.

Удостоверившись въ этомъ, Раби объявилъ:

— Отнынѣ житницы мои открыты для всѣхъ безъ исключенія.

Баба-Б., 5.

ДВѢНАДЦАТЬ ВДОВЪ

Было тринадцать братьевъ. Двѣнадцать изъ нихъ умерли бездѣтными. Приходятъ ихъ вдовы къ Раби и требуютъ, чтобы оставшійся въ живыхъ женился на нихъ, согласно закону*.

— Учитель! — говоритъ тотъ, — я не имѣю достаточно средствъ, чтобы кормить ихъ всѣхъ.

— Мы сами будемъ содержать домъ, — заявляютъ вдовы, — каждая изъ насъ по одному мѣсяцу въ году.

— А въ высокосные годы кто-же возьметъ на себя издержки на лишній, тринадцатый мѣсяць?

— Это я принимаю на себя, — заявляетъ Раби и, пожелавъ имъ счастливой жизни, отпускаетъ ихъ съ миромъ.

Проходятъ три года, и Раби сообщаютъ:

— Цѣлый таборъ дѣтей явился на поклонъ къ тебѣ.

Выглянулъ Раби въ окно и видитъ: двѣнадцать женщинъ и съ ними дѣтей цѣлыхъ три дюжины.

— Зачѣмъ, — спрашиваетъ онъ, — явились вы ко мнѣ?

— Чтобы ты далъ намъ на пропитаніе на тринадцатый мѣсяць нынѣшняго високоса.

Раби ничего не оставалось, какъ исполнить ихъ требованіе.

Иеруш., Іеб.

ДОЧЬ ВЪРООТСТУПНИКА

Къ Раби явилась однажды женщина и говоритъ:

— Учитель, дай мнѣ на пропитаніе.

— Кто ты? — спрашиваетъ Раби.

— Я дочь Ахера.

— Какъ! — воскликнулъ Раби, — еще осталось потомство отъ него на землѣ? Не сказано-ли о ему подобныхъ: «Ни сына у него, ни внука въ народѣ его»?

* Второзак., XXXV.

— Учитель! — продолжала дочь Ахера, — вспомни великую его ученость и не вспоминай о поступкахъ его.

Въ эту минуту палъ огонь съ неба и опалилъ кресло, на которомъ сидѣлъ Раби.

Видя это, воскликнулъ Раби со слезами на глазахъ:

— Если ради человѣка, посрамившаго Тору, возможно подобное, то сколько-же возможно чудеснаго ради тѣхъ, кто почиталъ и прославлялъ ее!

Хаг., 15.

НЕОЦѢНИМЫЙ ПОДАРОКЪ

Пароянскій вельможа Артабанъ послалъ въ подарокъ Раби драгоценный жемчугъ, рассчитывая, что Раби отдаритъ его чѣмънибудь не менѣе цѣннымъ. Раби-же послалъ ему мезузу*.

Посылаетъ Артибанъ сказать Раби:

— Я послалъ тебѣ вещь, которой цѣны нѣтъ, а отъ тебя я получаю бездѣлицу, стоящую какуюнибудь мелочь!

Отвѣчаетъ Раби:

— Всѣ мои и твои драгоценности ничего не стоятъ въ сравненіи съ этой бездѣлицей. Болѣе того, ты послалъ мнѣ вещь, которую мнѣ приходится оберегать, а то, что я тебѣ послалъ, будетъ и на яву, и во снѣ тебя оберегать.

Береш.-Р., гл. 35.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ МЕССІЯ

Илія-пророкъ часто посѣщалъ школу Раби. Однажды, въ день новомѣсячія, онъ явился позже обыкновеннаго. Спрашиваетъ его Раби:

— Почему опоздалъ сегодня господинъ мой?

— Время прошло у меня, — отвѣчаетъ Илія, — пока я поднялъ праотца Авраама изъ гробницы, далъ ему совершить омовеніе и стать на молитву, послѣ чего я вновь уложилъ его. То же самое съ Исаакомъ, затѣмъ съ Іаковомъ.

— Отчего, — спрашиваетъ Раби, — господину моему не поднимать праотцевъ одновременно?

— Изъ опасенія, — отвѣчаетъ Илія, — чтобы силою общей ихъ молитвы не былъ-бы Мессія преждевременно призванъ на землю.

Бава-М., 85.

* Свитокъ со свящ. текстами, прибываемый на дверномъ косякѣ.

МУХИ

Прибывъ однажды въ Кессарію, Антонинъ послалъ пригласить къ себѣ Раби. Проводить Раби пошли сынъ его р. Симеонъ и р. Хія Великій. По пути встрѣтили они легіонъ римскихъ воиновъ — всѣ на подборъ, красавцы на рѣдкость и ростомъ до капителей колоннадъ.

— Полюбуйся, — говоритъ р. Симеонъ р. Хіи, — до чего откор-млены эти тельцы Исавовы!

Повель его р. Хія на базаръ и, указавъ на корзину съ виногра-домъ и финиками, обсыпанными роемъ мухъ, говоритъ:

— Въ моихъ глазахъ тотъ легіонъ и этотъ мушинный рой имѣ-ютъ одинаковое значеніе.

Передалъ р. Симеонъ этотъ разговоръ отцу своему, Раби — такъ, моль, сказалъ я и такъ отвѣтилъ мнѣ р. Хія.

— Удивляюсь р. Хіи, — замѣтилъ на это Раби, — можно-ли этимъ легіонамъ придавать значеніе даже наравнѣ съ мухами: мухи, какъ никакъ, а все-же выполняютъ волю Божію. *Танх., Ваеш.*

ПРИГОДИТСЯ ДЛЯ ПОТОМКОВЪ

Ежедневно Антонинъ посылалъ Раби мѣхи, наполненные золо-тымъ пескомъ, сверху засыпаннымъ пшеничнымъ зерномъ, и послан-ному говорилъ:

— Отнеси эту пшеницу къ Раби.

Говоритъ при встрѣчѣ Раби Антонину:

— Напрасно ты посылаешь мнѣ это золото, — у меня и своего достаточно.

— Нѣтъ, не напрасно, — отвѣчаетъ Антонинъ, — пусть унаслѣ-дуютъ это золото *твои* потомки, чтобы имѣть изъ чего давать *моимъ* потомкамъ. *Аб.-З., 10.*

ХОЛОДЪ И ЗНОЙ

— Помолись за меня, — сказала однажды Антонинъ Раби.

— Да спасетъ тебя Господь отъ холода! — произнесъ Раби.

— Но стоитъ-ли объ этомъ молиться? — возразилъ Антонинъ, — одинъ теплый плащъ — и холода какъ не бывало.

— Пусть-же спасеть тебя Господь отъ зноя!

— Вотъ это пожеланіе, — сказала Антонинъ, — имѣеть, дѣйствительно, большое значеніе. И дай Богъ, чтобы молитва твоя услышана была. Ибо памятно мнѣ сказанное вашимъ псалмопѣвцемъ: «Ничто не укрывается отъ зноя Его». *Иеруш., Санг.*

ПАТРИАРХЪ-СНОПОВЯЗЪ

Пришелъ однажды Раби въ одинъ городъ поучать народъ. Не нашлось въ томъ городѣ достаточно обширнаго помѣщенія, и Раби вышелъ съ учениками въ поле. Поле оказалось сплошь занятымъ свѣжескошеннымъ хлѣбомъ — и Раби тутъ-же принялся за работу и весь хлѣбъ перевязалъ въ снопы. *Шаб., 127.*

ПРИЧИНА ДОЛГОЛѢТІЯ

Раби спросилъ однажды престарѣлаго р. Иошую бенъ Карха:

— Чему ты обязанъ своимъ столь необыкновеннымъ долголѣтіемъ?

— Да мнѣ это долголѣтіе мое давно надоѣло, — отвѣтилъ р. Иошуа.

— Учитель! — продолжалъ Раби, — это вопросъ весьма серьезный, и я долженъ его уяснить себѣ.

Отвѣчаетъ Р. Иошуа:

— Во всю жизнь мою взоръ мой не останавливался на обликѣ человѣка злого и порочнаго.

*

Передъ смертью р. Иошуи, Раби пришелъ къ нему за послѣднимъ благословеніемъ.

Раби Иошуа произнесъ:

— Да благословить тебя Богъ дожить до половины моихъ лѣтъ.

— Почему не полностью?

— Но вѣдь и другимъ не пастухами-же только быть?*

Мег., 28.

* Т. е., вѣдь найдутся и другіе достойные занимать столь-же почетное положеніе.

КОНЧИНА РАБИ

Чувствуя приближеніе смерти, Раби сказалъ:

— Я хочу видѣть моихъ дѣтей.

Когда дѣти явились, онъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

«— Завѣщаю вамъ, дѣти мои:

«Оберегайте честь и покой матери вашей.

«Изъ за траура ко мнѣ не нарушайте ничѣмъ обычнаго порядка въ домѣ: лампы пусть горятъ, столъ стоитъ накрытымъ и ложе убраннымъ — все по прежнему.

«Иосифъ хайфянинъ и Симеонъ ефратянинъ, прислуживавшіе мнѣ при жизни, пусть займутся приготовленіями къ моему погребенію».

Далѣе Раби заявилъ:

— Прошу ученыхъ зайти ко мнѣ.

Когда ученые явились, онъ сказалъ:

«— Прошу васъ нигдѣ не устраивать по мнѣ траура.

«По истеченіи тридцати дней послѣ моей кончины приступите вновь къ обычнымъ занятіямъ въ академіи.

«Хахамомъ будетъ сынъ мой Симеонъ, патриархомъ мой сынъ Гамліель, главою академіи Ханина бенъ Хамма».

Отпустивъ ученыхъ, Раби велѣлъ позвать младшаго сына, р. Симеона, и подробно объяснилъ ему правила, которыхъ долженъ придерживаться хахамъ.

Призвавъ затѣмъ старшаго сына, р. Гамліеля, и изложивъ ему правила патриаршества, Раби прибавилъ:

«— Завѣщаю тебѣ держать патриаршую власть на подобающей высотѣ и соблюдать строгое отношеніе къ ученикамъ».

*

Въ послѣдній день передъ смертью Раби учеными объявленъ былъ постъ, и молебствія происходили непрерывно.

Вѣрная служанка Раби взошла на кровлю и стала горячо звать къ Господу, говоря:

«— На небесахъ ждуть Раби, и на землѣ не желаютъ разстаться съ нимъ. Дай Господи земнымъ побѣдить небесныхъ!»

Но когда она сошла вниз и увидѣла, какъ тяжело страдаетъ любимый учитель, борясь со смертию, она страстно начала молить:

«— Нѣтъ, Милосердный, пусть уже побѣдятъ небесные!»

Съ этими словами она схватила глиняный кувшинъ и бросила его объ землю. При трескѣ разбитаго кувшина молебствіе прервалось — и въ ту-же минуту Раби почилъ на вѣки.

✱

Посланный Баръ-Капара нашель Раби уже скончавшимся и, разорвавъ на себѣ одежды, началъ погребальный плачь такими словами:

«Львы небесные спорили со земными твердынями
Изъ за Ковчега святыни.

Львамъ побѣда дана — и досталась въ добычу имъ
Слава Ковчега Святыни».

✱

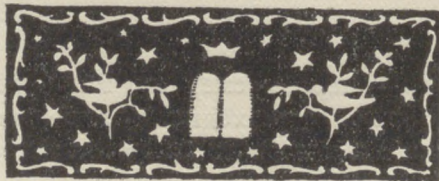
Передъ послѣднимъ вздохомъ поднялъ Раби руки свои къ небесамъ, и уста его прошептали:

— Тебѣ, Властелину міровъ, извѣстно, что я всѣми силами своими служилъ св. Торѣ Твоей и даже краемъ мизинца не извлекалъ изъ того для земныхъ благъ моихъ. Да будетъ-же воля Твоя дать мнѣ отпущеніе съ миромъ для успокоенія вѣчнаго!

И прозвучалъ Батъ-Коль:

«— Да грядетъ съ миромъ и покоиться будетъ на ложѣ своемъ».

Кет., 103—104.





ЧТОБЫ ТОРА НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЛАСЬ

Однажды, во время ученаго спора съ р. Хіей, у р. Ханины вырвались такія слова:

— Со мною споришь ты? Но тебѣ слѣдовало-бы помнить, что если-бы Тора, чего упаси Богъ, совершенно оказалась забытой, я съ моимъ знаніемъ всѣхъ тонкостей ея, самъ снова возродилъ-бы ее въ народѣ.

— А я, — сказалъ на это р. Хія, — лучше повель-бы дѣло такъ, чтобы Тора никогда не забывалась. И сдѣлалъ-бы я вотъ-что: посѣялъ-бы ленъ, сплелъ-бы сѣти и сталъ-бы ловить оленей. Мясо ихъ отдавалъ-бы сиротамъ въ пищу, а изъ кожи приготовлялъ-бы пергаментъ. И написалъ-бы я пять свитковъ Пятикнижія и отправился-бы съ ними въ такія мѣста, гдѣ ненуму заниматься первоначальнымъ ученіемъ. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ я пятерыхъ дѣтокъ обучилъ-бы Пятикнижію и шестерыхъ другихъ шести отдѣламъ Мишны. И каждому изъ нихъ былъ-бы наказъ отъ меня: «До слѣдующаго моего прихода сюда повторяйте сами и другъ друга обучайте тому, чему я научилъ васъ». Этимъ я достигъ-бы того, чтобы Тора никогда не забывалась въ народѣ. *Сот., 49.*

Р. ХІЯ И АНГЕЛЪ СМЕРТИ

Пришло время р. Хіи умереть. Но не было у ангела смерти власти приблизиться къ нему. Принялъ ангелъ смерти образъ нищаго и, постучавшись въ дверь къ р. Хіи, сталъ молить:

— Вынеси мнѣ кусокъ хлѣба.

Когда ему дали хлѣба, онъ обратился къ р. Хіи, говоря:

— Надъ нищимъ ты сжалился, почему-же ты ко мнѣ жалости не имѣешь?

И при этихъ словахъ сверкнула огненная лоза въ рукахъ ангела. Тотчасъ-же р. Хія покорно отдалъ ему душу свою.

Моэдъ-К., 28.

ТРОНЪ ПРАВЕДНИКА

Р. Хабиба рассказывалъ:

— Я зналъ одного благочестиваго ученаго, котораго часто посѣщаль Илія-пророкъ. Замѣтилъ я, что у этого ученаго глаза имѣютъ удивительное свойство: утромъ они совершенно ясны, а къ вечеру кажутся будто опаленными огнемъ. Спросилъ я его, отчего это происходитъ, и онъ разсказаль мнѣ слѣдующее:

— Я попросилъ однажды Илію-пророка дать мнѣ увидѣть, какъ души праведниковъ восходятъ въ Синедрионъ Небесный. На это Илія отвѣтилъ:

— Хорошо. Но помни: ты можешь глядѣть на всѣхъ праведниковъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ сидитъ р. Хія.

— А по какому признаку, — спросилъ я, — смогу я отличить его отъ другихъ?

— Вотъ по какому: всѣхъ праведниковъ туда и обратно сопровождаютъ ангелы, а кресло, на которомъ сидитъ р. Хія, само поднимается и опускается вмѣстѣ съ нимъ.

Но я не удержался, взглянулъ туда — и въ то-же самое мгновение двѣ огненные брызги ударили мнѣ въ глаза, и я ослѣпъ. На завтра пошелъ я къ гробницѣ р. Хія, простерся ницъ надъ склепомъ и сталъ молить:

«— Раби! Твою Мишну изучаю я. Смилуйся надо мною!»

И зрѣніе возвратилось мнѣ.

Баба-М., 85.



**Р. ИОХАНАНЪ И Р. СИМЕОНЪ БЕНЪ
ЛАКИШЪ (РЕШЪ-ЛАКИШЪ)**

Кто желалъ-бы получить представленіе о красотѣ р. Иоханана, пусть возьметъ вазу чистѣйшаго серебра, наполненную гранатовыми зернами и съ розовой гирляндой по краю ея, и помѣститъ ее такъ, чтобы на нее падала игра лучей и тѣней. Это дастъ нѣкоторое представленіе о дивной красотѣ р. Иоханана.

Самъ р. Иохананъ говорилъ о себѣ:

— Я послѣдній изъ красивыхъ людей Иерусалима. *Баба-М., 84.*

ВЛАСТЬ ЖИЗНИ

Къ заболѣвшему р. Элазару зашелъ р. Иохананъ и засталъ его лежащимъ въ полутемной комнатѣ. Обнажилъ р. Иохананъ одно предплечье свое, и отъ бѣлизны тѣла его точно свѣтъ во тьмѣ блеснулъ. При видѣ этого слезы появились на глазахъ у р. Элазара. Спрашиваетъ р. Иохананъ:

— О чемъ слезы эти, Элазаръ? Если о томъ, что ты въ ученіи недостаточно успѣлъ, то давно мудрецами сказано: «Кто больше, кто меньше — безразлично, лишь-бы съ душою искренней». Если о томъ, что приходилось тебѣ нужду испытывать, то не каждому суждено въ жизни за двумя столами* сидѣть. Если о томъ, что ты бездѣтнымъ остался, то погляди — вотъ зубокъ моего десятаго ребенка, единственное, что я могъ оставить себѣ на память о всѣхъ бывшихъ у меня десяти сыновьяхъ.

* Т. е. обладать одновременно и ученостью, и богатствомъ.

— Нѣтъ, Іохананъ, — отвѣчаетъ р. Элазаръ, — я видѣлъ твою красоту и невольно заплакалъ при мысли о томъ, что и такой красотѣ суждено глѣть въ могилѣ.

— Ты правъ, Элазаръ! — И у самого р. Іоханана при этихъ словахъ показались слезы на глазахъ, — *объ этомъ* и поплакать намъ, смертнымъ, не грѣшно.

Берах., 5.

ЗА БОГАТСТВОМЪ

Илпа и р. Іохананъ учились вмѣстѣ и были оба очень бѣдны. Посовѣтывались они однажды другъ съ другомъ и рѣшили позаняться какимъ нибудь торговымъ дѣломъ, — «Авось, говорили они, исполнится на насъ сказанное: *«Не будетъ у тебя нищаго»*».

Отправились они въ поиски за счастьемъ. Проголодавшись въ пути, они присѣли закусить подъ стѣною какой-то ветхой постройки. Явились два ангела, и слышитъ р. Іохананъ, какъ одинъ ангелъ говорить другому:

— Обрушимъ на нихъ стѣну и умертвимъ ихъ: эти люди пренебрегли блаженствомъ вѣчности, предпочитая блага краткой земной жизни.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ другой, — мы ихъ трогать не должны: одному изъ нихъ предстоитъ высокое назначеніе въ жизни.

— Слышишь? — спрашиваетъ р. Іохананъ Илпу.

— Я не слышу ничего, — отвѣчаетъ Илпа.

Подумалъ р. Іохананъ такъ:

Я слышалъ разговоръ ангеловъ, а Илпа нѣтъ. Значитъ, мнѣ именно и предстоитъ то высокое назначеніе, о которомъ у нихъ была рѣчь.

И говоритъ р. Іохананъ Илпѣ:

— Я, товарищъ, рѣшилъ возвратиться къ прежнимъ занятіямъ. А что касается нужды, то сказано вѣдь также: *«Нельзя-же не бывать нуждающемуся на землѣ»*.

Возвратился р. Іохананъ одинъ. И когда Илпа покончилъ со своими торговыми дѣлами и тоже вернулся обратно, р. Іохананъ уже былъ увѣнчанъ высокимъ титуломъ главы академіи.

Таан., 21.

ВЫБРАЛЪ БЛАГУЮ ЧАСТЬ

Р. Иохананъ отправился однажды на прогулку изъ Тиверіады въ Сепфорисъ. Онъ шель, опираясь на плечо ученика своего р. Хія баръ Аба. Проходя мимо воздѣланнаго поля, говоритъ р. Иохананъ:

— Вотъ этотъ участокъ прежде принадлежалъ мнѣ, и я продалъ его, чтобы получить возможность всецѣло посвятить себя ученью.

Дальше шла оливковая роща.

— И эта роща была моей собственностью, и я также продалъ ее ради той-же цѣли.

За рощей былъ виноградникъ.

— Когда-то и этотъ виноградникъ былъ моимъ, и я для той-же надобности продалъ его.

Слыша это, не могъ удержаться отъ слезъ р. Хія и говоритъ:

— Я невольно плачу, думая о томъ, что ты, учитель, остался на старости лѣтъ ничѣмъ не обеспеченнымъ.

— Что ты говоришь, Хія, сынъ мой! А развѣ въ твоихъ глазахъ не имѣетъ значенія то, что продано мною добро, цѣликомъ сотворенное въ продолженіи шести дней, а пріобрѣтено сокровище, на появленіе котораго потребовалось для самого Господа цѣлыхъ сорокъ дней!

Шем.-Р., гл. 47; Песик.

ВСѢ ЛЮДИ — БРАТЬЯ

Р. Иохананъ считалъ за правило, что-бы онъ не ѣлъ самъ, дѣлиться со своимъ слугой, вспоминая при этомъ слова Іова: «Вѣдь Тотъ-же, Кто въ утробѣ создалъ меня, создалъ и его и равно образовалъ насъ во чревѣ».

Іеруш., Кет.

О ТОМЪ, КАКЪ РЕШЪ-ЛАКИШЪ СПАССЯ ОТЪ ЛЮДОѢДОВЪ

Решъ-Лакишъ, находясь въ тяжелой нуждѣ, нанялся въ работники къ людямъ одного дикаго племени. Каковъ-же былъ его ужасъ, когда онъ узналъ, что хозяйева его — людоѣды, и, какъ только его откормятъ хорошенько, онъ неминуемо будетъ ими убитъ и съѣденъ. Вспомнилъ онъ, однако, о существовавшемъ у этихъ людоѣдовъ

обычаѣ: передъ тѣмъ, какъ убить своего плѣнника, безпрекословно исполнить все, о чемъ онъ ни попросить. По ихъ мнѣнію, отъ этого кровь его становится слаще.

Имѣя это въ виду, онъ взялъ мѣхи со спрятаннымъ въ нихъ увѣсистымъ камнемъ и, когда назначена была его казнь, онъ говоритъ людоѣдамъ:

— Имѣю одну просьбу. Дайте связать себя и посадить на землю, а я каждому изъ васъ вотъ этими мѣхами дамъ по полтора удара.

Дикари соглашаются. Перевязалъ ихъ всѣхъ Решъ-Лакишъ и пошелъ колотить ихъ своими мѣхами. Взвыли дикари, отъ боли при каждомъ ударѣ судорожно зубы скалятъ. А Решъ-Лакишъ бьетъ и приговариваетъ:

— Вы что-же это, зубы на меня еще скалите? По остальному полуудару получить вамъ хочется?

Такъ всѣхъ ихъ и перебилъ.

Гит., 47.

«ЛЕВЪ ИЗЪ ВАВИЛОНА»

Когда равъ Кагана собрался переселиться изъ Вавилона въ Палестину, сказалъ ему учитель его Равъ (равъ Аба):

— Когда ты поступишь въ школу р. Иоханана, ты въ продолженіи семи лѣтъ, при занятіяхъ его съ учениками, не вступай съ нимъ ни въ какіе ученые споры.

Явившись въ школу, равъ Кагана засталъ тамъ Решъ-Лакиша повторяющимъ съ учениками лекцію р. Иоханана. Не зная еще Решъ-Лакиша въ лицо, онъ сталъ спрашивать:

— Скажите, кто здѣсь Решъ-Лакишъ?

Спрашиваютъ ученики:

— А для чего тебѣ нуженъ Решъ-Лакишъ?

— Хочу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу одной лекціи р. Иоханана. Такія-то положенія въ этой лекціи подлежатъ такимъ-то возраженіямъ, а другія требуютъ такой-то и такой-то аргументаціи.

Сообщили объ этомъ Решъ-Лакишу. И говоритъ Решъ-Лакишъ р. Иоханану:

— Изъ Вавилона левъ прибылъ сюда, и къ завтрашней лекціи тебѣ слѣдуетъ подготовиться особенно основательно.

На завтра, когда слушатели собрались на лекцію р. Іоханана, отвели равъ Каганѣ мѣсто въ первомъ ряду учениковъ, поближе къ лектору. Объяснилъ р. Іохананъ одну галаху и ждетъ, что скажетъ равъ Кагана. Но равъ Кагана молчитъ. Объяснилъ вторую галаху — равъ Кагана все молчитъ. Перевели его изъ перваго ряда во второй, затѣмъ въ третій, пока онъ наконецъ не оказался въ послѣднемъ ряду, въ седьмомъ.

Говоритъ р. Іохананъ Решъ-Лакишу:

— Левъ-то твой лисицей оказался.

Этого уже равъ Кагана стерпѣть не могъ.

— Это пониженіе, — сказалъ онъ себѣ, — по всѣмъ семи рядамъ, до самаго послѣдняго, которому меня подвергли здѣсь, вполне равносильно семи годамъ молчанія, возложеннаго на меня моимъ учителемъ Равомъ.

Съ этой мыслью онъ встаетъ и заявляетъ:

— Прошу р. Іоханана потрудится повторить свою лекцію.

Повторилъ р. Іохананъ объясненія свои къ первой галахѣ, и равъ Кагана тутъ-же опровергъ всѣ его доводы. Объяснилъ р. Іохананъ слѣдующую галаху — равъ Кагана опять началъ блестяще оспаривать его сужденія. И такъ далѣе, пока равъ Кагану постепенно вновь не перевели въ первый рядъ слушателей. Всѣ присутствующіе обыкновенно помѣщались сидя на полу, р. Іоханану-же клались для сидѣнія семь подушекъ одна на другую. По мѣрѣ того, какъ равъ Кагана возражалъ ему, р. Іохананъ, послѣ каждого удачнаго возраженія, вынималъ одну подушку и отбрасывалъ ее въ сторону, пока наконецъ не остался сидѣть на полу наравнѣ со всѣми своими учениками.

Баба-К., 117.

ЧЕТЫРЕ МОНУМЕНТА

Однажды пришлось Решъ-Лакишу въ дорогѣ перебраться черезъ залитое водою мѣсто. Случившійся тамъ незнакомецъ предложилъ перенести его на плечахъ.

Решъ-Лакишъ принялъ услугу и спрашиваетъ того человѣка:

— Учился ты Писанію?

— Да, — отвѣчаетъ тотъ.

— И Мишнѣ?

— Прошелъ четыре отдѣла.

— Какъ! — воскликнулъ Решъ-Лакишъ, — цѣлыхъ четыре утеса-монумента воздвигъ ты себѣ. Такъ тебѣ ли носить Решъ-Лакиша на плечахъ своихъ? Въ воду брось его! Мег., 28.

КНЯЗЮ — СВОЕ, БОГУ — СВОЕ

— Уличенный въ грѣхѣ патриархъ? — Мое мнѣніе таково, — заявилъ Решъ-Лакишъ: сорокъ ударовъ плетью и лишеніе патриаршества навсегда!

Доложили объ этомъ патриарху р. Іудану. Воспылалъ гнѣвомъ патриархъ и послалъ арестовать Решъ-Лакиша. Бѣжалъ Решъ-Лакишъ — одни говорили: въ какую-то башню, другіе: въ село Хитинъ.

Пришелъ на завтра въ коллегію р. Іохананъ; явился и р. Іуданъ. Видя, что р. Іохананъ долго не появляется на кафедрѣ, р. Іуданъ спрашиваетъ:

— Отчего, раби, не начинаешь своей лекціи?

Началь р. Іохананъ читать, но трудно вязалась рѣчь его, точно однорукой за работу взялся.

Р. Іуданъ такъ и выразился, обращаясь къ нему.

— Да, — сказалъ на это р. Іохананъ, — безъ Решъ-Лакиша я, точно, что безъ руки.

— Но куда-же дѣвался Решъ-Лакишъ?

— Находится, говорятъ, въ какой-то башнѣ.

— Завтра, — заявилъ, смягчившись, р. Іуданъ, — пойдемъ со мною къ нему.

Послалъ р. Іохананъ предупредить Решъ-Лакиша и сказать ему:

— Приготовь подходящее привѣтствіе къ приходу патриарха.

Когда патриархъ, въ сопровожденіи р. Іоханана и другихъ, приблизился къ башнѣ, Решъ-Лакишъ встрѣтилъ его такими словами:

— Мое освобожденіе отсюда, патриархъ, ты обставилъ по примѣру Всевышняго: для освобожденія Израиля изъ Египта Онъ не послалъ ни смертнаго, ни ангела, но явился Самъ со всѣмъ воинствомъ Своимъ.

Говорятъ ему:

— Какъ-же ты позволилъ себѣ такъ рѣзко выразиться относительно суда надъ патріархомъ?

— А вы какъ думали, — отвѣчаетъ Решъ-Лакишъ, — стану я изъ страха передъ вами измѣнять ученію Господа моего?

Иеруш., Санг. 2.





ИСКРЫ МУДРОСТИ

Когда Иси баръ Гуна прибылъ изъ Вавилона въ Палестину, встрѣтился съ нимъ р. Иохананъ и спрашиваетъ:

— Кто у васъ теперь въ Вавилонѣ главою академіи?

— Аба-долговязый*, — отвѣчаетъ Иси.

— Долговязый! — восклицаетъ съ негодованіемъ р. Иохананъ, — я живо помню его еще въ то время, когда я учился съ нимъ въ школѣ Раби. Я помѣщался семнадцатью рядами ниже Рава, — и помню я, когда между нимъ и Раби, бывало, завяжется ученый диспутъ, искры божественнаго огня перелетали у обоихъ изъ устъ въ уста. Я за потокомъ ихъ ученыхъ рѣчей и услѣдить не въ состояніи былъ. А ты, кромѣ «долговязый», и названія другого не нашель для него!
Хул., 117.

ЛОЖЬ НЕДОПУСТИМА НИКОГДА

Жена Рава была чрезвычайно непокорливаго характера и всегда дѣлала на перекоръ ему: попросить онъ сварить ему чечевицы, она сварить гороху, попросить гороху — сварить чечевицы. Когда сынъ ихъ Хія подросъ и замѣтилъ это, онъ сталъ передавать ей просьбы отъ отца наоборотъ, такъ что выходило почти всегда такъ, какъ желалъ Равъ. Говоритъ онъ однажды сыну:

— Нравъ у твоей матери, я замѣчаю, куда лучше сталъ.

— Такъ вѣдь это-же потому, — отвѣчаетъ Хія, — что я твои распоряженія передавалъ ей какъ разъ наоборотъ.

— Такъ вотъ оно что! — улыбнулся Равъ, — не даромъ люди говорятъ: «У дѣтей учитеь мудрости». Это ты умно придумалъ, а все-таки больше такъ не дѣлай: ложь недопустима никогда. *Леб., 83.*

* Прозванъ былъ такъ въ народѣ за свой непомѣрно высокій ростъ.

САМУИЛЬ (ЯРХИНАИ*)

СИРОТСКІЯ ДЕНЬГИ

Абѣ бенъ Абѣ, отцу Самуила, часто отдавались на храненіе сиротскія деньги. Умеръ онъ въ чужомъ городѣ, вдали отъ семьи. Самуилу не было извѣстно, гдѣ спрятаны были отцомъ тѣ деньги, и онъ не могъ возратить ихъ сиротамъ. Стали люди упрекать Самуила, называя его «сыномъ пожирателя сиротскихъ денегъ».

Рѣшилъ Самуиль во что бы то ни стало узнать, гдѣ находятся деньги и съ этой цѣлью отправился въ тотъ городъ, гдѣ умеръ его отецъ.

Приходить онъ на кладбище и начинаетъ допытываться:

— Гдѣ тутъ погребенъ Аба?

— Покойниковъ съ именемъ Аба, — отвѣчаютъ ему, — здѣсь много.

— Аба бенъ Аба.

— И Аба бенъ Аба не мало.

— Объ Абѣ бенъ Абѣ, отцѣ Самуила, спрашиваю я.

[И слышитъ онъ Голосъ]:

«— Отецъ Самуила вознесся въ Иешиба-шелъ-Майла».

Видитъ Самуиль — отецъ явился передъ нимъ, на глазахъ его слезы, на устахъ радостная улыбка.

Спрашиваетъ онъ отца:

— О чемъ плачешь и чему радуешься?

Отвѣчаетъ отецъ:

— Плачу я оттого, что вскорѣ и тебѣ лежитъ дорога сюда, а радуюсь потому, что высокія почести ждуть тебя въ жизни вѣчной.

* Отъ слова «Jageach» — луна. Прозванъ былъ такъ за свои обширныя познанія въ астрономіи.

Спрашиваетъ затѣмъ Самуиль:

— Гдѣ спрятаны тобою сиротскія деньги?

— Ты найдешь ихъ, — отвѣчаетъ Аба, — въ мельничномъ поставѣ; сверху и снизу лежатъ наши собственныя, а въ серединѣ сиротскія.

— Для чего положилъ ты ихъ такимъ образомъ?

— А вотъ для чего: лежащія сверху деньги могутъ быть замѣчены кѣмъ нибудь и похищены, лежащія внизу — попорчены отъ сырости; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пострадаемъ мы, а деньги сиротскія останутся въ сохранности.

Берах., 18.



РАВЪ ГУНА

ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Рава просилъ однажды Рафрама баръ Папу подѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями о равѣ Гунѣ.

— Въ молодые годы, — отвѣтилъ Рафрамъ баръ Папа, — я съ равѣ Гуной знакомъ не былъ, а зналъ его уже старикомъ. Помню я такую его привычку: когда наступало ненастное время года, равѣ Гуна, несомый въ золоченомъ паланкинѣ, обходилъ всѣ улицы города, осматривая строения, чтобы удостовѣриться въ достаточной ихъ прочности. Если гдѣ-нибудь стѣна или заборъ оказывались недостаточно прочными и угрожающими общественной безопасности, онъ приказывалъ тутъ-же ихъ повалить и возвести новые. Если же хозяинъ не въ состояніи былъ произвести требуемый расходъ, равѣ Гуна производилъ ремонтъ на собственные средства.

Кромѣ того, въ каждый канунъ субботы, когда начнетъ вечерѣть, онъ посылалъ на базаръ съ порученіемъ скупать всѣ оставшіеся непроданными овощи и зелень. Дѣлалось это имъ съ той цѣлью, чтобы торговцы не терпѣли убытковъ и продолжали привозить зелень и овощи на каждую субботу.

Дома у себя равѣ Гуна держалъ открытый столъ и передъ каждой трапезой приказывалъ открывать настежь двери своей столовой и всѣхъ желающихъ приглашать къ столу.

Таан., 20.

ЧЕТЫРЕСТА БОЧЕКЪ СКИСШАГО ВИНА

У равъ Гуны однажды скисло четыреста бочекъ вина*.

Узнавъ объ этомъ, пришли къ равъ Гуна законоучители и говорятъ:

— Раби, изслѣдуй и взвѣсь поступки свои.

— А вы, — спрашиваетъ равъ Гуна, — считаете возможнымъ заподозрить меня въ какомъ нибудь дурномъ поступкѣ? Если кому о чемъ либо подобномъ извѣстно, пусть скажетъ.

— Намъ передавали, что ты своему арендатору не выдаешь положенной ему доли хворосту при обрѣзкѣ виноградниковъ.

— Но вѣдь арендаторъ этотъ лучше дѣлаетъ, — воруетъ все цѣликомъ.

— Вотъ видишь, люди и правы, говоря: «Укради хотя-бы и у вора — и войдешь во вкусъ воровства».

— Вы правы, — согласился равъ Гуна, — беру на себя отнынѣ отдавать ему все, что слѣдуетъ.

Вскорѣ послѣ того укусу настолько вздорожалъ, что равъ Гунѣ удалось продать всѣ сорокъ бочекъ по цѣнѣ настоящаго вина.

Берах., 5.

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ РАВЪ ГУНЫ

Умеръ равъ Гуна скоропостижно, и это привело въ большое смущеніе его товарищей-ученыхъ**. Успокоило ихъ объясненіе, приведенное Зогой изъ Адиабена: «Особое значеніе имѣетъ скоропостижная смерть только въ возрастѣ до восьмидесяти лѣтъ. Послѣ-же этого, наоборотъ, внезапная кончина почитается сладостной какъ поцѣлуй отъ устъ Господнихъ».

*

Когда тѣло равъ Гуны прибыло въ Палестину, вышли отдать послѣдній долгъ умершему р. Ами и р. Иси (съ которыми, въ быт-

* Въ тѣ времена причину подобныхъ явленій склонны были видѣть скорѣе въ какой нибудь религіозной или нравственной погрѣшности владѣльца, чѣмъ въ естественныхъ условіяхъ порчи вина.

** Скоропостижная смерть, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствуетъ понятію «праведной кончины».

ность ихъ въ Вавилонѣ, р. Гуна постоянно вступалъ въ ожесточенные диспуты). Стали обсуждать, гдѣ избрать мѣсто для его погребенія, и рѣшено было похоронить его въ склепѣ р. Хи: оба они имѣли одинаково великія заслуги въ дѣлѣ насажденія св. знанія въ народѣ.

Кому-же поручить погребеніе? Вызвался равъ Хага:

— Я, — заявилъ онъ, — все время учился у р. Хи, постоянно при немъ находился и хорошо изучилъ его отношеніе къ себѣ и къ людямъ.

Дали ему на руки гробъ съ тѣломъ равъ Гуны, и онъ спустился съ нимъ въ склепъ. А въ томъ склепѣ, кромѣ р. Хи, покоились также двое сыновей его — по правой сторонѣ Иуда, по лѣвой Хизкія.

Обратился Иуда къ могилѣ Хизкіи и сказалъ:

— Встань, Хизкія! Не подобаешь тебѣ покоиться въ мирѣ, когда снаружи ждетъ равъ Гуна.

Мгновенно показался изъ гроба Хизкія, а вмѣстѣ съ нимъ столпъ огненный всталъ передъ равъ Хагой. Дрожащими руками опустилъ равъ Хага гробъ съ тѣломъ равъ Гуны и радъ былъ, что ему удалось выбраться съ миромъ изъ склепа. *Моздъ-К., 25 и 29.*





ЗРЯЧІЙ СЛѢПОЙ

Равъ Шешеть былъ слѣпъ на оба глаза. Черезъ каждыя тридцать дней онъ повторялъ въ умѣ все, чему онъ прежде учился, и каждый разъ радостно восклицалъ послѣ этого:

«— Ликуй, душа моя! Торжествуй и радуйся! Для тебя учился я св. писанію, и Мишиѣ учился на радость тебѣ!»

*

Однажды все населеніе вышло навстрѣчу кесаря, прибытіе котораго ожидалось въ томъ городѣ. Пошелъ и равъ Шешеть. Замѣтилъ его нѣкій еретикъ и говоритъ:

— Кувшины по воду пошли, а черепки куда-же это?

— Идемъ, — отвѣчаетъ равъ Шешеть, — и увидишь, что я, слѣпой, знаю больше тебя, зрячаго.

Съ шумомъ и звономъ оружія проходитъ легіонъ.

— Кесарь идетъ! — говоритъ еретикъ равъ Шешету.

— Нѣтъ еще, — отвѣчаетъ слѣпой.

Шумно проходитъ слѣдующій легіонъ.

— Вотъ уже кесарь прибылъ! — говоритъ еретикъ.

— Нѣтъ еще, — повторяетъ слѣпой.

Наступила торжественная тишина, и медленно стали приближаться третій легіонъ.

— Вотъ теперь дѣйствительно кесарь идетъ, — заявилъ равъ Шешеть.

— Какъ-же ты это узналъ?

— Весьма просто. «Царство земное, — сказано нашими мудрецами, — подобно царству небесному». И также было при явленіи Господа Ильѣ-пророку: была буря, но не въ бурѣ, а въ вѣяніи тихомъ шествовалъ Господь.

Когда кесарь приблизился, равъ Шешеть торжественно произнесъ установленное на этотъ случай благословеніе.

— Удивляюсь тебѣ, — сказалъ насмѣшливо еретикъ, — расточаешь благословенія тому, кого ты даже увидѣть не можешь.

Навелъ равъ Шешеть на лицо его незрячіе глаза свои, брызнули искры изъ нихъ — и на вѣки погасъ свѣтъ въ глазахъ у еретика.

Берах., 52.





ИСПЫТАНІЯ И КОНЧИНА ЕГО

О Рабѣ барѣ Нахмани донесли кесарю:

— Есть одинъ человѣкъ среди евреевъ, по винѣ котораго* двѣнадцать тысячъ израильтянъ ежегодно одинъ лѣтній мѣсяцъ и одинъ зимній не платятъ царской подати.

Отправленъ былъ царскій посланецъ задержать Рабу барѣ Нахмани и привести его. Но Раба бѣжалъ изъ Пумбедиты. — — — Добравшись, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ, до Агама** Раба взобрался на верхушку пальмы и, притаившись тамъ, углубился въ св. ученіе. Въ это время происходилъ споръ въ Иешибъ-шель-Майла по законамъ о ритуальной чистотѣ. — — — Для разъясненія спорнаго вопроса рѣшено было призвать на небо душу Раба барѣ Нахмани, величайшаго авторитета по вопросамъ ритуальной чистоты. Однако, Ангелу Смерти невозможно было приблизиться къ нему, потому что Раба ни на мгновение не отвлекался отъ св. ученія. Но вотъ, повѣялъ вѣтеръ, въ тростникахъ зашумѣлъ. Подумалъ Раба: «отрядъ кесаровыхъ всадниковъ скачетъ» — и рѣшилъ: «лучше приму кончину отъ руки Ангела Смертнаго, чѣмъ отдаться въ руки кесаря». И со словомъ «Чисто! Чисто!» онъ умеръ.

Раздался Батъ-Коль, вѣщая:

* Приходя слушать поученія Рабы, люди эти бросали свои обычныя занятія, лишались заработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ для уплаты податей.

** Предмѣстье Пумбедиты.

— Благо тебѣ, Раба баръ Нахмани! Чиста была плоть твоя, и со словомъ «чисто» душа твоя отлетѣла.

Упали въ Пумбедитѣ письма съ неба: «Раба баръ Нахмани призванъ въ Іешибу-шелъ-Майла». Отправились Абаія и Рава и всѣ прочіе ученые съ ними, чтобы совершить погребеніе усопшаго, но не знали они, гдѣ онъ находится. Пришли въ Агамъ и видятъ: птицы стоятъ и поднятыми крыльями мѣсто одно осѣняютъ. «Навѣрное тамъ онъ» — сказали они. Подошли и увидѣли его. — — — Семь дней кончину его оплакивали.

Въ тотъ день, когда умеръ Раба поднялась буря и одного аравитянина, проѣзжавшаго верхомъ на верблюдѣ мимо рѣки Паппы, подняло и перебросило съ одного берега на другой.

— Что это значитъ? — спросилъ аравитянинъ.

— Раба баръ Нахмани скончался, — отвѣтили ему.

Обратился тотъ аравитянинъ къ Всевышнему, говоря:

— Владыко вселенной! Весь міръ Тебѣ принадлежитъ и Раба баръ Нахмани принадлежитъ Тебѣ-же, Ты — его и онъ — Твой. Зачѣмъ же міръ разрушаешь?

И буря утихла.

Баба-М., 86.



Р. ЮСЕ ИЗЪ ЮКРАТА

НАСИЛІЕ НАДЪ ПРИРОДОЙ

Р. Юсе нанялъ работниковъ на свое поле. Случилось такъ, что онъ не могъ доставить имъ обѣдъ во-время.

— Мы голодны! — заявили они сыну р. Юсе и, бросивъ работу, усѣлись подъ фиговымъ деревомъ.

Видя это, подходитъ сынъ р. Юсе къ дереву и говорить:

— Фиговое дерево! Фиговое дерево! Дай плоды свои, чтобы работники моего отца могли голодъ свой утолить.

Тотчасъ появились плоды на вѣтвяхъ, и работники поѣли и насытились.

Въ это время подоспѣлъ р. Юсе съ обѣдомъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, обращаясь къ работникамъ, — меня задержало одно доброе дѣло, и я опоздалъ съ вашимъ обѣдомъ.

— Пусть, — отвѣчаютъ работники, — Богъ насытитъ тебя также, какъ насъ насытилъ сынъ твой.

— Какимъ-же образомъ?

Разсказываютъ они ему, какъ дѣло было съ фиговымъ деревомъ.

Услыша это, говоритъ р. Юсе сыну:

— Сынъ мой, ты позволилъ себѣ утруждать Творца и совершить насиліе надъ природой, заставивъ дерево безвременно давать плоды свои. Увы, и тебѣ суждено безвременно изъ міра уйти.

ПРОКЛЯТІЕ КРАСОТЫ

У р. Іосе была дочь замѣчательной красоты. Видитъ онъ однажды, какъ какой-то человѣкъ буравитъ отверстіе въ заборѣ и пытается увидѣть лицо дѣвушки. Спрашиваетъ его р. Іосе:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Прости, раби! — отвѣчаетъ тотъ, — не суждено мнѣ обладать ею, я хотя издали полюбоваться на нее хочу.

Говоритъ р. Іосе дочери:

— Лучше-бы тебѣ, дочь моя, въ прахъ обратиться, чѣмъ доставлять красотой своей мученія людямъ!





Р. Хаги со словъ р. Самуила баръ Нахмана говорилъ:

— Люди былыхъ временъ умѣли дѣлать все въ совершенствѣ: они и вспахивали ниву Знанія, и засѣвали ее, и пололи, и корни выкорчевывали, и гряды окапывали, и жали, и въ снопы вязали, и молотили, и вѣяли, и зерно отъ примѣсей очищали, и мололи, и просѣвали, и тѣсто мѣсили, и на части его дѣлили, и готовые для насъ хлѣбы выпекали, а мы — мы не знаемъ даже, какъ ротъ открыть и готовымъ насытиться какъ слѣдуетъ. *Иеруш., Шек.*

*

Раба баръ Земина говорилъ:

— Если прежніе наши ангеламъ подобны были, мы простымъ смертнымъ подобны; если-же они простыми смертными были, то мы недалеко отъ ословъ ушли, и не отъ такихъ, какимъ былъ оселъ р. Ханины бенъ Досы или р. Пинхаса бенъ Яира*, а отъ самыхъ обыкновенныхъ. *Шаб., 112.*

*

Р. Иохананъ говорилъ:

— У прежнихъ сердца широко, какъ притворъ предъ храмомъ**, распахивались, у послѣдующихъ — какъ двери храма***, а у насъ они игольному ушку подобны.

*

* См. выше.

** и *** Первый имѣлъ двадцать локтей въ ширину, второй только десять.


Спрашиваетъ равъ Папа Абаію:

— Почему ради прежнихъ совершались чудеса, а ради насъ не совершаются? Вѣдь то, что изучалось, напримѣръ, при равъ Іудѣ, и въ сравненіи не можетъ идти съ тѣмъ огромнымъ запасомъ знанія, какой успѣли мы приобрѣсти съ тѣхъ поръ. Между тѣмъ, стоило во время засухи равъ Іудѣ простоять на молитвѣ о дождѣ не больше времени, чѣмъ требуется, чтобъ шнурокъ на одномъ сандаліи развязать, — и дождь лить начиналъ. А мы сколько ни скорбимъ, взывая и вопія къ небесамъ — и все напрасно.

— Дѣло не въ размѣрахъ знанія и не въ продолжительности молитвы, — отвѣчаетъ Абаія, — прежніе умѣли на муки и казнь идти для прославленія имени Божьяго, а у насъ на это силъ уже не хватаетъ.

Берах., 20.





ВЪ ЧЕСТЬ УЧИТЕЛЯ

Оставляя школу и разставаясь съ любимымъ учителемъ, ученики
р. Ами исполняли въ честь его слѣдующій гимнъ:

Познай въ свой вѣкъ всю радость міра.
Грядущій путь твой — къ жизни вѣчной,
Стремленья — въ даль и глубь вѣковъ.
Будь сердцемъ Разума герольдомъ.
Пусть голосъ твой вѣщаетъ Мудрость,
И ликованіе — уста,
Зѣницы путь твой озаряютъ,
И свѣтомъ Торы блещутъ очи,
И ликъ — сіяніемъ небесъ.
Будь Знанья вѣстникомъ для міра.
И, всей душой ликуя въ Правдѣ,
Гряди Предвѣчному внимать!

Берах., 17.





Когда скончались Раба баръ равъ Гуна и равъ Гамнуна, тѣла усопшихъ перевезли на верблюдахъ изъ Вавилона въ Палестину. Выйдя навстрѣчу погребальному шествію, сапданъ началъ рѣчь свою такими словами.

Въ столѣтѣяхъ славный родъ грядетъ изъ Вавилона
И доблестей онъ лѣтопись несетъ.
Ежи ползутъ, слетѣлись пеликаны
На кару, что идетъ изъ Синеара.**
О, какъ великъ и страшенъ Божій гнѣвъ!
Чистѣйшія отнявъ у міра души,
Онъ радуется какъ женихъ невѣстѣ.
На облакахъ Грядущій торжествомъ
И ликованьемъ каждую встрѣчаетъ
Чистѣйшую и праведную душу.

НА СМЕРТЬ РАББИНЫ

Поникли пальмъ вершины, о праведномъ скорбя,
Что пальмой стройной въ жизни такъ пышно расцвѣталь.
Ночь въ день онъ превращалъ надъ вѣщей книгой Знанья, —
И нынѣ свѣтлый день намъ ночью темной сталъ.

* Плакальщики. Лица, произносившія надгробныя рѣчи, въ которыхъ изображались въ поэтической формѣ заслуги усопшаго.

** Изъ Вавилона.

НА СМЕРТЬ РАВЪ ОШЕ

Гдѣ кедры объяты пожаромъ,
Исопу-ли тамъ уцѣлѣть?
Гдѣ сѣти сомкнулись надъ левиаѳаномъ,
Тамъ рыбакѣ-ли малой спастись?
Раскинулся неводъ въ рѣкѣ многоводной,
Ручью-ли избѣгнуть его?

НА СМЕРТЬ Р. ЗЕРЫ

Въ странѣ Синеара увидѣлъ онъ свѣтъ,
Странѣ Красоты* украшеньемъ служилъ онъ.
И плачь раздается въ Сепфорисѣ:
«— Горе!
Разбить мой безцѣнный, мой лучший сосудъ!»

* Палестинѣ.



Сокращенія

- | | |
|---|--|
| <p>А.-Б. д. Сира—Алефъ-Бетъ де-
бенъ Сира.
Аб. д. Нат.—Аботъ дераби На-
танъ.
Аба-Гур.—Аба Гуріонъ.
Абк.—Абкиръ.
Ав. З.—Трактатъ Авода-Зара.
Аг. Эс.—Агадатъ Эстеръ.
Б. Б.—Трактатъ Бава-Батра.
Б. К.— « Бава-Кама.
Б. М.— « Бава-Меція.
Бам.-Р.—Бамидбаръ-Раба.
Бер.—Трактатъ Берахотъ.
Бер.-Р.—Берешить-Раба.
Бетъ-Гам.—Бетъ-Гамидрашъ.
Бик.—Бикуримъ.
Ваик.-Р.—Ваикра-Раба.
Введ.—Введеніе.
Гит.—Трактатъ Гитинъ.
Деб.-Р.—Дебаримъ-Раба.
Зеб.—Трактатъ Зебахимъ.
Іалк.—Іалкутъ (Шимони).
Іеб.—Трактатъ Іебамотъ.
Іеруш.—Талмудъ Іерушалми.
Кет.—Трактатъ Кетуботъ.
Кидд.— « Киддушинъ.
Ког.-Р.—Когелетъ-Раба.
М. Авр.—Маасе Авраамъ.
Мак.—Трактатъ Макотъ.
Мег.— « Мегилла.
Мен.— « Менахотъ.
Мид., Мидр.—Мидрашъ.
Мид. Ас. Гад.—Мидрашъ Асеретъ
Гадибротъ.
Мид. Миш.—Мидрашъ-Мишлэ.</p> | <p>Мидр. Сам.—Мидрашъ Самуиль.
Нед.—Трактатъ Недаримъ.
П. (Аб.)—Пирке (Аботъ).
П. (Пир.) д. Ел.—Пирке дераби
Еліезеръ.
Пес.—Трактатъ Песахимъ.
Пес. д. К.—Песикта деравъ Ка-
гана.
Песик. (Р.)—Песикта (Рабоси).
Пон. Ах.—Понимъ Ахеримъ.
Р.—Раби.
Р. Гаш.—Трактатъ Рошъ-Гашана.
Санг.— „ Сангедринъ.
Сеф. Гаіаш.—Сеферъ Гаіашаръ.
Сиф.-З.—Сифре Зуту.
Сот.—Трактатъ Сотта.
Сук.— „ Сукка.
Т. д. Ел.—Танна дебэ Елія.
Таан.—Трактатъ Таанить.
Там.— „ Тамидъ.
Танх.—Танхума.
Танх. Гак.—Танхума Гакодумъ
Тарг. Ш.—Таргумъ Шени.
Тиф. Иск.—Тифересъ Исроэль.
Тос., Тосеф.—Тосефта.
Хаг.—Трактатъ Хагига.
Хул.— „ Хулинъ.
Ш. Гаш. Р.—Ширъ Гаширимъ
Раба.
Шаб.—Трактатъ Шабботъ.
Шек.— „ Шекалимъ.
Шем.-Р.—Шемотъ-Раба.
Шох. Т.—Шохеръ Товъ.
Эр. Эрув.—Трактатъ Эрувинъ.
Эха Р.—Эха Раба.</p> |
|---|--|

Оглавление

	Стр.		Стр.
Эпоха Второго храма		Хони Гамеагель и его потомки	
Храмъ	11	Моленіе о дождѣ	58
Симеонъ Праведный	12	Сонъ Хони Гамеагела	60
Александръ Македонскій	14	Ученые и поденщикъ	61
Мать семерыхъ	18	Ради малыхъ сихъ	63
Чудо съ елеемъ	20		
Гирканъ и Аристовуль	21	Гиллель старшій	
Иродъ	—	Вступленіе въ академію	64
Жертвоприношенія	23	Долготерпѣніе Гиллеля	—
Не въ мѣру усердные	—	«Вся суть Торы»	66
Приношеніе первинокъ	24	«Хочу быть первосвященникомъ»	—
Торжество возліянія	25	Чистота тѣлесная	67
Агриппѣ польстили	26	«Гость въ домѣ»	68
Жертва за враговъ	27	Патріархъ — слуга	—
Паломники	—	Бѣдный женихъ	—
Искорки народнаго остроумія	28	По стопамъ Эзры	69
		Ученики Гиллеля	—
Разрушеніе Второго храма		«Праведный и кроткій»	70
Роковое предзнаменованіе	32		
Изъ-за чего?	—	Школа Шаммая и школа Гиллеля	
Злодѣйство Адріана	43	Побѣда кроткаго	71
Дѣти Сіонскія	44	Соперники во славу Божію	—
Господь Скорбящій	47		
Менахемъ	48	Ионатанъ бенъ Узіэль	
Скорбь о Сіонѣ	50	Божественный огонь	72
Съ тѣхъ поръ	—	Переводъ св. писанія	—
Утѣшенія	—	Побѣда челоуѣколюбія	—
Раби Симеонъ бенъ Шетахъ		Р. Акавіа бенъ Магалалэль	
Возрожденіе Торы	53	Мнѣніе большинства	74
Кто казной, кто милостью Господней	—		
Царь предъ судомъ	54	Рабанъ Іохананъ бенъ Заккай	
Находна	55	Въ школѣ и въ жизни	75
Въ пещерѣ колдуній	56	«Колесница Небесная»	76
Во славу суда и Закона	57	Ученики р. Іоханана	77

«По человѣчески»	Стр. 78
«Какъ не плакать?»	79
Предсмертное благословеніе	80
Кожаный мѣхъ и мыши	—

Р. Ханина бенъ Доса

Горсть рожновъ	81
Самопекущая печь	—
Ножка золотого стола	—
Чудо съ кровельными балками	82
Сказка о чудесныхъ козахъ	—
Чудо съ горящимъ укусомъ	83
Чудесные носильщики	84
Змѣя	85
«И тварь безсловесная»	—
«Поощаженъ или обречень»	86
Минута въ минуту	—
Слуга и вельможа	—

Рабанъ Гамліель II Ямнійскій

«Не власть, а рабство»	88
Споръ о новолуніи	89
Лишеніе патріаршества	90
Виночерпій	92
Проклятіе — благословеніе	93
Ради Торы	—
Рабъ — святой человѣкъ	94

Р. Эліэзеръ (Великій) бенъ Гирканъ

Первыя испытанія	95
Камень р. Эліэзера	98
«Не женское дѣло»	—
«Чудеса — не доказательства»	—
Всѣ плачутъ, одинъ радуется	101
«Съ покорностью и любовью»	—
Отлученіе снято	102

Р. Юшуа бенъ Хананія

«Благо родившей его»	103
Мудрость и красота	—
Левъ и журавль	104
Среди семидесяти волковъ	105
Дитя въ темницѣ	—
Дѣти смутили его	106
«Гляди на солнце»	107
Пиръ для Бога	108
Бей-Илаійскій левъ	—

Нахумъ Ишъ-Гамзо

Ишъ-Гамзо	Стр. 110
Чудесная землица	—
Самъ на себя накликаль	111

Раби Тарфонъ

Пирамида изъ орѣховъ	113
Приключеніе съ сушен. фигами	—
Покупка помѣстья	114
Мать и сынъ	—
Радость вѣнчальная	115

Раби Акиба

«Вѣнчики Торы»	116
Пастухъ и его жена	117
Вода и камень	119
Тройная польза	120
Его удовольствіе	121
«Нагибалъ голову»	—
Рознь въ средѣ ученыхъ	—
«Все къ лучшему»	122
Долгъ повелѣваетъ	—
Вельможа обидѣлся	123
Лисица и рыбы	124
Казнь р. Акибы	—
Ночлегъ блаженный	125

Десять великомучениковъ

«Печать кары Господней»	127
Р. Симеонъ и р. Исмаиль	128
Р. Акиба бенъ Иосифъ	131
Р. Ханина бенъ Терадіонъ	—
Р. Иуда бенъ Баба	133
Р. Иуда бенъ Дамма	134
Раби Хуццитъ Тургеманъ	135
Р. Ханина бенъ Хахинай	136
Р. Иешевавъ Га-Соферъ	—
Р. Эліэзеръ бенъ Шаммуа	137

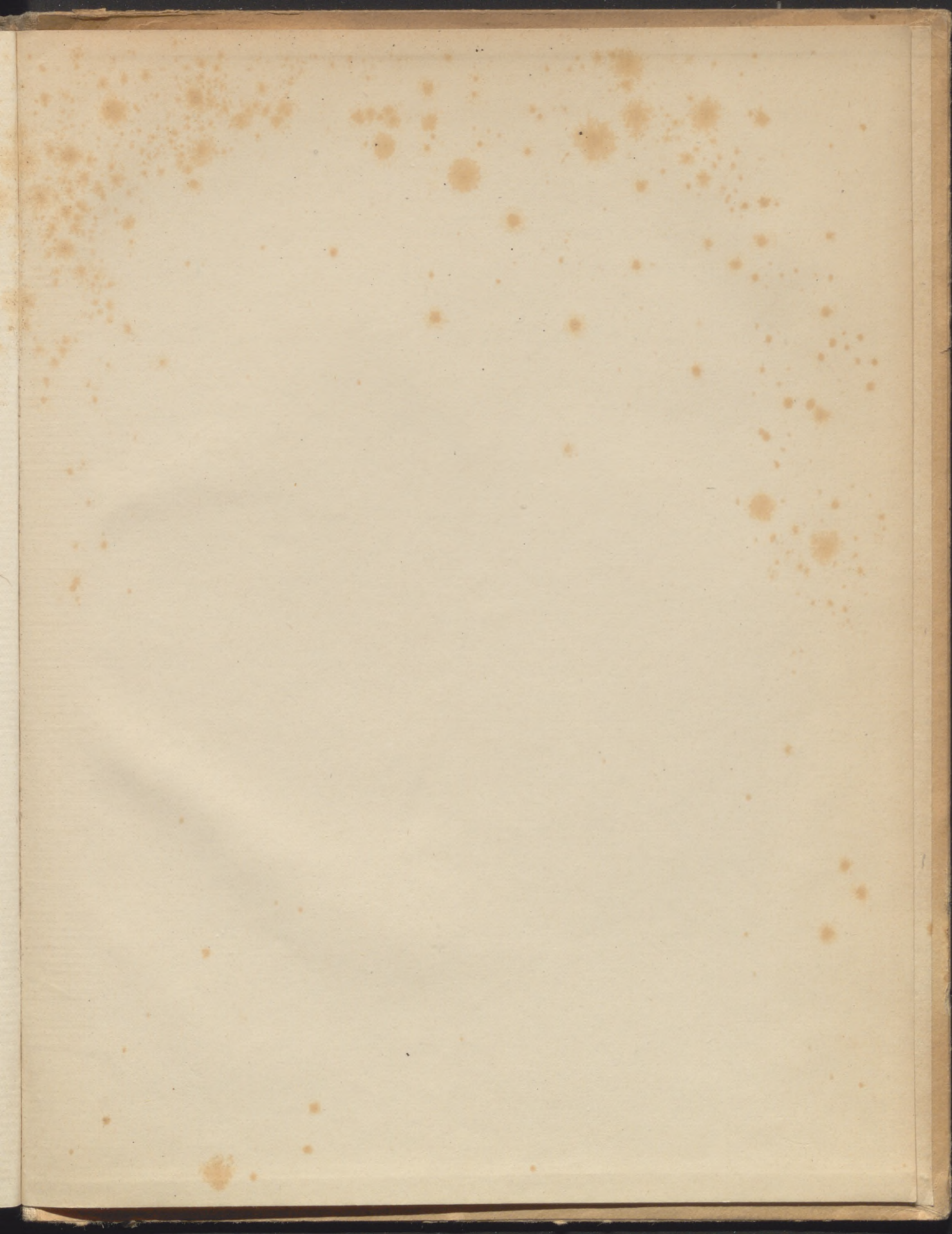
Р. Меиръ (Негораи). Элиша бенъ Абуя (Ахеръ). Берурія

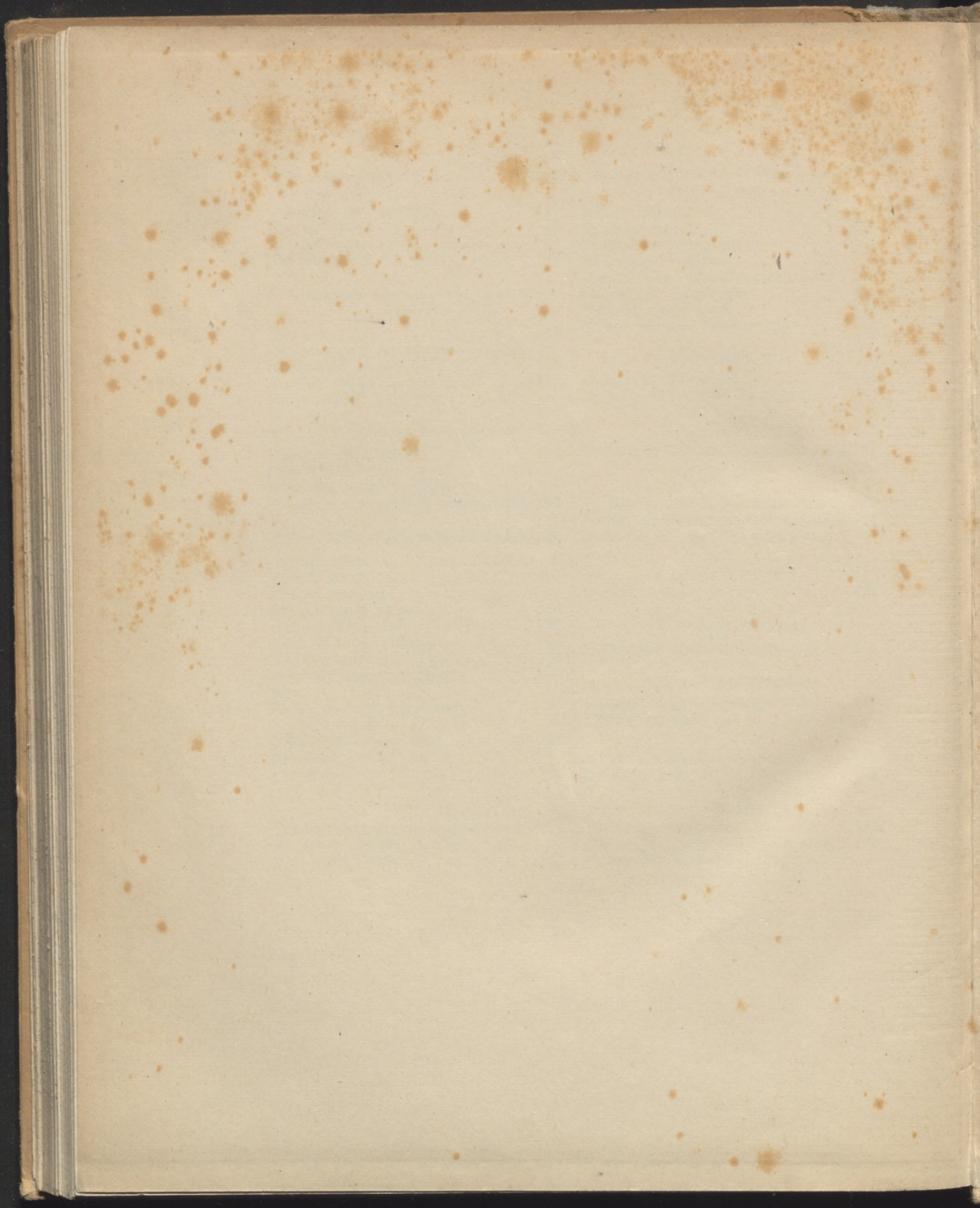
Ремесло р. Меира	139
Священная работа	—
Титанъ	140
Изъ-за чинопочитанія	—
Ахеръ	142
Ради семейнаго мира	147

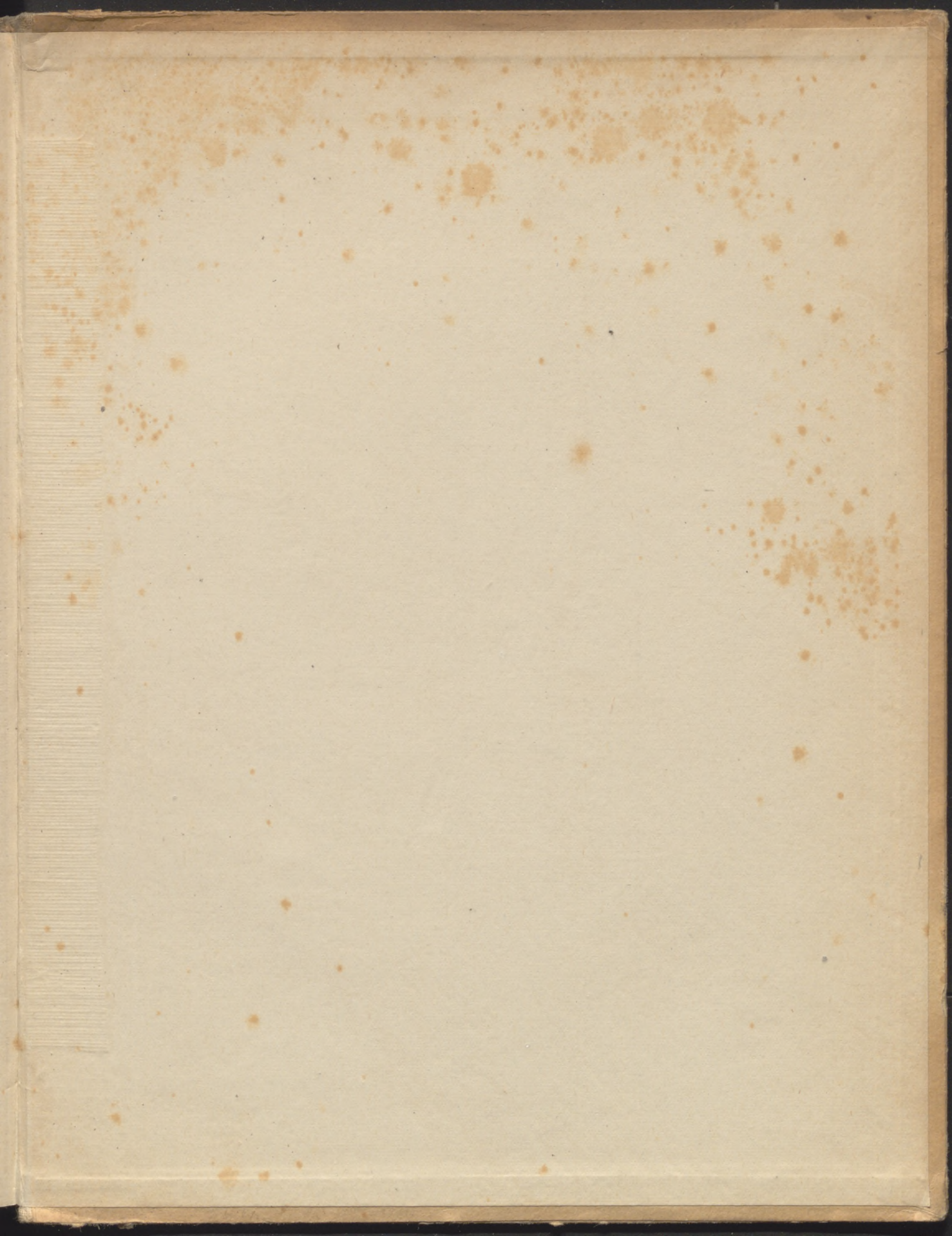
	Стр.
Убъжище сатаны	148
Мой братъ Ки-Товъ	—
Отданное на храненіе	149
Не грѣшники, но грѣхи	150
«Ликуй, неплодная!	—
Изъ басень р. Меира	—
Р. Симеонъ бенъ Йохай и сынъ его Элазаръ	
Два рта	152
Въ пещерѣ и по выходѣ оттуда	—
Исцѣленіе черезъ бѣса	154
Долина золотыхъ динаривъ	156
Носильщикъ и пророкъ	—
Р. Пинхасъ бенъ Яиръ	
Чужого ни крошки	158
Для чужого урожая	—
Дорожныя приключенія	—
Сказка о потерянной жемчужинѣ	160
Р. Иуда-Наси (Раби, Рабену Га-Кадошъ)	
Обмѣнъ дѣтьми	162
Восемь благъ	163
Изъ-за теленка	—
Въ голодный годъ	164
Двѣнадцать вдовъ	165
Дочь вѣроотступника	—
Неоцѣнимый подарокъ	166
Преждевременный Мессія	—
Мухи	167
Пригодится для потомковъ	—
Холодъ и рай	—
Патріархъ — сноповязъ	168
Причина долготѣія	—
Кончина Раби	169
Раби Хія	
Чтобы Тора никогда не забывалась	171
Р. Хія и Ангелъ смерти	—
Тронъ праведника	172

	Стр.
Р. Иохананъ и р. Симеонъ бенъ акишъ (Решъ-Лакишъ)	
Власть жизни	173
За богатствомъ	174
Выбралъ благую часть	175
Всѣ люди — братья	—
О томъ какъ Решъ-Лакишъ спасся	—
«Левъ изъ Вавилона»	176
Четыре монумента	177
Князю — свое, Богу — свое	178
Равъ (равъ Аба)	
Искры мудрости	180
Ложь недопустима никогда	—
Самуилъ (Ярхинаи)	
Сиротскія деньги	181
Равъ Гуна	
Въ общественной и частной жизни	183
Четыреста бочекъ скишаго вина	184
Кончина и погребеніе равъ Гуны	—
Равъ Шешеть	
Зрячій слѣпой	186
Раба баръ Нахмани	
Испытанія и кончина его	188
Р. Иосе изъ Юкрата	
Насиліе надъ природой	190
Проклятіе красоты	—
Прежніе и нынѣшніе	192
Въ честь учителя	194
Сапданы	
На смерть Рабины	195
На смерть равъ Оше	196
На смерть р. Зеры	—









30
Biblioteka
Główna
UMK Toruń

495269

22

